

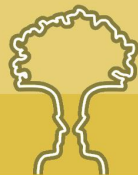
interaction
интеракция

interview
интервью

interpretation
интерпретация

INTER

3' 2022

Федеральный научно-исследовательский
социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
Российское общество социологов (РОС)

Интеракция. Интервью. Интерпретация
2022. Том 14. № 3
Interaction. Interview. Interpretation
2022. Volume 14. No. 3

ISSN (Print) 2307-2075
ISSN (Online) 2687-0401

РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 2002 г.

Выходит 4 раза в год

2022. Том 14. № 3

DOI: 10.19181/inter.2022.14.3

Учредители	Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (ФНИСЦ РАН) Российское общество социологов (РОС)
Издатель	Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
Главный редактор	В. В. Семенова
Редакция	Е. Ю. Рождественская А. В. Стрельникова И. Н. Тартаковская
Ответственный секретарь	П. Е. Сушко
Технический редактор	О. Н. Салангина
Компьютерная верстка	В. Е. Кудымов
Корректор	А. Н. Кокарева

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней кандидата и доктора наук.

Журнал открытого доступа.

Доступ к контенту журнала бесплатный.

Плата за публикацию с авторов не взимается.

Контент доступен по лицензии
Creative Commons Attribution 4.0 International Public License

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе
на официальном сайте журнала с момента публикации: <https://www.inter-fnisc.ru/>

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77-73688
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
14 сентября 2018 г.

© Интеракция. Интервью. Интерпретация, 2022
© Interaction. Interview. Interpretation, 2022

Редакционная коллегия

Главный редактор

СЕМЕНОВА Виктория Владимировна — доктор социологических наук, профессор, Государственный академический университет гуманитарных наук; руководитель сектора, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), victoria-sem@yandex.ru

Редакция

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ Елена Юрьевна — доктор социологических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; ведущий научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), rigasvaverite@gmail.com

СТРЕЛЬНИКОВА Анна Владимировна — кандидат социологических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; старший научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), astrelnikova@hse.ru

ТАРТАКОВСКАЯ Ирина Наумовна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), I_Tartakovskaya@yahoo.com

Ответственный секретарь

СУШКО Павел Евгеньевич — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), sushkore@mail.ru

Редакционная коллегия

АБРАМОВ Роман Николаевич — доктор социологических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; ведущий научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), rabramov@hse.ru

БРЕКНЕР Розвита — доктор философии, доцент, Университет Вены (Вена, Австрия), roswitha.breckner@univie.ac.at

ВАНЬКЕ Александрина Владимировна — кандидат социологических наук, научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), vanke@inbox.ru

ДЭВИС Кэти — доктор философии, профессор, Амстердамский свободный университет (Амстердам, Нидерланды), k.e.davis@vu.nl

ИНОВЛОКИ Лена — доктор философии, профессор, Франкфуртский университет прикладных наук (Франкфурт-на-Майне, Германия), linowlocki@fb4.fra-uas.de

КОЗИНА Ирина Марковна — кандидат социологических наук, ординарный профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), ikozina@hse.ru

КОСЕЛА Кшиштоф — доктор социологических наук, профессор, Варшавский университет (Варшава, Польша), k.kosela@is.uw.edu.pl

ОМЕЛЬЧЕНКО Елена Леонидовна — доктор социологических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия), omelchenkoe@mail.ru

ЧЕРНОВА Жанна Владимировна — доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН (Санкт-Петербург, Россия), chernova30@mail.ru

ЧЕРНЫШ Михаил Федорович — член-корреспондент РАН, доктор социологических наук, директор, ФНИСЦ РАН (Москва, Россия), mfche@yandex.ru

ЧЕРНЯЕВА Татьяна Ивановна — доктор социологических наук, профессор, Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы (Саратов, Россия), tatcher@yandex.ru

ЯРСКАЯ-СМИРНОВА Елена Ростиславовна — доктор социологических наук, ординарный профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), eiarskaia@hse.ru

Editorial board

Editor-in-Chief

Victoria V. SEMENOVA — Doctor of Sociology, Professor, State Academic University for the Humanities; Head of the sector, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), victoria-sem@yandex.ru

Editorial Team

Elena Yu. ROZHDESTVENSKAYA — Doctor of Sociology, Professor, National Research University Higher School of Economics; Leading researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), rigasvaverite@gmail.com

Anna V. STRELNIKOVA — Candidate of Sociology, Associate professor, National Research University Higher School of Economics; Senior researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), astrelnikova@hse.ru

Irina N. TARTAKOVSKAYA — Candidate of Sociology, Senior researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), I_Tartakovskaya@yahoo.com

Executive Secretary

Pavel E. SUSHKO — Candidate of Sociology, Leading researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), sushkope@mail.ru

Editorial Board

Roman N. ABRAMOV — Doctor of Sociology, Associate professor, National Research University Higher School of Economics; Leading researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), rabramov@hse.ru

Roswitha BRECKNER — PhD, Associate Professor, University of Vienna (Vienna, Austria), roswitha.breckner@univie.ac.at

Zhanna V. CHERNOVA — Doctor of Sociology, Leading researcher, SI RAS — FCTAS RAS (St. Petersburg, Russia), chernova30@mail.ru

Tatiana I. CHERNYAEVA — Doctor of Sociology, Professor, Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin — the branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saratov, Russia), tatcher@yandex.ru

Michael F. CHERNYSH — Corresponding Member, Doctor of Sociology, Director, FCTAS RAS (Moscow, Russia), mfche@yandex.ru

Kathy DAVIS — PhD, Professor, Free University Amsterdam (Amsterdam, Netherlands), k.e.davis@vu.nl

Elena R. IARSKAIA-SMIRNOVA — Doctor of Sociology, Tenured Professor, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), eiarskaia@hse.ru

Lena INOWLOCKI — PhD, Professor, Frankfurt University of Applied Sciences (Frankfurt-am-Main, Germany), linowlocki@fb4.fra-uas.de

Krzysztof KOSELA — Doctor of Sociology, Professor, University of Warsaw (Warsaw, Poland), k.kosela@is.uw.edu.pl

Irina M. KOZINA — Candidate of Sociology, Tenured Professor, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), ikozina@hse.ru

Elena L. OMELCHENKO — Doctor of Sociology, Professor, National Research University Higher School of Economics in St. Petersburg (St. Petersburg, Russia), omelchenkoe@mail.ru

Alexandrina V. VANKE — Candidate of Sociology, Researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), vanke@inbox.ru

Содержание

Письмо редактора	7
Исследовательские дискурсы: профессиональный труд, занятость, этнография	10
<i>Петр Бизюков</i> Нужен ли новый трудовой контракт?	10
<i>Ольга Пинчук</i> Этнография труда рабочих распределительного центра: методические замечания.....	31
<i>Роман Абрамов</i> На подхвате у алгоритма, или истории поденщика платформенного капитализма	35
<i>Андрей Старовойтенко</i> (Де)субъективация работников в пространстве склада маркетплейса: цифровой диктат или индустриальный «базар»?	55
<i>Ольга Пинчук</i> «Партизанщина» на позднесоветском заводе через призму драматической социологии Андрея Алексева.....	78
Полевые исследования	98
<i>Оксана Нор-Аревян, Алена Черевкова</i> Социальное самочувствие и протестный потенциал медиков Ростовской области в период пандемии коронавируса.....	98
<i>Кирилл Афанасьев, Екатерина Степанова</i> Инициативное благоустройство в Санкт-Петербурге: от ЖКХ-арта к тактическому урбанизму.....	124
ИНТЕР-энциклопедия качественных методов	154
<i>Михаил Мальцев</i> ИНТЕР-энциклопедия: конверсационный анализ	154

Contents

Editor's Letter	7
Research Discourses: Professional Work, Employment, Ethnography	10
<i>Petr Bizyukov</i> Is a New Employment Contract Needed?.....	10
<i>Olga Pinchuk</i> Ethnography of Distribution Center Workers' Labor: Methodological Notes.....	31
<i>Roman Abramov</i> In the Grip of the Algos, or Stories of a Precarious Worker of Platform Capitalism.....	35
<i>Andrey Starovoytenko</i> (De)subjectivation of Workers in the Marketplace's Warehouse Space: Digital Dictate or an Industrial "Bazaar"?	55
<i>Olga Pinchuk</i> "Partisanship" at the Late Soviet Factory through the Prism of Andrey Alekseev's Dramatic Sociology.....	78
Field Work Research	98
<i>Oksana Nor-Arevyan, Alena Cherevkova</i> Protest Activity and Social Well-Being of the Rostov Region Medical Professionals During the Coronavirus Pandemic.....	98
<i>Kirill Afanasiev, Ekaterina Stepanova</i> Initiative Improvement in Saint-Petersburg: from Local Community Art towards Tactical Urbanism	124
INTER-Encyclopedia of Qualitative Methods	154
<i>Mikhail Maltsev</i> INTER-Encyclopedia: Conversation Analysis.....	154

Письмо редактора

Предлагаемый вниманию читателей новый номер журнала «Интер» посвящен классическим социологическим сюжетам — эволюции трудовых отношений, связанным с ними проблемам, противоречиям и конфликтам. И хотя статьи готовились независимо друг от друга, при знакомстве с ними возникает ощущение, что авторы находятся в состоянии активного диалога, подхватывая друг у друга сюжеты и делясь сходными наблюдениями.

Не секрет, что российский рынок труда переживает сложные времена, хотя можно спорить о том, находится ли он уже в состоянии кризиса или пока что балансирует на его краю. Но в любом случае понятно, что цена новых экономических и социальных вызовов уже достаточно высока, и платить ее придется прежде всего рядовым работникам, социальные гарантии которых на глазах съеживаются, как шагреновая кожа. И помимо того, что эти процессы важно фиксировать социологически, на уровне исследований, их драматизм часто предполагает, что ученые, в них вовлеченные, занимают по отношению к ним еще и гражданскую позицию, опираясь на традиции публичной социологии. Это характерно и для авторов нашего номера, которые погружены в свои исследования очень глубоко — буквально вплоть до включенного наблюдения, предполагающего, что исследователь не просто максимально близко приближается к своему объекту, но и разделяет с ним его повседневные проблемы, практики и тяготы.

Номер открывает статья Петра Бизюкова, создателя и координатора проекта «Мониторинг трудовых протестов». Особая ценность «Мониторинга» состоит в том, что на протяжении уже 14 лет он отслеживает протесты и конфликты не только в России, но и в других странах постсоветского пространства, позволяя сравнивать политические и экономические контексты, условия возникновения и разрешения конфликтных ситуаций разного уровня. Текст П. Бизюкова ставит перед собой задачи, выходящие за пределы чисто академической рефлексии, и представляет собой весомую реплику в разворачивающихся в последние годы дебатах о необходимости изменения трудового законодательства в пользу создания «гибких контрактов», которые позволили бы работодателям во имя эффективности отказаться от соблюдения целого ряда ограничений, направленных на защиту трудовых прав работников. Такой неолиберальный подход, как правило, критикуют с правозащитных позиций, справедливо указывая на то, что в условиях слабых профсоюзов работники столкнутся с новыми, более жесткими формами эксплуатации. Однако П. Бизюков рассматривает эту коллизию с несколько неожиданной стороны: на основании изучения многолетнего опыта применения национальных трудовых законодательств он показывает, что «гибкое законодательство», содержащее минимальную регламентацию, невыгодно на самом деле также

и работодателям, поскольку создает почву для множественных трудовых конфликтов вплоть до длительных забастовок.

Особенно конфликтогенной в настоящее время является та сфера занятости, которая относится к «серой зоне» — прекарному труду, неформальной экономике и особенно к так называемому цифровому, или «платформенному», капитализму, где отсутствует сам полноценный статус работника, а незащищенные законом трудовые отношения маскируются под бизнес-партнерство подрядчика и клиента. Этому виду экономических отношений посвящен впечатляющий текст «Этнография труда рабочих распределительного центра: попытка коллективной работы», являющийся продуктом совместного исследовательского проекта Андрея Старовойтенко, Романа Абрамова и Ольги Пинчук. Текст состоит из небольшого предисловия и двух отдельных статей, в которых подробно анализируется опыт включенного наблюдения одного из авторов, больше месяца трудившегося в качестве рядового работника на складе одного из крупных агрегаторов электронной торговли. В этом материале прекрасно сочетается богатое эмпирическое описание особенностей труда «поденщика платформенного капитализма», проиллюстрированное выдержками из полевых дневников, и глубокий анализ самого феномена предельно обезличенного, отчужденного труда в такого рода коммерческих структурах, которые маркируются одним из авторов как «не-место», которое работнику невозможно ни «присвоить» себе как часть своего жизненного мира, ни даже просто освоить. Это уникальное исследование для российской социологии, особенную ценность ему придает то, что в нем присутствует важная методологическая рефлексия по поводу роли различных участников научного коллектива в работе с эмпирическим материалом, особой оптики непосредственных участников и аналитиков, работающих с их полевыми документами.

Логическим развитием идей и инсайтов, высказанных в этом материале, является отдельная статья Ольги Пинчук «“Партизанщина” на позднесоветском заводе через призму драматической социологии Андрея Алексева». Она также посвящена анализу опыта включенного наблюдения работы на производстве, но в историческом аспекте. Андрей Алексеев — одна из самых ярких фигур в истории отечественной социологии, и обращение к его трудам всегда плодотворно и продуктивно, в том числе и для понимания текущей ситуации в сфере труда и занятости. Опираясь на его исследовательские материалы, О. Пинчук, сама имевшая опыт включенного наблюдения на индустриальном предприятии, осуществляет внимательный и продуктивный вторичный анализ описанного им феномена «партизанщины» — инициативного использования промышленного оборудования, не предусмотренного трудовым регламентом. Автор делает вывод, что такая «партизанщина» была направлена на исправление «поломок», заложенных в принцип организации труда на советском производстве.

Статья Оксаны Нор-Аревян и Алены Черевковой «Потенциал протестной активности медиков Ростовской области в контексте социального самочувствия в период пандемии коронавируса» представляет собой практическую

иллюстрацию к главному тезису статьи П. Бизюкова: он приводит пример значительного роста числа протестов медицинских работников в период пандемии как подтверждение своего аргумента о том, что появление нового круга нерегламентированных обязанностей вызывает значительный рост напряженности. О. Нор-Аревян и А. Черевкова подробно описывают самоощущение этой социальной группы на материалах большого количественного и качественного исследования в одном из регионов и приходят к важному выводу, что в итоге, перегорев, медицинские работники имеют мало надежд на отстаивание своих трудовых прав путем обращения в профсоюзные организации, этот канал, по сути, не работает. В критической ситуации они готовы обратиться к непосредственному начальству, а если это не принесет успеха — просто уйти из профессии.

Еще один материал этого номера также посвящен протестам и противоречиям, но уже не в сфере труда, а в области благоустройства своего района и своих территорий обитания. На основании обзора множества кейсов Кирилл Афанасьев и Екатерина Степанова в статье «Инициативное благоустройство в Санкт-Петербурге: от ЖКХ-арта к тактическому урбанизму» выяснили, что жители города хотели бы сами контролировать процессы его развития и украшения и, хотя некоторые из инициатив носят спорный характер, они не готовы пассивно наблюдать за деятельностью местных властей, а рассматривают себя как акторов урбанизационных процессов, имеющих свою точку зрения и готовых отстаивать свои интересы всеми доступными способами.

«Интер» продолжает также свой ключевой проект — публикацию «Энциклопедии качественных методов». В новом номере можно познакомиться с содержательной обзорной статьей, посвященной разговорному анализу, — надеемся, что она будет полезной для всех социологов, исследующих повседневность и любые диалоговые жанры коммуникации.

Увлекательного чтения!

Редактор номера
И. Н. Тартаковская

Исследовательские дискурсы: профессиональный труд, занятость, этнография

DOI: 10.19181/inter.2022.14.3.1
EDN: DUPZCB

Нужен ли новый трудовой контракт?

Ссылка для цитирования:

Бизюков П. В. Нужен ли новый трудовой контракт? // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2022. Т. 14. № 3. С. 10–30. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2022.14.3.1>. EDN: DUPZCB

For citation:

Bizyukov P.V. (2022) Is a New Employment Contract Needed? *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 14. No. 3. P. 10–30. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2022.14.3.1>

Бизюков Петр Вячеславович

Мониторинг трудовых протестов,
Санкт-Петербург, Россия

E-mail: bizyukov.pb@gmail.com

В статье рассматривается тема «нового трудового контракта», которой в последнее время посвящается множество дискуссий ученых и экспертов. Существующая конфигурация трудовых отношений неоднородна и противоречива. Есть зоны, где преобладают правовые, предписанные законом отношения, есть неформальный сектор, где работодатели устанавливают свои правила, есть трудовые отношения с более низкими стандартами, предназначенные для работников «второго сорта», таких как мигранты. Наконец, активно развивается цифровой сектор, где формируются «псевдотрудовые отношения». Все это заставляет искать новые пути развития и пытаться определить параметры так называемого нового трудового контракта. Чаще всего в качестве такового рассматривается идея либерализации трудового законодательства и освобождения бизнеса от «избыточных ограничений», увеличивающих трудовые издержки. В статье приводится ряд фактов, показывающих, что оборотной стороной либерализации является высокий уровень конфликтности, переходящий в протесты. При этом практики урегулирования противоречий в трудовой сфере в основном сводятся

к подавлению недовольства работников или игнорированию их позиции. Поэтому рост конфликтности неизбежно приведет к усилению социальной напряженности в экономике.

Другой вариант, активно развивающийся в крупных корпорациях, — использование патерналистских стратегий, которые хоть и выглядят гуманными, но направлены только на поддержку способов поведения, выгодных компаниям, и исключают возможность работников отстаивать свои интересы.

Третий вариант может опираться на идею гуманизации трудовых отношений, активно развивавшуюся в XX веке и предполагающую диалоговые формы взаимодействия работников и работодателей, а также формирование субъектности работников как значимых акторов трудовых отношений.

Ключевые слова: трудовые протесты; трудовые отношения; работники; работодатели; патернализм; субъектности; гуманизация

Введение

Вопрос, нужен ли в России новый «трудовой контракт», все чаще звучит в среде экспертов в области проблем занятости, труда и управления человеческими ресурсами. Разумеется, речь идет не об изменении формы трудового договора о найме, а о принципиальном изменении модели трудовых отношений, существующей в стране в последние годы и даже десятилетия. Сейчас в ее основе лежит идея стандартизованных трудовых отношений, закрепленных в законодательстве, нормах и правилах. Закон предписывает не только конкретные параметры, но и процедуры, в соответствии с которыми необходимо принимать, увольнять, вести переговоры и даже проводить забастовки. При этом многие параметры трудового законодательства воспринимаются как излишне жесткие, ограничивающие бизнес, навязывающие ему неоправданные издержки.

Устарел ли старый трудовой контракт?

Сомневаться в сохранении и необходимости стандартной модели трудовых отношений, предписанных законодательством, заставляет многое. Во-первых, это развитие так называемого неформального сектора экономики. Его главным преимуществом считалось отсутствие ограничений на трудовую деятельность (время, условия и охрана труда, гарантии зарплаты и т.п.) и, соответственно, заниженные издержки. Ведь можно не только сэкономить на оплате временной нетрудоспособности работника, но и не платить ни налоги, ни отчисления в социальные фонды.

Это откровенно противозаконные практики, но государство предпочитает не обращать на этот сектор особого внимания — главным образом потому, что это избавляет госорганы от необходимости повсеместно контролировать

отношения работников и работодателей, нести соответствующие расходы и даже создает возможность для коррупционного кормления чиновников и силовиков. Фактически в стране существует сектор «диких трудовых отношений», где работодатели устанавливают такие правила, которые могут навязать.

Во-вторых, это тема мигрантов, как внешних, так и внутренних. У них особые условия труда, значительно отличающиеся в худшую сторону от легальных, хотя их трудоустройство в последние годы и стало по большей части практически официальным, времена «дикого найма» приехавших издалека прошли. Их через кадровые агентства привозят под определенные проекты, на фиксированный срок, заранее обговорив зарплату. Но, тем не менее, по сравнению с местными работниками их труд хуже оплачивается, они работают больше и не имеют никаких гарантий и т.п. Это еще один сектор экономики для рабочей силы «второго сорта», где не нужно соблюдать всех требований трудового законодательства. При этом востребованность этого рынка столь высока, что ведущие эксперты и чиновники высказываются о необходимости сохранения такой группы работников, подчеркивая, что без них экономика пострадает и даже могут остановиться некоторые сектора, такие как строительство¹.

В-третьих, если неформальная экономика и мигранты выглядят как масштабные отклонения от стандартной занятости, то появившиеся в последние годы цифровые платформы предложили принципиально новый вид отношений в сфере труда. Собственно, системы оперативного сбора и распределения заказов (на доставку, поездки на такси и др.) отказываются считать свои взаимодействия с исполнителями (курьерами-доставщиками, таксистами и т.п.) трудовыми. Законы позволяют оформлять их отношения как взаимодействия между юридическими лицами, то есть фирмами и самозанятыми. Хотя при этом все признаки трудовых отношений здесь есть — договор о выполнении деятельности, система вознаграждения, контроль за исполнением и т.п. Нелучайно такую занятость называют псевдотрудовой и в некоторых странах власти заставляют цифровые платформы оформлять трудовые отношения с тем, кого работодатели считают «бизнес-партнерами», а не работниками².

Появление возможности маскировать трудовую занятость под бизнес-активность, под взаимодействие равнозначных и независимых партнеров позволяет полностью выйти за рамки трудового законодательства и перевести отношения с работниками в совершенно иную плоскость.

Сюда же можно отнести и попытки государства облегчить получение статуса самозанятых, давая людям возможность зарабатывать, но при этом не быть работниками. Нужно отметить, что во всех этих секторах, с их отклонениями от стандартной модели и даже принципиальным отрицанием ее, работают десятки миллионов людей. Именно массовость занятых там работников и порождает мысли о том, что формализованная система трудовых отношений,

¹ Объединение строителей заявило о нехватке до 2 млн мигрантов в отрасли // Коммерсант: [сайт]. 08.02.2022. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5206094?query=%D0%BC%D0%B8%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%82%D1%8B> (дата обращения: 14.07.2022).

² Курьерам Сиэтла пообещали ввести через полтора года минимальный уровень зарплаты // Интерфакс: [сайт]. 01.06.2022. URL: <https://www.interfax.ru/business/844188> (дата обращения: 14.07.2022).

легитимизированная специальным законом, несовершенна настолько, что требует замены. Ведущие российские эксперты в области рынка труда говорят об этом довольно часто: «...существование обширной и растущей неформальной занятости — это, прежде всего, свидетельство институционального провала государства. <...> в первую очередь, необходимо системное совершенствование институциональной среды и повышение качества регулирования. Нужно снижать административные барьеры разного рода, облегчая вход в бизнес, стимулируя создание новых и расширение действующих предприятий» [Гимпельсон, Капелюшников, 2014: 530].

Всегда ли оправдана полная замена существующей системы?

В связи с описанными выше проблемами возникает вопрос, что именно нужно сделать: полную замену существующей системы отношений или ревизию возможностей уже имеющейся, в том числе нереализованных. В стране есть опыт неоправданного отказа от сложившихся и вполне эффективных практик. В качестве примера можно привести опыт избавления промышленных предприятий от социальных объектов, так называемого соцкультбыта. В середине 1990-х годов началась кампания, инициированная властями и направленная на то, чтобы избавить предприятия от «непрофильной деятельности». Цели были вполне понятны и рациональны. Поликлиники, детские сады, дома культуры и спортивные сооружения находились на балансе промышленных предприятий, которые содержали и финансировали их развитие. Кроме социальных объектов, предприятия строили жилье для своих работников, спонсировали поездки на курорты и выполняли многие функции, целью которых было гуманизировать жизнь своих работников и доставить им те блага, которые нельзя было получить иным путем. Безусловно, соцкультбыт снижал уровень экономической эффективности, но при этом не следовало забывать, что он был функцией, компенсировавшей неспособность властей низового уровня обеспечить доступ к достойному уровню жизни. Ведь работники многих предприятий, которые строились в Сибири, в северных и других малоразвитых территориях, обладали высокой квалификацией и культурой, требовавшими определенного уровня жизни, недоступного в этих местах.

Отказ от соцкультбыта означал одновременное уничтожение компенсаторной функции, которая хоть и снижала экономическую эффективность, но обеспечивала работникам приемлемое социальное существование. Никто не подумал о том, есть ли у местных властей необходимые средства для содержания передаваемых объектов и есть ли покупатели, способные сохранить функциональность продаваемых им объектов. В итоге переданные и проданные объекты либо развалились, либо сменили функционал (стадионы превратились в рынки, а дома культуры — в офисные центры). Передача функции не состоялась, соцкультбыт на предприятиях по большей части исчез, а к властям и коммерческим структурам эти функции не перешли.

При этом рост эффективности предприятий, освобожденных от «несвойственных функций», наблюдался далеко не всегда, и утраченные неденежные блага соцкультбыта чаще всего не компенсировались повышенной зарплатой. Поэтому к данной кампании вполне подходит метафора «выплеснуть воду вместе с ребенком». Возможно, в развитой рыночной экономике такая кампания и могла бы быть успешной, но в тех условиях, что были в стране, а именно — слабость государства, отсутствие рыночной инфраструктуры, патерналистские традиции, неразвитость гражданского общества и т.п., благое пожелание отказа от «непрофильных активов» обернулось разрушением социальной сферы и значительным ухудшением качества жизни в большинстве регионов страны.

Социальное прожектерство без учета всех последствий красноречиво описал Дж. С. Скотт в книге «Благими намерениями государства» [Скотт, 2005], показав, что ущерб от множества нереализованных грандиозных социальных проектов заключался не только и не столько в том, что они оказывались нежизнеспособными. На многочисленных примерах, от архитектурных экспериментов Ле Корбюзье и трансформации сельских общин в Танзании до глобальной ленинской переделки всего общества, Дж. Скотт убедительно показывает, что непродуманная и бескомпромиссная идея, призванная внести масштабные изменения, не может реализоваться. Причем главная проблема не в том, что не достигались поставленные цели — одновременно уничтожалось и то, от чего действительно стоило бы избавиться, и то, что стоило бы сохранить, и даже то, что могло бы стать точкой дальнейшего роста. Разрушались многие успешные и эффективные практики, которые уже существовали и могли использоваться в перспективе.

Трудовой контракт как мегапроект

Трансформация «трудового контракта» — это не что иное, как мощный модернизационный мегапроект, способный изменить жизнь десятков миллионов работников в стране. Его сердцевиной чаще всего называется «уменьшение жесткости трудового законодательства», или, что то же самое, увеличение его «гибкости». Это довольно старая неолиберальная идея, суть которой заключается в том, чтобы снять как можно больше безусловных ограничений, регулирующих трудовые отношения: убрать ограничения на восьмичасовой рабочий день, уменьшить фиксированный двадцативосьмидневный оплачиваемый отпуск, оплату больничных отпусков, устранить жесткий перечень оснований для увольнения, отказаться от коллективных соглашений и многое другое. Эти меры рассматриваются как своего рода «усиление договорных начал в трудовых отношениях».

При этом чаще всего говорится о том, какие преимущества будут получены работниками. Ведутся рассуждения в духе, что теперь квалифицированные и самые успешные из них смогут вести более эффективный диалог с работодателями, которые в них нуждаются. Особо подчеркивается, что

«востребованные» работники в таких условиях не будут отягощены обязательствами перед своими менее квалифицированными и не столь востребованными коллегами. Но главной целью мегапроекта «новый трудовой контракт», конечно же, является увеличение гибкости трудовых отношений, «развязывание рук» работодателям в деле снижения трудовых издержек и, в конечном итоге, повышение экономической эффективности, рост конкурентоспособности и т.п.

Правда, почти не обсуждается, какими будут социальные издержки этого проекта — а это крайне необходимо по целому ряду причин. Во-первых, «востребованных» работников не может быть много, поэтому преимуществами равноправных договорных взаимодействий с работодателем смогут воспользоваться немногие, а большинство окажется в худшем положении. Работники массовых профессий, не говоря уже о малоквалифицированных, вынуждены будут довольствоваться только тем, что им предложат. Во-вторых, навязанный контракт закрепит доминирование работодателя как более сильного актора, обладающего административной, финансовой и технологической властью. Работники, даже организованные в профсоюз, заведомо слабее. Если обратиться к опыту США времен XX в. и Великой депрессии, то многочисленные и активные профсоюзы того времени не могли изменить ситуацию до тех пор, пока в рамках рузвельтовского «Нового курса» пакет трудовых законов Р. Вагнера не узаконил обязательность коллективных переговоров, право на забастовку, запрет локаутов. Таким образом ограничивалось административное, финансовое и другие виды преимущества работодателей, а работники, наоборот, получали инструменты влияния на трудовые отношения.

Гуманизация труда как тренд развития трудовых отношений

Смысл такого выравнивания возможностей заключался в том, чтобы гармонизировать и гуманизировать трудовые отношения — идея, которая стала актуальной после Первой мировой войны. Причем актуальной настолько, что был создан специальный орган — Международная организация труда (МОТ), которая и провозгласила своей стратегической целью установление справедливых стандартов труда, за счет чего предполагалось снизить социальную напряженность, так как «всеобщий и прочный мир может быть установлен только на основе социальной справедливости»¹. С тех пор весь дальнейший опыт развития трудовых отношений заключался в том, чтобы «очеловечить» труд.

Отменялся детский и принудительный труд, провозглашалось, что труд — не товар, а особое социально-экономическое отношение, поддерживалось развитие профсоюзов и социальных функций у государств. Разрабатывались

¹ Устав Международной организации труда и тексты отдельных актов. Женева: Международное бюро труда, 2012. С. 5. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/@ed_norm/@relconf/documents/genericdocument/wcms_405835.pdf (дата обращения: 14.07.2022).

теоретические основы гуманизации труда — теория человеческих отношений Э. Мэйо, теория Х и Y Д. Макгрегора, партисипативные системы вовлечения работников в управление и т.п. Институционально это все было закреплено, во-первых, созданием детализированных систем трудового законодательства, во-вторых, учреждением национальных и международных профсоюзных организаций, в-третьих, вовлечением крупнейших корпораций в социальные и профсоюзные соглашения.

Экономический кризис 1970-х годов затормозил процесс гуманизации труда, который и так развивался неоднозначно. На смену пришла неолиберальная идея с ее ориентацией на отказ от государственного вмешательства в экономику, обеспечение максимальной свободы для бизнеса, свободной конкуренции. Значимой составляющей неолиберальной модели стала идея увеличения гибкости рынка труда и снижения жесткости законодательства, главным образом, для сокращения издержек. Это подразумевало множество мер: облегчение процедур увольнения как в целом, так и для отдельных категорий, в частности для молодежи, ослабление социальных гарантий для работников, изменение продолжительности рабочего времени и, главное, ослабление влияния работников (в лице профсоюзов) на регулирование трудовых отношений. О причинах популярности неолиберальных взглядов среди политиков и крупного бизнеса написано немало, как и о том, что снижение налогов на предпринимателей привело к их активизации, а ограничение вмешательства государства усилило конкурентность и прибыльность бизнеса. Но одновременно подчеркивалось, что «начался решительный поворот к еще большему социальному неравенству и восстановлению экономического влияния верхушки общества» [Харви, 2007: 40].

Российская специфика регулирования трудовых отношений

В России переход к рынку начался в 1990-х годах, когда неолиберальная политика была весьма популярной в мире, и произошло своего рода слияние — отрицание советского патерналистского опыта и стремление быть в тренде неолиберальной политики. Уменьшение жесткости законодательства и увеличение гибкости рынка труда рассматривались как главный и необходимый вектор развития. Хотя надо отметить, что власти вели себя достаточно осторожно и радикальных реформ не затевали. Они меняли не рынок труда, а трудовые отношения, сохранив в них большинство традиционных норм и ограничений (рабочее время, оплачиваемый отпуск и т.п.), но при этом последовательно меняя алгоритмы взаимодействий главных акторов, наделяя работодателей все большими возможностями и ограничивая набор средств, с помощью которых работники могли бы защищать свои права [Бизюков, 2021: 29–62].

Самый яркий пример «вышибания» инструментов из рук работников — это российское законодательство о трудовых спорах. В нем прописана очень

сложная и продолжительная процедура объявления законной забастовки, которая экспертами и профсоюзными лидерами оценивается как «запретительная» [Герасимова, 2016: 145–172]. Мало того, работодатели легко могут ее сорвать и тем самым обесценить усилия работников и профсоюза, пытающихся действовать в правовом поле. Кроме того, после принятия Трудового кодекса в 2002 г. в него неоднократно вносились изменения, ослабляющие позиции работников и профсоюзов. Например, был расширен перечень оснований для заключения временных трудовых договоров, значительно облегчена процедура увольнения профсоюзных лидеров первичного звена. Наконец, внесены изменения в порядок ведения коллективных переговоров, благодаря которым работникам стало труднее продвигать и отстаивать свои интересы. Эти и другие меры в конечном счете привели к тому, что сбалансированности трудовых отношений, обеспечивающей равные позиции сторон, не удалось достичь. Можно использовать разные метафоры по поводу возникающего дисбаланса — «сужающийся коридор возможностей», «нехватка инструментов воздействия» и др. Суть одна: работодатели имеют явное преимущество, и трудовые отношения из договорных, формирующихся на основе закона и диалога равных партнеров, превращаются в односторонне определяемую систему.

Поскольку диалог и закон играют все меньшую роль в регулировании трудовых отношений, встает вопрос о необходимости такого регулирования вообще и возникает идея «нового трудового контракта». Без преувеличения можно утверждать, что ядром этого проекта считается идея если не отмены, то существенного сужения зоны действия трудового законодательства. Но мало кто из сторонников дерегуляции задумывается о том, каковы будут ее последствия, причем не столько желаемые, сколько непредвиденные и негативные.

Невыплаты зарплаты не регулируются законом, и это главный повод для протестов

Прежде всего, следует принять во внимание, как поведут себя работники в условиях ослабления или устранения регулирующих правовых норм. Примером такого отсутствия может служить ситуация с невыплатами зарплат. Де-юре это запрещено, а де-факто такое явление существует с первых дней перехода российской экономики к рынку. Государство не может или не хочет устранить данную проблему полностью, поэтому формально запрещенное явление существует в массовом порядке¹. Иными словами, неплатежи запрещены, но они есть: долговременные, когда не платят по нескольку месяцев; кратковременные; полные, когда не платят вообще ничего; частичные, когда не платят премию, надбавки, положенные дополнительные выплаты и т.п.; эпизодические, когда нет зарплаты за один месяц, но платят за следующий, а предыдущий долг «повисает» на неопределенный срок. В общем, многообразие

¹ Просроченная задолженность по заработной плате // Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/1326> (дата обращения: 14.07.2022).

неплатежей таково, что их вполне можно считать нерегулируемой областью трудовых отношений. Как ведут себя работники в такой ситуации? Они конфликтуют и протестуют. На рис. 1 показаны причины трудовых протестов за 14 лет наблюдений в рамках Мониторинга трудовых протестов¹.

Рисунок 1. Причины трудовых протестов в 2008–2021 гг., N = 4341 (% от общего количества протестов)

Примечание: Поскольку в рамках одного протеста могло выдвигаться несколько причин, то сумма значений не равняется 100%.

Источник: Визуализация на базе расчетов автора.

При всех недостатках российского трудового законодательства оно так или иначе справляется со своей функцией, то есть устанавливает правила, по которым должны действовать работодатели и работники. Это подтверждается тем, что по разделам, которые прописаны в законодательстве — системы оплаты труда, порядок увольнения, режимы и условия труда и т.п., количество протестов относительно невелико. Их доля колеблется от 6 до 23% от общего количества протестов. Удельный вес такой причины, как «реорганизация, политика руководства», которая законодательством не регулируется, то есть не регламентирована, составляет уже 30%. Но безусловным лидером является та, которую обоснованно можно считать «суперпричиной», так как ее доля намного больше, иногда в разы превышает остальные, — речь идет о невыплатах зарплаты. По данным Мониторинга, за весь период наблюдений протесты из-за полных или частичных невыплат зарплаты составили 44%! При этом в отдельные годы доля протестов по этой причине превышала 50% (2008, 2009, 2010, 2016, 2017, 2018 гг.) и никогда не опускалась ниже 29% (2013 г.).

¹ В статье используются данные независимого информационно-аналитического проекта «Мониторинг трудовых протестов». Проект ведется с 2008 г. на основе сбора информации о трудовых протестах, публикуемой в интернет-прессе. За период с 2008 по 2021 гг. (168 месяцев) собраны данные о 4341 протестной акции. Подробнее с методикой и результатами Мониторинга можно ознакомиться на сайте: <http://www.trudprotest.org>.

Причем в 2013 г. самой распространенной причиной была «реорганизация и политика руководства» — 42%, то есть та, которая обычно была второй по значимости, — в тот год они просто поменялись местами. Уже на основании этих данных можно выдвинуть предположение, что отсутствие правового регулирования приводит к конфликтам, перерастающим в протесты.

Протесты медиков в условиях пандемии

Само наличие закона не гарантирует отсутствия протестов. Резкое изменение и ухудшение обстановки, которое не укладывается в ранее существовавшие регламенты, способно породить ситуацию, когда не существует никаких правил. Именно так можно было охарактеризовать эпидемию, начавшуюся весной 2020 г., поставившую страну и, в частности, систему здравоохранения перед серьезнейшими вызовами. Быстрое и массовое распространение заболевания, повышенная смертность, организация специальных больниц, экстренный поиск методик лечения — все это привело к тому, что медики по всей стране стали работать в совершенно новых условиях, когда не просто от них зависели жизни и здоровье больных, но и сами они подвергались смертельному риску. В таких условиях возникли новые требования к режимам труда медиков, наличию средств защиты, оплате и т.п. Разумеется, разработанные в «пожарном» порядке новые регламенты трудовых отношений были несовершенны, а на местах не было понимания, как их исполнять. Не были отрегулированы вопросы снабжения медиков адекватными средствами защиты, а главное — не были решены вопросы оплаты за работу в опасных условиях и экстремальной продолжительности рабочих смен. Эпидемия началась в конце марта, в апреле были выпущены новые регламенты, но уже к началу мая стало ясно, что они не работают. Колоссальный дефицит средств защиты, запредельные нагрузки на весь медицинский персонал, не компенсированные обещанными выплатами, привели к протестам. Самый яркий пример — это массовое нарушение постановления Правительства РФ № 484 от 12 апреля 2020 г. о выделении средств для оплаты труда медиков «за выполнение особо важных работ медицинским и иным работникам, непосредственно участвующим в оказании медицинской помощи гражданам, у которых выявлена новая коронавирусная инфекция COVID-19». Его невыполнение на местах привело к тому, что в мае 2020 г. Мониторингом трудовых протестов зафиксировано рекордное количество акций — 78! Это при том, что май традиционно малопротестный месяц из-за длинных праздников. На долю медиков пришлось 69% от общего количества майских протестов — 51 акция. Для сравнения, за весь 2018 год медики организовали 23 акции, за 2019 г. — 108. Закономерность опять прослеживается: нет четкого правового регулирования — есть конфликты и протесты. Причем здесь стоит обратить внимание на скорость возникновения протестного всплеска и его затухания — в конце марта началась эпидемия, в апреле возникли проблемы, в мае (через полтора месяца) произошел всплеск протестов. Через несколько месяцев чиновники навели

порядок в документах, и количество выступлений медиков вернулось на доковидный уровень. Нет регламента — есть протесты, есть регламент — протесты возникают значительно реже.

Когда работодателя заменяет цифровой агрегатор

Есть и другие подтверждения данной закономерности — для этого можно посмотреть на другие сферы, где не действует трудовое законодательство. Одна из самых конфликтных отраслей последних лет — городской пассажирский транспорт, а точнее, такси, причем в основном бастуют таксисты, работающие с цифровыми платформами. Цифровая занятость не считается трудовой, это де-юре вообще не труд, а взаимодействие компании-агрегатора с индивидуальными предпринимателями или самозанятыми. Но в реальности это наемный труд, скрытый за юридической казуистикой. За пять лет с 2017 г. таксистами-цифровиками было организовано 126 акций, 43% от всех зафиксированных в сегменте городского пассажирского транспорта, или 7% от общего числа протестов за последние пять лет. Ни одна другая пассажирская подотрасль (водители маршрутных такси, автобусов, троллейбусов и трамваев) не может сравниться по частоте организации акций протеста с таксистами, работающими вне трудового законодательства. Отсутствие правового механизма, то есть полная свобода действий работодателя, порождает высокий уровень конфликтности.

Либеральное законодательство и количество протестов

Наконец, можно привести еще один аргумент. С 2021 г. Мониторинг трудовых протестов стал международным и в нем собирается информация о выступлениях работников в пяти постсоветских странах (Украина, Казахстан, Грузия, Кыргызстан, Молдова). Между ними есть немало различий, прежде всего по размерам экономики и количеству занятого населения. Поэтому для получения сравнимых данных рассчитывается количество протестов на 1 млн занятого населения (см. рис. 2).

Рисунок 2. Количество протестов в некоторых постсоветских странах в расчете на 1 млн занятых в 2021 г.

Источник: Визуализация на базе расчетов автора.

Лидером в 2021 году стала Грузия — почти 16 акций на 1 млн занятых. Это в 3,1 раза больше, чем России, в 3,5 раза больше, чем в Украине, в 2,6 раза больше, чем в Казахстане¹. При этом Трудовой кодекс Грузии, разработанный во времена радикальных экономических реформ, считается сверхлиберальным, максимально гибким на постсоветском пространстве. Он настолько краткий, что умещается на 50 страницах стандартного текста² [Трудовой кодекс Грузии, 2010]. Это главное отличие Грузии от других стран, где существует подробное трудовое законодательство, в большей или меньшей мере сохранившее советские черты. По сути дела, в Грузии был реализован проект кардинального снижения жесткости трудового законодательства. Он развязал руки работодателям, но одновременно (и это, видимо, не очень ожидаемое последствие), сделал то же самое для работников, которые начали добиваться своих целей через конфликт. Опять прослеживается взаимосвязь: отсутствие регулирования восполняется высокой конфликтностью.

Нужно отметить и еще одну особенность, которая выделяется при изучении текстов о протестах в Грузии. Во-первых, это высокий уровень радикальности — стихийные забастовки, блокирование предприятий и т.п. Во-вторых, широкий круг акторов, вовлеченных в протесты. Шахтеров поддерживают студенты, химиков — представители общественных объединений, пиццевиков — депутаты и т.п. В-третьих, довольно часто — чаще, чем, например, в России, — работники и профсоюзы Грузии добиваются переговоров с работодателями и удовлетворения своих требований. Это не значит, что грузинские работники и профсоюзы легко достигают своих целей. Скорее наоборот: многочисленные, повторяющиеся и продолжительные протесты накаляют обстановку, повышая в целом градус протестных настроений в обществе. Это не может не внушать опасения работодателям и властям, которые, видя решительный настрой работников и поддержку бастующих населением, предпочитают в конце концов пойти на уступки.

Регламентация как защита от конфликтов

Приведенные факты позволяют сделать вывод о том, как соотносятся между собой регламентированность трудовых отношений и уровень протестности. Как минимум, можно говорить о том, что связь прослеживается, как

¹ Разумеется, что данные только одного года могут выглядеть лишь как красноречивая иллюстрация. Но систематический сбор информации о протестах в Грузии был начат только в 2021 году, в том числе и по причине того, что в ней, несмотря на небольшое количество занятых, регулярно возникают масштабные и продолжительные протесты, сопровождающиеся довольно радикальными действиями со стороны работников. Например, в 2017 г. с января по март уволенные работники «Руставиазот» (г. Рустави) провели несколько акций в разной форме, к которым было приковано внимание всей страны. Тогда же в разных городах состоялась целая серия акций с участием студентов и гражданских активистов из-за гибели шахтеров в г. Ткибули. Наконец, в 2022 году персонал фабрики «Боржоми» протестовал против увольнений и организовал целую серию акций как на предприятии, так и в столице. Большие, по масштабам страны, разнообразные по форме и продолжительные по времени акции работников в Грузии позволяют считать, что данные 2021 года — это не случайность, что в стране действительно высокий уровень трудовой протестности.

² Трудовой кодекс Грузии // Законодательный Вестник Грузии: [сайт]. URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/1155567?publication=20> (дата обращения: 14.07.2022).

максимум — утверждать, что регламенты ее снижают. В свете этого вывода можно взглянуть на трудовое законодательство следующим образом: устанавливая нормы, границы и пределы, оно снимает поводы для противоречий. Например, установленная норма рабочего времени в виде сорокачасовой пятидневной рабочей недели позволяет разрабатывать множество разных режимов: сменный, суммированный, сокращенный и даже ненормированный. Но во всех случаях — и при определении сверхурочной работы, расчете времени перерывов, и при разработке льготных режимов исходят от установленной продолжительности. Здесь нет особых поводов для конфликтов, потому что закрепленный законом параметр снимает противоречия для определения режимов в рамках законных трудовых отношений. Любая попытка установить большую или меньшую величину будет неправовой и незаконной.

В этой связи стоит вспомнить о попытке в 2010 году пересмотреть базовую продолжительность рабочей недели. По инициативе Российского союза промышленников и предпринимателей была выдвинута идея о праве работодателей при согласии работников ввести 60-часовую рабочую неделю. Предложение вызвало бурную негативную реакцию по многим причинам. Назовем только две из них. Во-первых, это вызвало бы массу несостыковок и противоречий между теми, кто работает по традиционному и по увеличенному режиму. Возникла бы неразбериха с тем, как учитывать переработки, платить, рассчитывать перерывы и время отдыха. В общем, множественность норм породила бы массу противоречий, конфликтов и протестов. Во-вторых, чтобы как-то это урегулировать, потребовалось бы значительно расширить законодательную базу, ввести дополнительные статьи, нормы, процедуры и т.п. В итоге у такой инициативы в случае ее реализации было бы два типа последствий: рост конфликтности и расширение правовой базы. Второй вариант вызывает особое удивление. Ведь устранение жесткой нормы о сорокачасовой рабочей недели привело бы к необходимости описать в законе, подзаконных и локальных нормативных актах порядок сосуществования этих двух временных режимов. Законодательство о рабочем времени потребовало бы включения новых статей, правил, процедур и т.п., что неизбежно бы привело к усилению той самой жесткости, от которой авторы собирались избавиться. Нетрудно спрогнозировать и множество конфликтных последствий: попытки работодателей добровольно-принудительно перевести людей на невыгодный для них график, противоречия между теми, кто перейдет на него, и теми, кто останется на прежнем, увязки графиков с оплатой, с технологическими режимами и множество других аспектов, которые даже трудно предположить.

Можно продолжить примеры, какие существуют последствия у снятия или отсутствия ограничений в других аспектах трудовых отношений, таких как оплата, охрана и безопасность труда, социальные гарантии, обучение — в каждом случае конфликтогенность будет только усиливаться. Таким образом, метасмысл регламентации трудовых отношений заключается в том, что она ослабляет или даже устраняет противоречия. Трудовой кодекс — это не столько про время, условия найма и правила начисления зарплаты, сколько про то, где и по каким поводам нет места конфликтам.

Оценка роста конфликтности в условиях либерализации

В свете сказанного логично предположить, что отказ от «жесткого» законодательства и регламентов означает переход к созданию в сфере труда очень конфликтного пространства отношений. Насколько это приемлемо? Ответ на этот вопрос разбивается на две части. Во-первых, насколько увеличится конфликтность, а во-вторых, какие методы регулирования конфликтов могут использоваться.

Что касается ответа на первый вопрос, здесь можно опять обратиться к сравнительным данным Мониторинга трудовых протестов по России и Грузии и экстраполировать имеющиеся данные. Если представить, что российское трудовое законодательство будет либерализовано до той же степени, что и грузинское, то можно предположить, что количество латентных конфликтов и открытых протестов возрастет в три раза. В России в 2021 году зафиксировано 389 акций работников, из них в 122 случаях (31%) происходила полная или частичная остановка работ. Соответственно, увеличив все втрое, получим 1167 протестов, из них 366 в виде забастовок — таково могло бы быть состояние дел, если бы в 2021 году в стране было сверхлиберальное трудовое законодательство. Для регионов это означало бы следующее: 75 протестов в Свердловской области и 63 в Челябинской, 93 — в Москве и Московской области. Распределение по отраслям было бы таким: 225 акций в здравоохранении, 348 выступлений транспортников, 216 работников промышленности. Это очень большие числа. Пока годовое количество протестов в стране достигало максимума в 437 акций (2020 г.). Это не привело к коллапсу, не переросло в нечто большее. Остается открытым вопрос: не переросло, потому что локальные трудовые протесты не способны перерасти в какой-то глобальный трудовой протест, или потому что не достигнута та критическая точка, когда это случится? Уже сейчас протестов довольно много, а реализация проекта «снижение жесткости трудового законодательства» породит тенденцию к увеличению их числа и подвинет ситуацию к той самой критической точке.

При этом нельзя забывать, что есть другие факторы, способные повлиять на рост конфликтности. Это и отложенное возмущение по поводу несправедливого увеличения пенсионного возраста, которое не привело к обещанному росту благосостояния пенсионеров, и многолетнее снижение уровня жизни, рост цен и т.п. Кроме того, нельзя исключать возможности появления новых факторов, способных усилить негативные тенденции последних лет.

Оценка готовности акторов к урегулированию конфликтов

В такой ситуации с особой актуальностью встает вопрос о практиках урегулирования споров и конфликтов в сфере труда, которые, впрочем, крайне неразвиты. В рамках краткой статьи можно перечислить только главные причины отсутствия эффективных способов регулирования трудовых конфликтов. Во-первых, это специфическое законодательство о разрешении трудовых

споров, о котором говорилось выше. Оно де-факто носит запретительный характер, ослабляет сторону работников и представляющие их профсоюзы. Во-вторых, это институциональное ослабление профсоюзов, ухудшающее позиции представителей работников через снятие правовой защиты низовых лидеров от увольнения и изменение порядка заключения коллективных соглашений. Неудивительно, что на фоне институционального ослабления профсоюзов удалось легализовать заемный труд, расширить возможности для применения временных контрактов, снизить гарантии в области охраны и безопасности, ну, и главное — повысить пенсионный возраст. Работники не верят в диалог, они уверены, что любые изменения будут направлены против них и помешать этому не может никто. В-третьих, на фоне институционального ослабления профсоюзов и отчужденности работников конформизм высших профсоюзных лидеров по отношению к работодателям и властям возрос настолько, что они отказались от реального участия в политической деятельности. Тем самым они выбыли из числа акторов, влияющих на принятие законов, правил, регламентов, определяющих экономику, трудовое законодательство, общественную активность. Все нормативные акты, регулирующие трудовые отношения, формируются без реального участия работников и их представителей.

Последствия такого положения вполне очевидны — работодатели даже там, где есть профсоюзы, занимают доминирующее положение и диктуют работникам свои условия. Профсоюзы вынуждены мириться с теми требованиями, которые им навязывает работодатель, иначе у них не будет никаких соглашений. Например, если не согласиться с предложенным вариантом повышения зарплаты и потребовать большего, то работодатель вообще откажется от подписания соглашения и у него не будет никаких обязательств по повышению зарплаты. При этом у профсоюзов нет эффективных способов воздействия: забастовка для них практически недоступна, а конфликт с начальством чреват репрессиями против лидеров и активистов.

Все это позволяет считать, что к усилению напряженности современные акторы трудовых отношений не готовы — нет традиций, опыта, практик диалога по разрешению возникающих противоречий, а главное, нет работающих институциональных механизмов. И, наоборот, есть опыт замалчивания, спуска конфликта на тормозах и подавления несогласных. Для ситуации, в которой напряженность будет увеличиваться, это значит, что будет осуществляться стихийное регулирование, то есть стороны будут использовать средства, позволяющие им урегулировать конфликт не по устоявшимся правилам, а исходя из имеющихся в арсенале средств. В этом случае главным способом станет так называемое ручное управление, когда стороны конфликта используют любые меры, которые им доступны и кажутся эффективными, вовлекают в противостояние других акторов, пытаются усилить свою позицию. Это альтернатива институциональному регулированию и к нему приходится прибегать в тех случаях, когда предписанная законом процедура не работает. На деле это означает, что в конфликт вынуждены вмешиваться региональные и даже федеральные власти: губернаторы и министры приезжают для того,

чтобы уговорить рабочих, несколько месяцев не получающих зарплату, не перекрывать трассу, обращаются в банки для выделения кредита, погашающего задолженность, и т.п. В условиях «ручного управления» главным становится то, насколько стороны близки к центрам силы — могут ли рабочие достучаться до властей, собственников или, наоборот, насколько тесные отношения у работодателя с чиновниками и силовиками, насколько у тех высока готовность покрывать его и поддерживать в конфликтной ситуации¹.

Подходит ли патернализм для нового трудового контракта?

Как один из вариантов регулирования трудовых отношений в режиме «ручного» управления в последнее время рассматривается патерналистская политика работодателей, которая иногда даже считается новым вариантом социального партнерства. Речь идет о программах, реализуемых, как правило, в крупных корпорациях, направленных на различные группы работников и дающих им поддержку, приоритеты, конкретные блага. Это предлагается рассматривать как заботу работодателей о работниках, об их нуждах и учете их интересов. На такие программы выделяются значительные средства, для обоснования которых разрабатываются схемы обратной связи, позволяющие не только узнать, чего именно ожидают работники от работодателя, но и оценить уже действующие программы помощи поддержки. Мало того, наиболее продвинутые корпорации занимаются не только снабжением своих работников благами, они еще вкладываются в обучение и развитие как самих сотрудников, так и членов их семей. Это уже не традиционная благотворительность, а вполне может считаться развитием «человеческого капитала».

Безусловно, такие программы дают работникам немало и, по мнению работодателей, создают благоприятную атмосферу [Щербаченко, Крюкова, 2020]. Но одновременно подчеркивается, что все эти благодеяния направлены на то, чтобы повысить эффективность компании и увеличить ее прибыльность. Социальная поддержка и вложения в персонал нужны не сами по себе, а лишь постольку, поскольку они работают на цели бизнеса. Здесь напрашивается аналогия с выводами Дж. Скотта, который, анализируя ранние стадии становления человеческого общества, отмечал, что рабство, как

¹ Соотношение институционального и «ручного» регулирования протестов — одно из стандартных направлений анализа в рамках Мониторинга трудовых протестов. Речь идет о количественном анализе транзакций между всеми акторами, вовлеченными в ситуацию. Подсчет исходящих транзакций позволяет оценить активность акторов, а входящих — его авторитетность. На основе вовлеченности актора в протесты, их активности и авторитетности рассчитывается индекс значимости каждого актора. Тенденции последних лет заключается в том, что институциональные акторы — профсоюзы, работодатели, правоохранительные органы, обеспечивающие инфорсмент трудового законодательства, — либо теряют, либо сохраняют неизменной свою значимость. Наоборот, неинституциональные акторы — неорганизованные работники, представители властей, местные жители и представители общественных организаций — увеличивают свое влияние. Особенно заметен рост значимости региональных властей, которые вынуждены включаться в конфликты как участники, поддерживая одну сторон [Бизюков, 2017: 132–146; Бизюков, 2019: 459–486].

и одомашнивание животных, означало приспособление людей к нуждам того, кто их поработил [Скотт, 2020: 185].

Разумеется, что в случае с современными корпорациями не идет речь о насильственном использовании людей. Применяются гораздо более мягкие и современные методы воздействия. В своей работе, посвященной прекариату, Г. Стэндинг много внимания уделил критике так называемого либерального патернализма [Стэндинг, 2014: 234–272]. Его суть заключается в том, что субъект управления создает для того, кем он управляет (пытается управлять), сразу несколько альтернатив, некоторые из которых (желательные для субъекта) поощряются, а другие (нежелательные или нейтральные) либо остаются без поддержки, либо наказываются. Таким образом разрабатываются технологии «подталкивания» и выстраиваются сложные «архитектуры выборов», в которые человека запускают, как крысу в бихевиористский лабиринт. Разумеется, для того, кто попал в разряд управляемых, здесь нет никакой не то что свободы, но даже и субъектности — все предрешено. Неслучайно Г. Стэндинг назвал политику, построенную на таких принципах, «политикой ада».

Патернализм основан на отсутствии субъектности у тех, кто попадает в разряд «объектов управления», причем независимо от того, согласны ли они с этим. Им предписывается следовать установленным образцам и не нарушать их. При этом жесткость санкций за несоблюдение желаемых образцов поведения может меняться — от максимально жесткого (увольнения, наказания, штрафы) до безразлично мягкого (словесное осуждение, игнорирование нарушителей). Но в рамках патернализма не допускается противоречий, целью которых является изменение трудовой позиции работников. Роль патера подразумевает, что все трансформации в статусе и положении подчиненных определяются им и любые инициативы снизу недопустимы [Bizuikov, 1995: 99–128]. И это, в общем-то, противоречит долгому тренду на гуманизацию трудовых отношений, сутью которого было именно усиление субъектности работников и развитие диалоговых форм взаимодействия между главными акторами трудовых отношений.

Варианты трудового контракта

Возвращаясь к идее нового трудового контракта, можно отметить три возможных варианта его содержания. Первый связан с либерализацией законодательства для снятия трудовых гарантий работников. Платой за это, скорее всего, станет интенсивный рост конфликтности и протестности, который может увеличиться настолько сильно, что перерастет во что-то большее. Второй вариант, который, скорее всего, доступен не всем, а преимущественно крупным корпорациям, это та или иная форма патернализма. Он может быть либо традиционным, советского типа, когда основой является распределение дополнительных, как правило, неденежных благ. Но могут использоваться и продвинутые версии типа «либерального патернализма» с разветвленными «архитектурами выборов» и подталкиванием. Перспективы этого варианта

мало того что ограничены и доступны только большим компаниям, так еще и не работают в условиях усиления противоречий и конфликтов между работниками и работодателями, нарастание которых весьма вероятно. Поэтому патернализм выглядит скорее как паллиатив, как реакция работодателей, готовых покупать лояльность своих работников, но не позволять им обрести субъектность, необходимую для ведения равноправного диалога.

Третий вариант в отличие от первых двух связан не со сменой концепции трудовых отношений, а с возвратом к нереализованным возможностям уже существующей системы. Современное трудовое законодательство, несмотря на все его недостатки, обладает двумя достоинствами: оно содержит много норм и регламентов, исключающих необходимость спорить о них, а значит, снижает конфликтность и де-юре сохраняет возможности работников прямо или через своих представителей регулировать трудовые отношения в диалоговом режиме. Для реализации этого варианта потребуется немало. Нужно будет возвращать работникам и профсоюзам реальные инструменты регулирования — упрощать возможность организации законных забастовок, усиливать позицию работников в коллективных переговорах и много чего еще, а в целом — создавать возможности для усиления субъектности работников как полноценных акторов, влияющих на регулирование трудовых отношений. Это потребует переосмысления роли предпринимателей и профсоюзов, развития диалоговых компетенций у работодателей, у представителей работников и даже у представителей власти. Нужно будет пересматривать этические нормы взаимодействия акторов трудовых отношений, связанных, например, с тем, как работники и профсоюзы должны отвечать за функционирование фирмы, предприятия, организации, придется переосмыслить вклад экономических субъектов в общество и ответственность перед ним. Не через слепое подчинение всему, что скажет начальство, а через критическое восприятие, подразумевающее готовность подчиняться и одновременно влияние на принимаемые решения с целью защиты своих и более широких интересов. Со стороны работодателей тоже необходимо изменение именно этических позиций. Прежде всего нужен отказ от взгляда на работников как на экономический ресурс, необходим возврат к гуманизации трудовых отношений, к большей ответственности — как правовой, так и экономической.

Изменения в рамках этой траектории столь же сложны и масштабны, как и либеральный отказ от регламентации, как и перестройка отношений на принципах неопатернализма. Сохранение всего нужного и отказ от всего устаревшего — масштабная задача, вполне достойная звания «мегапроекта».

Вместо заключения

Пока разворачиваются дискуссии о том, как должен быть устроен новый трудовой контракт, что лучше — неолиберальное стремление к развязанным рукам бизнеса, неопатерналистские архитектуры выборов или неогуманитарное развитие субъектности работников, — вполне отчетливо стал просматриваться

еще один вариант. Это тоже «нео» и тоже опирается на уже имеющиеся тенденции — неонеоменклатурный подход. Его суть в том, что он соединяет свободу рук с диктатом власти. Именно она будет определять, кому, сколько, как, за какие вознаграждения работать и в каких условиях. От либерального подхода там будет использоваться отсутствие ограничений для тех, кто будет от лица власти поставлен командовать экономикой, от патернализма — доминирование и определение границ и размеров заботы о работниках и населении, а от гуманизма будет взята риторика «все для блага человека». Шансы на реализацию именно такого варианта нового трудового контракта достаточно велики.

Существовавшая до сих пор топография трудовых отношений со всем ее многообразием и противоречивостью вряд ли сохранится. Выбор нового трудового контракта будет зависеть от многого: от различных акторов, от развития политической и экономической обстановки, которая в настоящее время плохо прогнозируется, от тех возможностей и проблем, что еще не очень видны и только формируются. В таких условиях трезвая оценка ситуации на основе возможных вариантов, понимание преимуществ и недостатков разных моделей и их обсуждение могут помочь справиться с формированием новой конфигурации трудовых отношений и с трансформацией общества в целом, достойного XXI века.

Литература

Бизюков П. В. Взаимодействие акторов в пространстве трудового протеста // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2017. № 3–4. С. 132–146. EDN: [VJCJDQ](#)

Бизюков П. В. Траектория развития постсоветских профсоюзов: от традиции к альтернативе и обратно // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссия. 2021. № 1–2. С. 29–62.

Бизюков П. В. Трудовые протесты в малых городах России // Малые города в социальном пространстве России / Отв. ред. В. В. Маркин, М. Ф. Черныш. М.: ФНИСЦ РАН, 2019. С. 459–485. DOI: <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-323-2.2019>. EDN: [NHIVVU](#)

В тени регулирования: неформальность на российском рынке труда / Под ред. В. Е. Гимпельсона, Р. И. Капелюшниковой. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. EDN: [VXAPOV](#)

Герасимова Е. С. Коллективные трудовые споры и забастовки в России: распространенность и роль судебной практики в ограничении и их применения и эффективности использования // Россия в глобальном контексте / Под ред. Ю. П. Орловского, Е. С. Герасимовой. М.: Юридическая фирма Контракт, 2016. С. 55–65. DOI: <https://doi.org/10.12737/21221>. EDN: [WJEPJF](#)

Скотт Дж. Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни / Пер. с англ. Э. Н. Гусинского, Ю. И. Турчаниновой. М.: Университетская книга, 2005.

Скотт Дж. Против зерна: глубинная история древнейших государств / Пер. с англ. И. В. Троцук. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2020.

Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014.

Харви Д. Краткая история неолиберализма. Актуальное прочтение. М.: Поколение, 2007. EDN: [QOGDRN](#)

Щербаченко П. С., Крюкова И. В. Роль социальных программ в реализации корпоративной социальной ответственности // Вестник университета. 2020. № 9. С. 158–165. DOI: <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2020-9-158-165>. EDN: [ZKZPRC](#)

Bizyukov P. The Mechanizm of Paternalistic Management of the Enterprise: the Limits of Paternalism // Management and Industry in Russia: Formal and Informal Relations in the Period of Transition / Ed. by S. Clarke. Aldershot: Edward Elgar, 1995. P. 64–89.

Сведения об авторе:

Бизюков Петр Вячеславович — социолог, руководитель независимого проекта «Мониторинг трудовых протестов», Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: bizyukov.pb@gmail.com. РИНЦ Author ID: 714792.

Статья поступила в редакцию: 17.06.2022

Принята к публикации: 09.09.2022

Is a New Employment Contract Needed?

DOI: 10.19181/inter.2022.14.3.1

Petr V. Bizyukov

Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia

E-mail: bizyukov.pb@gmail.com

The article is devoted to the topic of the “new labor contract”, which has recently appeared in the discussions of scientists and experts. The existing configuration of labor relations is heterogeneous and contradictory. There are zones where legal, prescribed by law relations prevail. There is an informal sector where employers make their own rules, and there are labor relations with lower standards reserved for “second class” workers such as migrants. Finally, the digital sector is actively developing, where “pseudo-labor relations” are being formed. All this pushes to search for new ways of development and to try to determine the parameters of the so-called “new labor contract”. Most often, the idea of liberalizing labor legislation and freeing businesses from “excessive restrictions” that increase labor costs is considered as such. The article cites a number of facts showing that the flip side of liberalization is a high level of conflict, turning into protests. At the same time, the practices of resolving conflicts in the labor sphere are mainly reduced to suppressing the dissatisfaction of workers or ignoring their position.

Another option, which is actively developing in large corporations, is the use of paternalistic strategies, which, although they look humane, are aimed only at supporting behaviors that are beneficial to companies. Their peculiarity is that they exclude the possibility of employees to defend interests that do not coincide with those supported by business.

Keywords: labor protests; labor relations; workers; employers; paternalism; subjectivity; humanization

References

Bizyukov P.V. (2017) Vzaimodeystviye aktorov v prostranstve trudovogo protesta [Interaction of Actors in the Labor Protest Context]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannyye. Analiz. Diskussii* [The Russian Public Opinion Herald. Data. Analysis. Discussions]. No. 3–4. P. 132–146. (In Russ.)

Bizyukov P.V. (1995) The Mechanizm of Paternalistic Management of the Enterprise: the Limits of Paternalism. In: S. Clarke (ed.) *Management and Industry in Russia: Formal and Informal Relations in the Period of Transition*. Aldershot: Edward Elgar. P. 64–89.

Bizyukov P.V. (2021) Trayektoriya razvitiya postsovetskikh profsoyuzov: ot traditsii k al'ternative i obratno [Trajectory of Development of post-Soviet Trade Unions: from Tradition to Alternative and Vice Versa]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannyye. Analiz. Diskussiya* [The Russian Public Opinion Herald. Data. Analysis. Discussions]. No. 1–2. P. 29–62. (In Russ.)

Bizyukov P.V. (2019) Trudovyye protesty v malykh gorodakh Rossii [Labor Protests in Small Russian Towns]. In: Markin V.V., Chernysh M.F. (eds.) *Malye goroda v sotsial'nom prostranstve Rossii* [Small Towns in the Social Space of Russia]. Moscow: FCTAS RAS. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-323-2.2019>

Gerasimova E.S. (2016) Kollektivnyye trudovyye spory i zabastovki v Rossii: rasprostranennost' i rol' sudebnoy praktiki v ogranichenii i ikh primeneniya i effektivnosti ispol'zovaniya [Collective Labor Disputes and Strikes in Russia: the Prevalence and Role of Judicial Practice in Limiting Their Application and Effectiveness]. In: Yu.P. Orlovsky, E.S. Gerasimova (eds.) *Rossiya v global'nom kontekste* [Russia in a Global Context]. Chapter 9. Moscow: Law firm Contract. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.12737/21221>

Gimpelson V.E., Kapelyushnikov R.I. (eds.) (2014) *V teni regulirovaniya: neformal'nost' na rossiyskom rynke truda* [In the Shadow of Regulation: Informality in the Russian Labor Market]. Moscow: HSE Publishing House. (In Russ.)

Harvey D. (2007) *Kratkaya istoriya neoliberalizma. Aktual'noye prochteniyе* [A Brief History of Neoliberalism. Actual Reading]. Moscow: Generation. (In Russ.)

Scherbachenko P.S., Kryukova I.V. (2020) *Rol' sotsial'nykh programm v realizatsii korporativnoy sotsial'noy otvetstvennosti* [The Role of Social Programs in the Implementation of Corporate Social Responsibility]. *Vestnik universiteta* [Bulletin of the University]. No. 9. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2020-9-158-165>.

Scott J.C. (2005) *Blagimi namereniyami gosudarstva. Pochemu i kak provalivalis' proyекty uluchsheniya usloviy chelovecheskoy zhizni* [Seeing Like a State. How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed] / Transl. from Eng. by E.N. Gusinskij, Yu.I. Turchaninova. Moscow: Universitetskaya kniga. (In Russ.)

Scott J.C. (2020) *Protiv zerna: glubinnaya istoriya drevneyshikh gosudarstv* [Against the Grain: A Deep History of the Ancient States] / Transl. from Eng. by I.V. Troczuk. Moscow: Delo Publishing House RANEPА. (In Russ.)

Standing G. (2014) *Prekariat: novyy opasnyy klass* [Precariat: a New Dangerous Class]. Moscow: Ad Marginem Press. (In Russ.)

Author bio:

Petr V. Bizyukov — Sociologist, Head of the Independent Project “Monitoring of labor protests”, St. Petersburg, Russia. **E-mail:** bizyukov.pb@gmail.com.
RSCI Author ID: 714792.

Received: 17.06.2022

Accepted: 09.09.2022

Этнография труда рабочих распределительного центра: методические замечания

Пинчук Ольга Владимировна

Национальный исследовательский университет
Высшая школа экономики, Санкт-Петербург, Россия

E-mail: opinchuk@hse.ru

«Последние пару дней мне постоянно снится работа на складе. В одном из снов передо мной лежали небольшие черные предметы, и я не мог решить, [сканировать] их или нет. Другой — странное переплетение [отдела инвентаризации, в котором я работаю] и биатлонной гонки: я стоял на краю снежной трассы и [сканировал] коробки; мне было известно, что нужно добраться до финиша первым. Было темно, дул сильный ветер, поднялась метель. Сотрудник, стоявший рядом со мной, обратился к старшей [смены] и сказал, что может поработать двойную смену, но хочет двойной оклад за свои пики¹».

Из полевого дневника Андрея Старовойтенко,
запись сделана перед четвертой рабочей сменой

С 2016 по 2017 год я работала упаковщицей в цехе конфетной фабрики и каждый день писала полевые дневники². Коллеги по Лаборатории, в которой я тогда работала, периодически читали мои дневники, а иногда даже писали аналитические заметки на их основе, но сами в поле не ходили. Раз в одну-две недели мы встречались и обсуждали мои наблюдения. Нередко такая конфигурация позиций и исполняемых ролей в исследовательском коллективе вызывала у меня внутренний протест: будучи в продолжительном и непростом поле, мне было все сложнее делиться своими полевыми записями с коллегами, в большинстве своем не имеющими схожего опыта, и слушать их интерпретации, которые, как мне казалось, иной раз были поспешными и поверхностными. Спустя несколько лет, в книге, посвященной этому

¹ «Пиками» в распределительных центрах называют единицу отсканированного товара.

² Проект «Этнография рабочего места», выполненный при поддержке фонда «Хамовники».

исследованию, я сделала следующий вывод: «монополия на интерпретацию данных должна принадлежать исследователю, собравшему эти данные»¹. Этот тезис, как я понимаю уже сейчас, стал следствием в первую очередь нашего с коллегами методического и организационного «провала»² — у нас попросту не получилось должным образом организовать работу: состав исследовательской группы не всегда был релевантен задачам исследования, вовлеченность в проект разных участников была несопоставима³. Данная рубрика (мое введение и два текста коллег Р. Абрамова и А. Старовойтенко) является результатом второй попытки коллективной работы с этнографическими данными⁴, полученными в ходе весьма непростой полевой работы одного из участников рабочей группы.

Летом 2021 года мы с Андреем Старовойтенко несколько месяцев были вовлечены в достаточно нестандартный коммерческий исследовательский проект⁵. Передо мной стояла задача найти этнографов, которые смогут и будут готовы трудоустроиться в разные распределительные центры (РЦ) в ряде городов и проработать там от нескольких недель до нескольких месяцев. Работа в РЦ достаточно тяжелая и предполагает сортировку и комплектацию товаров разного веса и размера при помощи различных технических средств. Даже если распределительный центр механизирован или частично автоматизирован, все равно не обходится без ручного труда. Андрей оказался заинтересован в такой работе и достаточно быстро стал оператором склада одного из крупных логистических центров.

Основываясь на собственном исследовательском опыте, я инструктировала этнографов, проводила методические семинары, рассказывала и показывала, как писать дневники⁶. На протяжении полевой работы и после мы с этнографами совместно дорабатывали их дневники, пытаясь добиться простоты и понятности в формулировках, но в то же время содержательной емкости. Это было необходимо, поскольку полевые данные анализировали те коллеги, которые не работали в поле. Таким образом, этнографы работали в поле и каждый день писали дневники; я из «кабинета» помогала им писать и дорабатывать дневники, а также решать организационные и методические

¹ Пинчук О. В. Сбои и поломки: этнографическое исследование труда фабричных рабочих. М.: Фонд поддержки социальных исследований «Хамовники»: Common Place. 2021. С. 198.

² «Провал» беру в кавычки, поскольку, несмотря ни на что, мы многого добились, и я бесконечно благодарна коллегам за то, что они поддержали проект, что были рядом и всячески помогали.

³ Стоит отметить, что такие исследовательские проекты в России, скорее, исключение, чем правило. Исследователи крайне редко решаются изучать труд методом включенного наблюдения. В силу отсутствия сложившейся традиции и возможности обмениваться схожим опытом, с одной стороны, остается поле для методических экспериментов, с другой — для ошибок и «провалов».

⁴ Другим составом и в другой конфигурации. Но важно, что Роман Абрамов также принимал участие и в работе исследовательского коллектива проекта «Этнография рабочего места» в 2017 г.

⁵ Проект длился несколько месяцев и был посвящен изучению «опыта сотрудников» (EX — employee experience — исследование) распределительных центров нескольких крупных компаний. Я отвечала за организацию и проведение этнографического исследования труда методом скрытого включенного наблюдения.

⁶ Подробнее об этом можно прочитать здесь: Пинчук О. В. Как возможно этнографическое исследование труда в России? Демаргинализация этнографии в поле прикладного исследования // Социология власти. 2021. Т. 33. № 3. С. 109–130.

вопросы; аналитики, (чаще всего) не вовлеченные в полевой этап проекта, эти дневники анализировали. Такое разделение ролей и задач внутри проектной группы оправдывалось особенностями темпоральной организации коммерческого проекта: сроки здесь всегда гораздо более сжатые, нежели в академическом проекте. Этнографы физически и интеллектуально не смогли бы за пару дней переключиться с интенсивной и крайне вовлеченной полевой работы и начать спешно, но вдумчиво анализировать свои многостраничные записи¹. Кроме того, коммерческий проект предполагает иные задачи, нежели академический, в этом смысле и аналитика становится отдельной задачей, требующей иной (отличной, чем в академическом проекте) квалификации².

Андрей ходил на работу в распределительный центр, после каждой рабочей смены писал полевые дневники, которые впоследствии мы вместе дорабатывали там, где в этом была необходимость. Таким образом, в итоге образовался корпус этнографических данных, состоящий из сотен страниц полевых записей. Эти записи реконструируют реальность, в которой работал этнограф: как то, что происходило вокруг исследователя, так и то, что происходило внутри (его эмоции, впечатления, ощущения). Как видно по отрывку из полевого дневника, вынесенному в эпиграф, Андрей был поглощен полевой работой настолько, насколько это возможно в этнографическом поле: он переехал туда, где располагался РЦ (в другой город), практически не успевал заниматься тем, к чему привык в своей «обычной» жизни. Он засыпал и видел сны про складскую работу.

Несколько месяцев назад мы с Андреем вернулись к обсуждению собранных им данных и вместе с Романом Абрамовым решили написать на их основе текст.

В итоге родилось два разных текста: первый за авторством Романа, который не участвовал в процессе сбора данных и подготовки дневников, но имеет сопоставимый исследовательский опыт³; второй — Андрея, как автора полевых дневников. У каждого автора своя перспектива и свой интерес в рамках данной работы, что естественным образом создает поле для диалога. Оба автора обращаются к теме профессионализма и профессиональной идентичности работников распределительного центра. Роман показывает, как платформенный капитализм способствует десубъективации рабочих, препятствует

¹ Стоит коротко заметить, что я разделяю этнографические дневники «для себя» и «для других». Первое в большей степени свойственно академическим проектам, где исследователь впоследствии самостоятельно длительное время работает с полевыми записями; второе свойственно прикладным проектам, когда роли внутри рабочей группы распределены и с дневниками работают коллеги, не работавшие в поле.

² В коммерческих проектах всегда без исключений предусмотрены NDA, то есть соглашения о неразглашении, что существенно ограничивает исследователей в обмене опытом за пределами исследовательской группы. Однако в наших проектах для этнографов мы согласовали возможность работать с собственными полевыми данными в рамках каких-либо других, не коммерческих задач — при условии соблюдения политики конфиденциальности.

³ Помимо большого количества публикаций, посвященных социологии труда и профессий, у Романа есть полевой опыт организационной этнографии на машиностроительном предприятии в Пензе в 2009 г. См. подробнее: Абрамов Р.Н. Металлурги на машиностроительном заводе: очерк профессиональной субкультуры // Антропология профессий: границы занятости в эпоху нестабильности. 2014. С. 153–174.

их солидарности и, по сути, делает их «придатком» ТСД — терминала сбора данных, самого ходового и основного рабочего инструмента на складе. Андрей замечает, что, несмотря на попытки системы анонимизировать работников, сделать их максимально взаимозаменяемыми, они мастерски осваивают оборудование, и это позволяет им управлять собственным доходом через оптимизацию своего труда или обман электронной системы учета. Таким образом, работники вновь «подчиняют» себе ТСД, а не подчиняются ему сами.

DOI: 10.19181/inter.2022.14.3.2
EDN: GQSEVI

На подхвате у алгоритма, или истории поденщика платформенного капитализма

Ссылка для цитирования:

Абрамов Р. Н. На подхвате у алгоритма, или истории поденщика платформенного капитализма // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2022. Т. 14. № 3. С. 35–54. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2022.14.3.2>. EDN: GQSEVI

For citation:

Abramov R. N. (2022) In the Grip of the Algos: Stories of a Precarious Worker of Platform Capitalism. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 14. No. 3. P. 35–54. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2022.14.3.2>

Абрамов Роман Николаевич

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия;
Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
E-mail: rabramov@hse.ru

Маркетплейсы и сфера e-commerce находятся в авангарде перемен, связанных с развитием платформенного и цифрового капитализма. Изменения в характере найма и статусе работников компаний платформенного капитализма отражают общие тренды в области занятости. При этом труд сотен тысяч работников этого сегмента слабо изучен, а объяснения его природы носят преимущественно теоретический характер. Эта статья основана на анализе массива дневниковых записей российского социального этнографа Андрея Старовойтенко, который в течение почти двух месяцев работал в распределительном центре одного из ведущих российских маркетплейсов. Статья является частью рубрики, посвященной анализу материалов этнографического исследования труда в маркетплейсе. В статье обращается внимание на роль анонимизированных пространств маркетплейса в десубъективации работников, которые ощущают себя простым продолжением сложной цифровизированной социотехнической системы. В тексте говорится о месте цифрового надзора и контроля и о роли специального оборудования в интеграции неквалифицированного персонала в сложную алгоритмическую систему маркетплейса. Отдельно

рассматривается вопрос о десубъективации работников маркетплейса и ограничениях профессиональной социализации. Делается вывод о месте precariousного наемного труда в e-commerce с учетом стремления перевести неквалифицированных рабочих в состояние цифровых поденщиков, лишенных контрактных отношений с компанией. Для раскрытия основных сюжетов привлекаются исследования Amazon A. Делфанти, теоретические ресурсы неомарксистских интерпретаций сферы труда Ф. Руда, концепции легкого капитализма З. Баумана, избранные тезисы акторно-сетевой теории. Кроме того, статья обращается к примерам социальной критики труда на фабриках платформенного капитализма из современного кинематографа.

Ключевые слова: платформенный труд; цифровой капитализм; прекариат; поденщики; пространство труда; e-commerce; маркетплейс

Этот текст является результатом работы с полевыми дневниками Андрея Старовойтенко, написанными летом 2021 года в период включенного наблюдения в роли участника на одном из крупных складов и логистических центров известного российского маркетплейса, представляющего собой авангард современной электронной торговли (e-commerce). Ценность этих полевых материалов заключается, во-первых, в том, что они основаны не на опосредованных впечатлениях, полученных в ходе интервью, а на личном опыте работы в распределительном центре (РЦ), и во-вторых, в России до настоящего времени подобных эмпирических исследований почти не проводилось, хотя появились работы, где обсуждаются различные теоретические аспекты трансформации труда в парадигме платформенного капитализма [Шевчук, 2020]. Нужно сказать, что и за рубежом не так много подобных работ, хотя там история e-commerce намного дольше и богаче, чем в России [Bergvall-Kåreborn, Howcroft, 2014; Fernández-Macías, 2018]. Журналисты, исследователи, кинорежиссеры и гражданские активисты связывают экономику e-commerce и платформенного капитализма с глубокими изменениями в отношениях между работодателями и работниками и пересмотром самой системы найма и рынка труда, которая сложилась в период роста государства всеобщего благосостояния и сопровождалась гарантиями в сфере труда и социального обеспечения. Таким образом, сфера e-commerce, возможно, является передним краем происходящих перемен, которые уже начинают затрагивать значительную часть трудоспособного населения развитых стран.

Социальные проблемы и новые формы неравенства, возникающие сегодня в контексте пересборки системы найма, нашли отражение в современном кинематографе — в немецкой картине «Между рядами» (2018 г., реж. Томас Штубер) и в американском фильме «Земля кочевников» (2020 г., реж. Хлоя Джао). Первый фильм показывает сложившееся сообщество работников огромного склада-дискаунтера, расположенного на окраине одного из городов бывшего ГДР. Молодой главный герой попадает в сложившийся коллектив работников, унаследовавший черты советского трудового коллектива с взаимовыручкой

и наставничеством, и укореняется в этом сообществе. Кажется, что, несмотря на принадлежность к бедным слоям немецкого общества, работники дискаунтера смогли выгородить себе пространство солидарности, основанной на доверии, возникшем еще при совместной работе дальнбойщиками во времена ГДР. Тем не менее их это не спасает от травмы разрыва с навсегда ушедшим социалистическим прошлым, и наставник главного героя, научивший его практике вождения складского погрузчика (автокара), в конце фильма кончает жизнь самоубийством, вспоминая, как он работал дальнбойщиком.

«Земля кочевников» — это фильм-манифест, показывающий «другую Америку», не ту, что известна своими богатейшими IT-гигантами из Калифорнии и кипучей деловой активностью офисов транснациональных компаний, а пострадавшую от продолжающейся деиндустриализации, маргинализованную, обедневшую и живущую в мире бесконечной социальной и экономической депрессии. Фильм продолжает американскую традицию социальной критики капиталистической системы ведущими интеллектуалами, такими как Джон Стейнбек с его романом «Гроздь гнева» (1939 г.) и повестью «О мышах и людях» (1937 г.), основанными на личном опыте писателя, некоторое время бывшего сельскохозяйственным рабочим. Главная героиня фильма, пожалуй, наилучшим образом соответствует требованиям платформенных капиталистов — она одинока, трудоспособна, не привязана к месту, поскольку живет в автофургоне, в котором и передвигается по стране. Важно при этом, что она настолько «выброшена» из стабильной оседлой жизни, что готова браться за любую подработку, быть поденщицей там, где ей могут дать минимальный заработок. Прекарная занятость на гигантском маркетплейсе перед рождественскими праздниками — лишь один из эпизодов фильма, но он дает ясное представление о том, что происходит за цифровой витриной e-commerce. Я упоминаю об этих двух фильмах, потому что, во-первых, они в художественной форме откликаются на реальные изменения, происходящие в структуре занятости и появление огромной армии деклассированных работников нового типа, а во-вторых, отчасти эти фильмы находятся в резонансе с содержанием и настроением полевого дневника, так что их можно рекомендовать к просмотру для входа в тему цифровых поденщиков маркетплейсов.

Одной из наиболее интересных и свежих публикаций по теме антропологии труда в e-commerce является книга «Склад. Работники и роботы Амазона» канадско-итальянского исследователя А. Делфанти [Delfanti, 2021], основанная на интервью с работниками складов в США, Германии, Италии и Канаде. Автор характеризует Amazon как агента активных и непрерывных технологических изменений, нацеленных на рост эффективности и включающих в себя повсеместную алгоритмизацию и роботизацию, а также интенсивное развитие систем электронного надзора над персоналом: «Amazon находится в авангарде цифрового капитализма, а это означает, что он преуспевает в использовании цифровых технологий для максимизации частного накопления власти и денег» [Delfanti, 2021: 28]. При этом реальность труда низового персонала в Amazon описывается как «жестокая», приводятся примеры предпринятых различными организациями расследований, посвященных сверхэксплуатации работников

гиганта электронной коммерции [Delfanti, 2021: 123–134]. Жесткое обращение с сотрудниками касается не только прекариев, но и служащих и менеджеров центрального офиса, которые могут стать объектами гнева основателя компании Джеффри Безоса. Вслед за немецким социологом М. Альтенридом автор книги считает, что мы являемся свидетелями рождения «цифровой фабрики», в которой труд оказывается не только включен в материальные производственные циклы, но также находится в плотной сети алгоритмического контроля и надзора, что в совокупности выводит проблему отчуждения труда и сверхэксплуатации на новый невиданный уровень, давая компаниям платформенного капитализма получать сверхприбыли [Delfanti, 2021: 196]. За вдохновляющими новостями о головокружительных деловых успехах и впечатляющих технологических инновациях скрывается возвращение к практикам раннего капитализма с его использованием деклассированной, девалифицированной и лишенной не только собственности, но и идентичности рабочей силы, когда циклы найма и увольнения ускоряются. Эта цикличность на руку нанимателю в лице маркетплейса, в котором вся организация производства основана на симбиозе алгоритмов, системы цифрового надзора и оптимизированных производственных цепочек.

Российские лидеры e-commerce также стремятся к внедрению управленческих и технологических инноваций вслед за ключевыми мировыми игроками, хотя они находятся, скорее, в догоняющей позиции по отношению к Amazon. Тем не менее, книга А. Делфанти может рассматриваться как диалог с дневником, который является предметом моего анализа.

Методологическая специфика

В своем отклике на дневник я обращаюсь к нескольким связанным сюжетам, которые, однако, не охватывают всего содержания проделанной исследователем работы. Прежде всего, я рассматриваю связанные темы организации материального и алгоритмического пространства склада с процессом де-субъективации работника. Кроме того, я касаюсь вопросов профессионализации и обретения минимальных специальных знаний в процессе труда в распределительном центре маркетплейса и обращаю внимание на начатки солидарности сотрудников. Безусловно, дневник дает намного больше возможностей для аналитических интерпретаций и их лучше всего сделает сам исследователь и автор дневника.

Сложность работы над этим текстом заключалась в том, что я здесь являюсь наблюдателем второго порядка¹ — в моем распоряжении находились полевые дневники, написанные исследователем, работавшим с этим кейсом, и, конечно, я невольно воспринимаю мир маркетплейса через оптику, стиль, язык и мировоззрение автора дневника. Кроме того, дневник писался и для решения прикладных задач, а поэтому далеко не все аналитические

¹ Этот текст подготовлен мной в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

комментарии к нему в данном тексте могут быть проиллюстрированы прямыми цитатами из полевых материалов.

Эти и другие сюжеты работы с полевыми записями и «этнографическими текстами», где исследователи «ищут точку равновесия, разумный баланс интроспекции и объективации, сочетание реалистического и исповедального письма, одновременно пытаются избежать солипсизма и позитивизма» [Максимова, 2012: 130], уже описаны в методологических работах [Maanen, 1998]. Исследователи проблематизировали методологические проблемы работы с полевыми записями и рассматривали, как формируется «этнографическое письмо», которое затем превращается в «истории» и общее профессиональное знание [George, 2006]. Сложной процедурой является и переход от наблюдения к описанию в процессе этнографической работы, что формирует эпистемический зазор антропологического исследования [Sardan, 2015]. Важную роль играет и эмоциональная работа, и даже возникающие в ходе этнографической и антропологической полевой работы исследователя эмоциональные травмы [Гудова, 2019]: эмоции составляют неотъемлемую часть как работы с полем, так и аналитического фрейма. Весомый вклад в дискуссию о возможностях и методологических ограничениях этнографического изучения труда внесен и российскими исследователями [Пинчук, 2021].

Нужно отметить, что автор стремился взвешенно подойти к формированию корпуса дневниковых записей — преимущественно дневник содержит описание действий, работ, перемещений по пространству РЦ, коммуникаций с коллегами относительно процесса труда, а также ремарки, касающиеся впечатлений от работы с точки зрения удовлетворения трудом, усталости, утомления, выгорания:

«Монотонность сортировки и часы, проведенные в ожидании новой работы, кажется, лишь убивали способность к рефлексии и каким-либо размышлениям. Большую часть смены в моей голове навязчиво крутился один и тот же фрагмент из парафраза на вальс из “Медного всадника”, который я слушал утром. Когда я пытался наблюдать за происходящим вокруг меня, почти ничего из увиденного не складывалось в осмысленное действие».

Думаю, что внимание к собственному психоэмоциональному состоянию в течение работы было включено в исходную содержательную канву дневника. Мне казалось важным узнать не только что именно делает рабочий маркетплейса, но и что он чувствует при этом.

Я осознаю, что, называя исследователя «рабочим распределительного центра», я делаю большое аналитическое допущение — автор дневника не обычный (типичный) работник РЦ («поденщик платформенного капитализма»), и не только потому что он пришел туда делать исследование, а не зарабатывать деньги, но потому что он, очевидно, по своему социально-профессиональному статусу сильно отличается от тех рабочих маркетплейсов, что трудятся там много месяцев или лет — он молодой столичный интеллектурал,

стремящийся получить научную степень по социальным наукам в одном из самых престижных университетов страны. С другой стороны, в дневнике есть упоминание, что до того, как его автор включился в проект, несколько человек пробовало начать включенное наблюдение, однако после двух-трех смен бросали этот опыт.

Исследователь выдержал больше месяца, и, значит, его оптика хотя, вероятно, и далека от «аборигенной», но является возможной для интерпретации реально происходящего за электронными фасадами маркетплейсов. Безусловно, это субъективный взгляд, однако и мой собственный взгляд был бы не менее субъективным, хотя, конечно, и другим.

Пространство «не-места» на складе

Исследователи сравнивают логистические и складские комплексы маркетплейсов с «не-местами» [Delfanti, 2021] — максимально анонимизированными, промежуточными, отчужденными, неспособными к присвоению и даже освоению, ведь, согласно М. Оже, «место начинается с того момента, когда оно, сочетая идентичность и систему отношений, определяется некоей минимальной стабильностью» [Оже, 2016: 26], чего нет в секторах маркетплейсов, которые являются не-местами. Не-места — это «пункты временного пребывания и промежуточного времяпрепровождения», которые формируют мир, «уготованный для одиночества индивидуальности, транзитного движения, временности и эфемерности» [Оже, 2016: 36]. Так, мы можем многократно бывать в одном большом аэропорту, но в силу его дизайнерской функциональности и монотонности снова и снова будем находиться в состоянии амнезии и дезориентации, проходя по его терминалам. Работник в этих не-местах тоже становится не-субъектом в прямом, практически материальном виде — перед входом в сектора РЦ все проходят довольно уничижительный тотальный досмотр и оставляют личные вещи (буквально практически все) в специальных ячейках с ограниченным временем хранения, и, если это время превышает, вещи просто выбрасываются службой безопасности, освобождающей ячейки для новых работников. Смартфоны (а это для современного человека больше, чем просто вещь, порой это часть его оцифрованной идентичности), зажигалки и прочие мелочи также остаются за пределами рабочей зоны, стерилизуя субъектность индивида, переводя его в режим функционирования не-мест:

«Она также отметила, что на смену можно приходить чуть раньше (в 7 или 7:30), но сильно задерживаться не стоит: “Однажды я закончила около девяти, но к этому времени в раздевалке твои вещи просто выкидывают, и их можно потом не найти”, — полагаю, под этим она имела в виду, что после окончания дневной смены охрана принудительно освобождает шкафчики для пришедших на ночную смену сотрудников».

«В раздевалке я получил номер шкафчика — 963 — и проследовал к нему. Шкафчик не запирался — кодовый механизм в очередной раз был переведен в положение “закрыто” и не переводился в открытое положение. В связи с этим я оставил в шкафу только одежду и обувь, а ценные вещи (телефон, ключи) оставил в ячейке около турникетов [предназначенной для хранения ценных вещей]. Раздевшись, я с формой в руках проследовал через турникеты. Охранник быстро проверил мои вещи, и я спустился вниз».

В полевом дневнике обращает на себя внимание специфика пространства логистического центра маркетплейса, которое производит ощущение «потерянности» у любого там находящегося, особенно если он новичок. Автор дневника детально описывает свои передвижения по гигантскому складскому комплексу, и все они связаны с дискомфортом, возникающим, во-первых, от того, что это тотально функциональное пространство максимально дегуманизировано, подчинено технической и коммерческой эффективности и буквально «высушено» в соответствии с заповедями «бережливого производства» (lean production), не оставляя места живому, кроме включения этого живого в неживую систему сборки и разборки, упаковки, распределения, погрузки, транспортировки и доставки:

«В целом, изнутри склад выглядит так: при входе человек попадает в пешеходную и транспортную зону, которая прямой линией идет сквозь все здание склада. Рядом с этой зоной, со стороны внешней стены, располагаются терминалы погрузки/разгрузки товаров; к ним подъезжает грузовой транспорт. Рядом с одним из терминалов находится зона с вендинговыми машинами и банкоматами, санузел и выход в курилку. Если смотреть вглубь помещения, за транспортной и пешеходной зоной находится зона с многочисленными рядами столов и тележек, за которыми работают сотрудники (возможно, это упаковка, раскладка и сортировка). В глубине зала стоят столы, за которыми сидят старшие (...). Наконец, за ними до потолка поднимается мезонин из шести ярусов. Около столов старших находится зона, в которой электроподъемник поднимает тележки с коробками на мезонин или спускает их вниз».

«Первый этаж мезонина во всех блоках имеет одну специфическую черту: пол на нем не железный, как на других этажах, а бетонный. Поэтому пол на первом этаже, как я быстро убедился, прохладнее, чем то, к чему я привык на верхних этажах Мб¹, и сидеть на нем было холодно».

¹ Условные обозначения изменены в целях анонимизации места и компании, где проводилось этнографическое исследование.

Впрочем, мыши вполне успешно живут своей жизнью и в этом пространстве, о чем упоминает автор дневника:

«Я поднял на этаж тележку и начал последовательно проходить ряды, поднимая с пола мусор и сбрасывая его в тележку. В основном мне попался мелкий мусор: остатки от шк-ленты, куски скотча, картонки. Однажды я обнаружил на полу раздавленную мышь-землеройку; в другой момент я заметил, как такая же мышь пробегает под одним из стеллажей».

Во-вторых, можно заметить, что пространство устроено таким образом, чтобы в нем было удобно товарам, компьютерным алгоритмам их учета, цифровым системам надзора и безопасности, механизмам, но не людям — люди должны сами найти себя в этом немом, «холодном» пространстве «не-человеческой» рациональности:

«Я прошел и направился к обычному входу около М4: насколько я помнил, на его двери висит маршрут до отдела кадров. Действительно, на двери входа висело объявление, информировавшее о том, что “отдел кадров переехал на М9!”, а также схема склада. Я понял, что мне нужно пройти в то же место, что и при оформлении, и пошел вдоль здания».

Можно сказать, что работа в этом РЦ не так ужасна, как труд металлургов в «горячем цеху» в промышленную эпоху, где все, от высокой температуры и грохота тяжелых механизмов до концентрации вредных веществ в воздухе, противоречит биологической природе человека. Но, судя по дневнику, складское пространство в своем роде испытывает психику и вестибулярный аппарат индивида — иногда это напоминает жесткие эксперименты с отключением всех органов перцепции в камере сенсорной депривации, как в рассказе Станислава Лема «Условный рефлекс», или пытку «музыкальной шкатулкой» в советском фильме «Ошибка резидента», когда советского разведчика помещали в стерильное и замкнутое пространство, в котором круглосуточно звучали звуки различной тональности, что сбивало психологические настройки организма, буквально сводило с ума.

Индивид постоянно ощущает собственную чуждость, хайдеггеровскую «брошенность», находясь в этих пространствах, где техническое подчиняет себе сам способ существования субъекта, максимально анонимизируя и обезличивая его, сводя к предзаданной функции: «В структуре брошенности, равно как и наброска, по сути, заложена ничтожность. И она есть основание для возможности ничтожности несобственного присутствия в падении, каким оно всегда уже фактично бывает. <...> Быть брошенным значит экзистенциально: быть в том или ином расположении. Расположение поэтому основывается в брошенности» [Хайдеггер, 2003: 321, 380].

Думаю, что проектировщики не подразумевали подобного эффекта — они лишь стремились оптимально и на уровне современных технологических

решений организовать производственный процесс, учитывая, вероятно, и то, что здесь будет работать много людей, для которых невольно нужно делать соответствующую инфраструктуру, отнимающую столь ценное пространство от складского предназначения места. В комплексе имеется столовая и вендинговые машины с кофе и сэндвичами, однако дневник раскрывает степень вне-человечности и подчиненности этого пространства интересам капитализма, где работник — по сути, помеха, которую хотелось бы элиминировать из производственного процесса, но пока не удается:

«Направляюсь на М6, поднимаюсь в столовую. Беру куриную ножку с гречкой, салат с яйцом, овощной суп и ягодный компот. Где-то вдали мелькает мысль, что в столовой никогда нет ножей — только вилки и ложки. Ем без аппетита. Курица очень жесткая. Гречка раздваивается перед глазами: я явно засыпаю. Усилим воли фокусирую зрение. Не доев, ухожу из столовой, и возвращаюсь на склад».

В-третьих, перемещения по гигантскому отчужденному комплексу носят механический характер брожения по бесконечным одинаковым коридорам подземного бункера или заброшенной космической базы в первых версиях компьютерных шутеров от первого лица, подобных Doom, Wolfenstein, Quake и др., где главный герой следует одинаковыми коридорами и комнатами с унылой текстурой стен в поисках монстров, «ништяков» (запаса оружия, патронов и аптечек) и дверей на новый уровень. Так и работник склада находится в поисках подручных средств для работы или их замены, перемещаясь и путаясь в различных секторах маркетплейса. Он снова и снова попадает в эти монотонные пространства капитализма, обслуживающие потребности в удовольствии бесконечного потребления, но оказывающиеся столь убогими за холстом компьютерного экрана с нарисованными чудесами консьюмеризма, как в сказке Карло Коллоди. В дневнике можно обнаружить свидетельства автора, касающиеся буквальная пространственной дезориентации в секторах и объемах маркетплейса, когда ему приходится разбираться с тем, где именно он находится в данный момент и куда ему нужно идти:

«Выйдя из курилки, я решил пройтись по складу, но, опасаясь потеряться в этом огромном помещении, дошел только до входа. Около двери висели четыре больших экрана, на них было выведено расписание маршруток до различных общежитий, а также видео вводного инструктажа».

Поденщик платформенного капитализма

Так кем же является в этой системе работник низового уровня? Франк Руда в своей главе одной из важнейших современных монографий, интерпретирующих марксистские идеи, «Маркс в пещере» [Жижек, Руда, Хамза, 2020: 87–89] рассуждает о том, как капитализм сводит рабочего к состоянию

неполноценного животного, производит его «анимализацию», используя в своих прагматических интересах: «обычная заработная плата есть самый низкий минимум, совместимый с «простой человечностью», то есть с животным уровнем существования» [Маркс, 1972: 47]. Этот тезис перекликается с наблюдениями автора дневника, оказавшегося винтиком огромной машины производства потребления — винтиком, который в каком-то смысле находится на нижней ступени иерархии производства, наверное, даже ниже, чем ТСД (терминал сбора данных) — основной рабочий инструмент кладовщика. Ведь ТСД — неотъемлемая часть этой системы, его берегут (нельзя выносить и ломать), заряжают, хранят, он включен в компьютерные сети, тогда как рядовой работник склада настолько незначителен для этой машины, что ему не требуется даже писать заявление об увольнении (и многих компания не осведомляет о правилах увольнения) — чтобы совершить эту обратную инициацию освобождения, всего лишь нужно уйти и не приходить обратно в течение нескольких месяцев.

Ф. Руда пишет: «Политической экономии рабочий известен только в качестве животного. Следовательно, капитализм как бы превращается в гигантский зоопарк с «обесчеловеченным человеком»» [Жижек, Руда, Хамза, 2020: 92]. При этом, по мнению Руды, рабочий лишается капитализмом даже и этой привилегии быть животным, так как наделяется «редуцированной и произведенной животностью», суммой «изолированных частных телесных функций» [Жижек, Руда, Хамза, 2020: 96]. Таким образом, рабочий — это «животное, лишённое своей животной природы» [Жижек, Руда, Хамза, 2020: 101], которое, как отмечал Маркс, становится придатком «механического чудовища, тело которого занимает целые фабричные здания», куда «рабочие присоединены как сознательные органы» [Жижек, Руда, Хамза, 2020: 102].

Пространство логистического центра маркетплейса и организация управления армией низового персонала заставляют задуматься над рассуждениями о том, что рабочий не просто сводится к животному, о котором необходимо заботиться и даже проявлять эмпатию — ведь, например, крестьянин или ямщик находился в тесном эмоциональном контакте с принадлежащей ему лошады. При этом работник РЦ — это живой придаток к ТСД, функционал которого необходим лишь в той мере, в какой алгоритмические системы компании не могут сами осуществлять распознавание, сборку и сортировку товаров:

«Я подошел к хабу и попросил ТСД, сказав: “Мне обычный”. Сотрудник ухмыльнулся и ответил, что может выдать обычный и необычный, и выдал мне ТСД с “пальцем”. Я взял батарейки из коробки с надписью “ЗАРЯЖЕН”, вставил их в терминал и “палец” и включил устройство. Затем я установил крепление на предплечье, что оказалось менее удобно, чем я ожидал. Крепление представляет собой черный ремешок со специальной пластиковой платформой, на который устанавливается и закрепляется ТСД. Я быстро заметил, что крепление с установленным ТСД держится на руке плохо и постепенно соскальзывает вниз к ладони, так что мне приходилось постоянно его поправлять или перевязывать ремешок».

Кажется, компания сознательно старается бихеовиоризировать поведение работника, свести его действия к подчинению указаниям алгоритмов, вшитых в ТСД, и в этом отношении уже трудно сказать, кто управляет своим телом, темпоральностью и способами действия — сам работник или конгломерат компьютеризированных систем контроля, надзора и операционного управления. Это не значит, однако, что работник абсолютно лишен субъектности и сведен к состоянию «неполноценного животного», к придатку электронной машины управления:

«После обработки всего стеллажа чаще всего ТСД давал задание начинать МХ на стеллаже следующего по порядку номера (например, если я обработал 81-й, то следующий был 82-й). Иногда, однако, ТСД давал задания перейти на другой ряд. Полагаю, объясняется это следующим: при наличии нескольких стеллажей подряд, где инвентаризация еще не проведена, ТСД дает задания идти по ним; если на следующем стеллаже уже проведена инвентаризация, он переводит сотрудника на тот ряд, где есть стеллажи, на которых инвентаризация еще не была».

В полевом дневнике можно найти отсылки к различного рода «поломкам» системы, приводившим, судя по местной мифологии, к ошеломительно высоким заработкам в определенные моменты времени и на некоторых видах работ. Эти «поломки», однако, довольно скоро вычислялись и устранялись — вводились запреты на превышение выработки по данному виду деятельности или даже штрафы. Также некоторые относительные «старожилы» маркетплейсов рассказывали истории о «лайфхаках» системы, которые относились либо к киберхакингу ТСД для манипулирования выработкой, либо к выстраиванию примитивных микросетей доверия и круговой поруки, включая наем семейным подрядом, когда жена и муж помогают друг другу, работая на смежных участках. Тем не менее исследователь слышал эти истории случайно, рассказчики старались не раскрывать деталей, а сами истории относились не к личному опыту рассказчиков, а тоже были ими якобы услышаны от кого-то. Иными словами, нельзя исключать, что исследователь имел дело с проявлениями местного фольклора, а машина управления маркетплейса в целом не способствовала зарождению даже минимальных условий для доверия и солидарности в каком-то более протяженном виде, нежели разовая помощь в режиме «здесь и сейчас».

В социологии профессий одним из центральных понятий является концепт «профессионализация» [Jackson, 1970: 1–15; Macdonald, 1995; Hoyle, John, 1995], который означает, среди прочего, систему институционализованного накопления специального знания, его передачи и воспроизводства в трудовом процессе. Конечно, вершиной профессионализации в этом разрезе являются сложные профессионализированные занятия, интеграция в которые индивида происходит в течение длительного времени и требует, с одной стороны, освоения сложных теоретических знаний и обретения практических навыков, а с другой — делает необходимой длительную культурную социализацию

в сообщество, с пониманием его формальных и неписаных правил, сленга и этических норм, далеко не все из которых отражены в соответствующих кодексах. До недавнего времени подобный путь профессионализации проходили врачи, юристы, ученые и представители некоторых арт-профессий. Конечно, только небольшая часть рабочих периода промышленного капитализма проходила более короткий, но в чем-то схожий путь интеграции в свою специализацию, и это были «синие воротнички», или «рабочая аристократия», занятая на сложных и требующих высокой квалификации работах, однако основная часть рабочей силы проходила лишь минимальную подготовку.

Автор дневника в деталях описывает свой путь обучения различным специализациям внутри РЦ, которое, кроме поверхностного вводного инструктажа, свелось к взаимному обучению — работники просто ситуативно помогали друг другу. При этом супервайзер, проводившая вводный инструктаж, сама стимулировала работников к обучению по месту работы, предлагая им задавать вопросы другим сотрудникам, идентифицируя себя как «новенького»:

«Если кто-то будет говорить вам, что вы новенький и вы тут что-то не вправе делать, у нас здесь новеньких-стареньких нет, мы все работаем. Поэтому работайте очень внимательно, но и себя в обиду не давайте. Пожалуйста, не делайте ничего от себя, делайте, как вам скажут. И если что, не забывайте волшебное слово “новенький”. Через меня проходят ежедневно тысячи, и я иногда не... Ну, вы понимаете. Поэтому если у вас возник вопрос, если вы чего-то не понимаете, говорите: “Я новенький”, “Я работаю первые дни”, и вам обязательно подскажут» (Из вводного инструктажа супервайзера).

Исследователь именно так и узнавал о тонкостях технологического процесса и организации труда на различных участках, хотя в процессе вхождения в новый вид деятельности и делал множество ошибок, некоторые из которых стоили ему начисления штрафов. Таким образом, компания превратила армию временной рабочей силы в некое подобие самообучающейся системы, отдельные единицы которой должны самостоятельно обретать необходимый уровень профессионализма за счет горизонтального обмена знаниями и «лайфхаками» с коллегами:

«—Ну вот смотри (собеседник исследователя поворачивается к гофре, стоящей рядом, и берет оттуда небольшой товар), ну вот такую х..ю например. Косметику, там, все такое. Можно много и быстро пропикать. А так попадется тебе КГТ — крупногабаритка — пиков будет мало, и сил еще потратишь дох... В общем, если че, иди тоже к нам коробки пикать (улыбается). Тут коробки и предсорт — наверное, самое нормальное.

— А что такое предсорт?

— Ну видишь, там люди стоят, раскидывают товары по разным гофрам? Вот это предсорт, а мы там, подальше».

С одной стороны, это можно считать достижением корпоративной культуры, поскольку создает иллюзию саморазвивающегося социального организма, однако на уровне низового precarious персонала трудно вести речь о возможности выработки более-менее устойчивых элементов культуры профессионального сообщества из-за текучести кадров и фактического отсутствия устойчивых связей между рабочими. С другой стороны, по отзывам работников и по впечатлениям исследователя, в алгоритмизированную систему контроля над процессом труда встроены изощренные штрафы за различные нарушения, которые начисляются автоматически, и нередко появление этих штрафов связано с незнанием новым работником специфики труда на том или ином участке. По мнению многих работников, система ориентирована на достижение определенных показателей по штрафам, а значит, компания не заинтересована, чтобы работники были «слишком обучены» и делали мало ошибок.

Более того, в теории рыночной экономики рабочие рассматривались как один из видов капитала («труд»), а для того, чтобы им гибко управлять, капитализм стремился сделать его максимально ликвидным, то есть приблизить к универсальному ликвидному активу — деньгам. Поэтому усилия тейлористов, фордистов и, намного позже, сторонников «бережливого производства» были направлены на то, чтобы капитализм имел дело с максимально атомизированной, анонимизированной, лишенной субъектности и «клея социальных связей» рабочей силой, которую можно было бы нанимать и увольнять в любой момент, исходя из текущей рыночной конъюнктуры, и которая не смогла бы выражать организованные интересы, поскольку была лишена возможностей для формирования солидарностей. Н. Срничек считает, что обращение компаний платформенного капитализма с трудом по этим старым сценариям начала промышленного капитализма, когда поденщики «с утра просто приходят туда, где им может подвернуться работа» [Срничек, 2019: 71], связано с распадом коммунистических режимов, запустившим «усугубление пролетаризации и рост численности «избыточного» населения» [Срничек, 2019: 32].

Наем обнищавших бродяг в качестве сезонных рабочих в сельском хозяйстве или же оптимизированное конвейерное производство Генри Форда, где почти сразу можно было стать работником на простых операциях — все это часть одного процесса сведения субъектности рабочего класса к абстракции максимально ликвидной формы капитала — труда: «Большая часть наших рабочих не посещала школ, они учатся нескольких часов или дней. Если за это время они не поймут, что от них требуется, мы с ними расстаемся. Многие из них иностранцы, и все, что мы от них требуем, прежде чем принять в штат, — это чтобы они потенциально могли окупить пространство, которое занимают на фабрике» [Форд, 2013: 61].

Конечно, подобный идеал трудового капитала до недавнего времени был труднореализуем, так как промышленные технологии требовали весомой доли «синих воротничков», обладавших профессиональной субъектностью и солидарностью — и тот же Генри Форд говорил, что работающие у него квалифицированные рабочие и служащие «занимаются экспериментальным производством, управляют техникой, конструируют станки и шаблоны деталей»

[Форд, 2013: 61]. К тому же профсоюзное движение к середине XX века смогло отвоевать заметные социальные гарантии в сфере занятости для работников, которые, впрочем, уже более чем четверть века как ужимаются подобно шагреновой коже. Колин Крауч в этой связи отмечает, что, «учитывая практически повсеместное снижение показателей членства в профсоюзах, сужение зоны коллективных соглашений... мы приходим к выводу, что в большинстве случаев уровень защищенности наемных работников, предлагаемый автономным представительством их интересов, резко снизился» [Крауч, 2020: 64].

При этом неолиберальный менеджериализм в государственном управлении и формирование «легкого» глобализованного финансового капитализма в 1980–1990-х годах [Бауман, 2008: 62–67] вместе с развитием компьютеризированных технологий контроля и управления производством, переходом на постфордистскую модель менеджмента [Шевчук, 2002: 46–61] стали той констелляцией условий, которая позволила пересмотреть фундаментальные основы общественного договора между работодателями и работниками и последовательно «либерализовать» ключевые позиции этого договора под лозунгами повышения «гибкости человеческого капитала»¹ и «освобождения» работников. В связи с этими трансформациями все более распространилась «прекарная занятость» [Прекарная занятость, 2021] — работа «по требованию» (on-call) и трудовые договоры с «нулевым временем» («zero-hours» contracts), когда оплачиваются только отработанные часы [Крауч, 2020: 16]. Дальнейшей эволюцией этого подхода становится перевод работников в статус самозанятых или даже «индивидуальных предпринимателей» под циничными лозунгами дальнейшего их «освобождения» от узды постоянной занятости в наемном режиме. Напомним, что писал Зигмунд Бауман о том, как труд долгое время оставался привязанным к месту, когда другие виды капитала стали более легкими: «В своей “тяжелой” стадии капитал был в той же степени привязан к земле, что и рабочие, которых он нанимал. Теперь капитал путешествует налегке — с багажом, состоящим лишь из портфеля, сотового телефона и портативного компьютера. <...> Труд, вместе с тем, остается таким же неподвижным, каким он был в прошлом, но место, к которому однажды, как ожидалось, он будет привязан раз и навсегда, потеряло свою былую надежность; в напрасном поиске каменистого дна якорь падает на рыхлый песок» [Бауман, 2008: 66].

В некоторых сегментах сферы занятости это привело к тому, что идеал труда как абсолютно ликвидной и «легкой» формы капитала был достигнут — и это компании «платформенного капитализма», опирающиеся на модель привлечения так называемых самозанятых, которым не предоставляется статус наемного работника, и это лишает данную рабочую силу практически всех гарантий в области социального обеспечения, охраны труда и порядка найма и увольнения.

Службы такси [Шевчук и др. 2021: 356–381], организованные по принципам «уберизации», службы онлайн-доставки и некоторые другие городские сервисы

¹ Корни этого перехода на дискурс «гибкости» в управлении исследовали Л. Болтански и Э. Кьяпелло в своей классической работе «Новый дух капитализма» [Болтански, Кьяпелло, 2011].

относятся к группе компаний, использующих преимущества цифровизации, в том числе и в сфере привлечения временной рабочей силы. Между тем, по мнению Н. Срничека, будущее «скорее за компанией Amazon, чем за Google или Uber» [Срничек, 2019: 112], поскольку соединение вместе алгоритмов организации торговли, управления поставками, возможностей интернета как пространства e-commerce, включения в цепочку материального потребления миллионов людей и ресурс привлечения десубъективированной дешевой рабочей силы — «цифровых поденщиков» дает мультиплицирующий эффект, снижающий риски упадка в силу старения аудитории или падения моды на социальную сеть, как в случае с известной компанией под управлением Марка Цукерберга.

В этой связи необходимо поговорить о неявной, но важной роли маркетплейсов в жизни России в «постфевральский» период 2022 года. Проникновение точек доставки и выдачи товаров таких крупных компаний e-commerce, как Ozon и Wildberries, в крупные города и районные центры страны оказалось столь глубоким и масштабным, что, по-видимому, дало возможность, во-первых, сбить покупательский ажиотаж в обычных торговых центрах в первые недели после 24 февраля, а во-вторых, онлайн-торговля смогла поддержать бесперебойное функционирование потребительского общества, создавая эффект «нормальности» в непростые времена беспрецедентных санкционных ограничений и ухода из России сотен зарубежных брендов. Конечно, какие-то товарные позиции закрылись и, безусловно, структура товарного предложения на ключевых российских площадках e-commerce меняется и будет продолжать меняться, но их бесперебойная работа поддерживает устойчивое впечатление товарного изобилия и непроблематизированного хода обычной жизни, несмотря на военные действия и разрыв практически всех отношений с западными странами. К тому же маркетплейсы воспользовались программой «параллельного импорта» и продолжают торговлю товарами производителей, ушедших с отечественного рынка.

Иными словами, роль ведущих российских маркетплейсов вышла за пределы сферы занятости, экономики и потребления и стала политическим и психологическим фактором, поддерживающим иллюзию нормального хода жизни у многих жителей страны. Возможно, стоит предположить, что не «телевизор» оказывает «усыпляющее» воздействие на население в столь турбулентные времена, а работающие пункты доставки самых популярных маркетплейсов, расположенные в шаговой доступности. Можно ожидать, что маркетплейсы из чисто рыночных акторов могут превратиться в структуры, находящиеся под влиянием государства, переводящего экономику на рельсы корпоративистской модели управления с элементами позднесоветского централизованного регулирования (это уже наблюдается на примере ситуации с «Яндексом» и переходом значительной части медийных активов компании под контроль квазигосударственной VK, из-за чего исчезла привычная заглавная страница ведущего российского поисковика). Это не означает превращение российских маркетплейсов в цифровизированный аналог системы советской торговли, но означает, что они тем или иным образом будут включены в комплексную модель governmentality, формирующуюся в стране здесь и сейчас.

Заключение

Этот очерк не охватывает всего богатства сюжетов, которые имеются в доступных для анализа полевых дневниках «поденщика маркетплейса». Я сосредоточился на нескольких темах, впечатливших меня в процессе изучения полевых материалов. Прежде всего, я увидел, что пространственная организация логистического центра вместе с системами контроля и надзора создает эффект десубъективации работника, превращая его не просто в безуспешно следящего за лентой конвейера героя Чарли Чаплина из сатирического фильма о наступлении машинной эпохи «Новые времена» (1936 г., реж. Ч. Чаплин), но, по выражению Руда, сводящего его к функции «неполноценного животного». Развивая эту линию суждений, я обращаюсь к теме профессионализма и обучения работы на складе маркетплейса, и здесь также можно увидеть, как платформенный капитализм превращает занятых в «цифровых поденщиков», лишенных возможности для устойчивой солидарности, а значит, превращенных в анонимизированный капитал подсобного труда. В целом сам стиль и ткань авторского повествования в дневнике дают массу материала для размышления в этом направлении.

В заключение отдельно хочу остановиться на уникальности собранного полевого материала и личного опыта исследователя — включенного наблюдателя. Сегодня тема «цифровой экономики», «интернет-занятости», «уберизации работы», «платформенного капитализма» и прекарной работы стала модной среди российских социологов. При этом лишь очень немногие, во-первых, используют метод включенного наблюдения и этнографию для сбора данных, во-вторых, редко непосредственная практика труда рабочих становится объектом внимания исследователей. В большинстве своем изучение работников цифрового капитализма осуществляется посредством опросов [Стребков, Шевчук, 2022], дающие, возможно, и валидные, но «холодные данные», которые лишь ограниченно могут стать источником содержательного знания о мире и повседневности труда. Конечно, эти данные удобны для анализа и обобщений, понятных в том числе государственным органам, однако есть риски упустить важное в изменчивых событиях, происходящих на рабочих местах цифровых и товарных платформ. Более насыщенное описание, открывающее перспективы для теоретических инсайтов, обнаруживается при работе с материалами интервью участников событий [Хумарян, 2021], хотя и там, как в моем случае анализа собранного не мной полевого материала, есть ограничения, связанные с тем, что информант становится невольным интерпретатором, а исследователь может методически (например, через триангуляцию данных) ограничить влияние этих интерпретаций, если они сами не являются предметом изучения.

Я уверен, что методы включенного наблюдения могут рассматриваться как важный, хотя и незаслуженно находящийся на периферии исследовательского внимания (возможно, из-за трудоемкости и эмоциональных вызовов), подход к изучению быстрых изменений в сфере труда в контексте исследований занятых и профессий платформенного капитализма. Также я надеюсь, что автор этого дневника еще напишет тексты, основанные на собранных материалах, впечатлениях и проделанной эмоциональной работе.

Литература

- Бауман З. Текущая современность / Пер. с англ. А.С. Комарова. СПб.: Питер, 2008. EDN: QOABEJ
- Болтански Л, Кьяпелло Э. Новый дух капитализма / Общ. ред. С. Фокина. М.: Новое литературное обозрение, 2011.
- Гудова Е. А. «Ну, это же Почта!»: как происходят истории в организациях, а организации в историях // Этнографическое обозрение. 2018. № 3. С. 151–167. DOI: <https://doi.org/10.7868/S0869541518030119>. EDN: XQLCFN
- Жижек С., Руда Ф., Хамза А. Читать Маркса. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020.
- Крауч К. Победители гиг-экономика. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020.
- Максимова А. С. Анализ полевых дневников в контексте производства этнографических текстов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 1 (107). С. 128–140. EDN: OQMGKB
- Маркс К. Экономико-философские рукописи 1844 г. // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 42. М.: Политиздат, 1972.
- Оже М. Не-места. Введение в антропологию гипермодерна. М.: НЛО, 2017.
- Пинчук О. В. Как возможно этнографическое исследование труда в России? Демаргинализация этнографии в поле прикладного исследования // Социология власти. 2021. Т. 33. № 3. С. 109–130. DOI: <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2021-3-109-130>. EDN: CBZYRL
- Прекарная занятость: истоки, критерии, особенности / Отв. ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Весь мир, 2021.
- Срничек Н. Капитализм платформ. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019.
- Стребков Д. О., Шевчук А. В. Что мы знаем о фрилансерах? Социология свободной занятости. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. DOI: <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2722-1>. EDN: GYGZLX
- Форд Г. Моя жизнь, мои достижения. М.: ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2013.
- Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. В. В. Библихина. Харьков: «Фолио», 2003.
- Хумарян Д. Г. Режимы организации труда в гибких фирмах: социологический анализ практик менеджмента (на примере ИКТ и креативных индустрий): Дис. ... канд. соц. наук: 22.00.03. М.: НИУ ВШЭ, 2021.
- Шевчук А. В. От фабрики к платформе: автономия и контроль в цифровой экономике // Социология власти. 2020. Т. 32. № 1. С. 30–54 DOI: <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2020-1-30-54>. EDN: XHQTOI
- Шевчук А. В. Постфордистские концепции как исследовательская программа // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 2. С. 46–61. EDN: OYUWOP
- Шевчук А. В., Чижова Д. А., Демина Д. Е., Чугункова В. А. Труд водителей такси в условиях алгоритмического управления // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2021. № 3. С. 356–381. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.3.1934>. EDN: TFWRXS
- Bergvall-Kareborn B., Howcroft D. Amazon Mechanical Turk and the Commodification of Labour // New Technology, Work and Employment. 2014. Vol. 29. № 3. P. 213–223. DOI: <https://doi.org/10.1111/ntwe.12038>
- Delfanti A. The Warehouse: Workers and Robots at Amazon. London: Pluto Press, 2021.
- Fernández-Macías E. Automation, Digitalisation and Platforms: Implications for Work and Employment. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2018.
- George E. Marcus Where Have all the Tales of Fieldwork Gone? // Ethnos. Journal of Anthropology. 2006. Vol. 71. № 1. P. 113–122. DOI: <https://doi.org/10.1080/00141840600603244>
- Hoyle E, John P. Professional Knowledge and Professional Practice. London: Cassell, 1995. DOI: <https://doi.org/10.2307/3121708>

Jackson J. Professions and Professionalization Editorial Introduction // Professions and Professionalization / Ed. by Jackson J. London: Cambridge University Press, 1970. P. 1–15.

Maanen J. Van. Tales of the Field: On Writing Ethnography. Chicago: University of Chicago Press, 1988. DOI: <https://doi.org/10.2307/590904>

Sardan J.-P. O. Epistemology, Fieldwork, and Anthropology. New York: Palgrave Macmillan, 2015. P. 83–103. DOI: <https://doi.org/10.1057/9781137477880>

Сведения об авторе:

Абрамов Роман Николаевич — доктор социологических наук, профессор кафедры анализа социальных институтов, департамент социологии, факультет социальных наук, ведущий научный сотрудник Международной лаборатории исследований социальной интеграции и ИГИТИ, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИЦ РАН, Москва, Россия. E-mail: rabramov@hse.ru. PИИЦ Author ID: 127074; ORCID ID: 0000-0002-4967-1169; ResearcherID: H-4728-2015.

Статья поступила в редакцию: 03.08.2022

Принята к публикации: 09.09.2022

.....

In the Grip of the Algos: Stories of a Precarious Worker of Platform Capitalism

DOI: 10.19181/inter.2022.14.3.2

Roman N. Abramov HSE University, Moscow, Russia;
Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia
E-mail: rabramov@hse.ru

Marketplaces and e-commerce are at the forefront of changes associated with the development of platform and digital capitalism. Changes in the nature of hiring and the status of workers in platform capitalist companies reflect general employment trends. At the same time, the work of hundreds of thousands of workers in this segment is poorly studied, and explanations of its nature are mainly theoretical. This article is based on an analysis of an array of diary entries by Russian social ethnographer Andrey Starovoitenko, who worked for several months in the distribution center of one of the leading Russian marketplaces. The article is part of a column devoted to the analysis of materials from an ethnographic study of labor in the marketplace. The article draws attention to the role of anonymized marketplace spaces in the desubjectivization of workers who feel like a simple continuation of a complex digitalized socio-technical system. The text talks about the place of digital surveillance and control and the role of special equipment in integrating unskilled personnel into the complex algorithmic system of the marketplace. Separately, the issue of desubjectivization of marketplace workers and the limitations of professional socialization is considered. The conclusion is made about the place of precarious wage labor in e-commerce, taking into account the desire to transfer unskilled labor into the state of digital day laborers deprived of contractual relations with the company. To reveal the main plots, the Amazon research

by A. Delfanti, the theoretical resources of Roth's neo-Marxist interpretations of the labor sphere, Z. Bauman's concepts of light capitalism, and selected theses of the actor-network theory are involved. In addition, the article refers to examples of social criticism of labor in the factories of platform capitalism, reflected in modern cinema.

Keywords: platform labor; digital capitalism; precariat; day laborers; labor space; e-commerce; marketplace

References

- Bauman Z. (2008) *Tekuchaya sovremennost'* [Liquid Modernity] / Transl. from Eng. by A. S. Komarova. St. Petersburg: Piter. (In Russ.)
- Bergvall-Kareborn B., Howcroft D. (2014) Amazon Mechanical Turk and the Commodification of Labour. *New Technology, Work and Employment*. Vol. 29. No. 3. P. 213–223. DOI: <https://doi.org/10.1111/ntwe.12038>
- Boltanski L, Chiapello E (2011) *Novy`j duh kapitalizma* [The New Spirit of Capitalism]. Ed. by S. Fokina. Moscow: NLO. (In Russ.)
- Crouch C. (2020) *Pobediteli gig-e`konomika* [Will the Gig Economy Prevail]. Moscow: HSE Publishing House. (In Russ.)
- Delfanti A. (2021) *The Warehouse: Workers and Robots at Amazon*. London: Pluto Press.
- Fernández-Macías E. (2018) *Automation, Digitalisation and Platforms: Implications for Work and Employment*. Luxembourg: Publications Office of the European Union.
- Ford G. (2013) *Moya zhizn`, moi dostizheniya* [My life and work]. Moscow: "Mann-Ivanov-Feber". (In Russ.)
- George E. Marcus (2006) Where Have all the Tales of Fieldwork Gone? *Ethnos. Journal of Anthropology*. Vol. 71. No. 1. P. 113–122. DOI: <https://doi.org/10.1080/00141840600603244>
- Gudova E. A. (2018) "Nu, e`to zhe Pochta!": kak proisxodyat istorii v organizatsiyax, a organizacii v istoriyax ["Well, That's the Postal Service!": How Organizations Produce Stories and Stories Shape Organizing]. *Etnograficheskoe Obozrenie* [Ethnographic Review]. No. 3. P. 151–167. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.7868/S0869541518030119>
- Hoyle E, John P. (1995) *Professional Knowledge and Professional Practice*. London: Cassel. DOI: <https://doi.org/10.2307/3121708>
- Jackson J. (1970) Professions and Professionalization Editorial introduction. In: Jackson J. (ed.) *Professions and Professionalization*. London: Cambridge University Press. P. 1–15.
- Maanen J. Van. (1988) *Tales of the Field: On Writing Ethnography*. Chicago: University of Chicago Press. DOI: <https://doi.org/10.2307/590904>
- Maksimova A. S. (2012) *Analiz polevy`x dnevnikov v kontekste proizvodstva e`tnograficheskix tekstov* [Analysis of Field Diaries in the Context of the Production of Ethnographic Texts]. *Monitoring obshhestvennogo mneniya: e`konomicheskie i social`ny`e peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Change]. No. 1 (107). P. 128–140. (In Russ.)
- Marks K. (1972) *E`konomiko-filosofskie rukopisi 1844 g.* [The Economical & Philosophic Manuscripts of 1844]. Vol. 42. Moscow: Politizdat. (In Russ.)
- Ozhe M. (2017) *Ne-mesta. Vvedenie v antropologiyu gipermoderna* [No-places. Introduction to the Anthropology of Hypermodernity]. Moscow: NLO. (In Russ.)
- Pinchuk O. V. (2021) *Kak vozmozhno e`tnograficheskoe issledovanie truda v Rossii? Demarginalizatsiya e`tnografii v pole prikladnogo issledovaniya* [How is Ethnography of Work Possible in Russia? Demarginalization of Ethnography in the Field of Business Research]. *Sociologiya vlasti* [Sociology of Power]. Vol. 33. No. 3. P. 109–130. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2021-3-109-130>

Sardan J.-P. O. (2015) *Epistemology, Fieldwork, and Anthropology*. New York: Palgrave Macmillan. P. 83–103. DOI: <https://doi.org/10.1057/9781137477880>

Shevchuk A.V., Chizhova D.A., Demina D.E., Chugunkova V.A. (2021) Trud voditelej taksi v usloviyax algoritmicheskogo upravleniya [The Work of Taxi Drivers Under Algorithmic Control]. *Monitoring obshhestvennogo mneniya: e`konomicheskie i social`ny`e peremeny`* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 3. P. 356–381. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.3.1934>

Shevchuk A.V. (2020) Ot fabriki k platforme: avtonomiya i kontrol` v cifrovoj e`konomie [From Factory to Platform: Autonomy and Control in the Digital Economy]. *Sociologiy vlasti* [Sociology of Power]. Vol. 32. No. 1. P. 30–54 (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2020-1-30-54>

Shevchuk A.V. (2002) Postfordistskie koncepcii kak issledovatel`skaya programma [Post-Fordist Concepts as a Research program]. *Ekonomicheskay sociologiy* [Economical Sociology]. Vol. 3. No. 2. P. 46–61. (In Russ.)

Srnichek N. (2019) *Kapitalizm platform* [Platform Capitalism]. Moscow: HSE Publishing House. (In Russ.)

Strebkov D.O., Shevchuk A.V. (2022) *Chto my` znaem o frilanserax? Sociologiya svobodnoj zanyatosti* [What Do We Know about Freelancers? Sociology of Free Employment]. Moscow: HSE Publishing House. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2722-1>

Toshchenko Zh.T. (ed.) (2021) *Prekarnaya zanyatost: istoki, kriterii, osobennosti* [Precarious Employment: Origins, Criteria, Features]. Moscow: Ves` Mir publ. (In Russ.)

Xajdegger M. (2003) *By`tie i vremya* [Being and Time]. Transl. from German by V.V. Bibixina. Kharkov: "Folio". (In Russ.)

Xumaryan D.G. (2021) *Rezhimy` organizacii truda v gibkix firmax: sociologicheskij analiz praktik menedzhmenta (na primere IKT i kreativny`x industrij)* [Regimes of Work Organization in Flexible Firms: a Sociological Analysis of Management Practice (on the Case of ICT and Creative Industries)]. Dis. kand. nauk. M.: HSE University. (In Russ.)

Xumaryan D.G. (2021) *Rezhimy organizacii truda v gibkix firmax: sociologicheskij analiz praktik menedzhmenta (na primere IKT i kreativny`x industrij): Diss. ... kand. sots. nauk: 22.00.03.* [Regimes of Work Organization in Flexible Firms: a Sociological Analysis of Management Practice (on the Case of ICT and Creative Industries). Thesis for the Degree of Candidate of Sociological Sciences: 22.00.03.] Moscow: HSE University. (In Russ.)

Zhizhek S., Ruda F., Xamza A. (2020) *Chitat` Marksa* [Reading Marx]. Moscow: HSE Publishing House. (In Russ.)

Author bio:

Roman N. Abramov — Doctor of Sociology, Professor, Department for Social Institutions Analysis, Faculty of Social Sciences, Leading Researcher, International Laboratory for Social Integration Research and IGITI, HSE University; Leading Researcher, Institute of Sociology FCTAS RAS, Moscow, Russia. **E-mail:** rabramov@hse.ru. **RSCI Author ID:** 127074; **ORCID ID:** 0000-0002-4967-1169; **ResearcherID:** H-4728-2015.

Received: 03.08.2022

Accepted: 09.09.2022

DOI: 10.19181/inter.2022.14.3.3
EDN: CUXCSA

(Де)субъективация работников в пространстве склада маркетплейса: цифровой диктат или индустриальный «базар»?¹

Ссылка для цитирования:

Старовойтенко А. Д. (Де)субъективация работников в пространстве склада маркетплейса: цифровой диктат или индустриальный «базар»? // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2022. Т. 14. № 3. С. 55–77. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2022.14.3.3>. EDN: CUXCSA

For citation:

Starovoytenko A. D. (2022) (De)subjectivation of Workers in the Marketplace's Warehouse Space: Digital Dictate or an Industrial "Bazaar"? *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 14. No. 3. P. 55–77. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2022.14.3.3>

Старовойтенко Андрей Дмитриевич

Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия;
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-mail: astarovojtenko@hse.ru

Вопреки колоссальным объемам трудовых ресурсов, задействованных на складах, в публичной сфере «низовой» труд кладовщиков остается практически невидимым — как потребителями, так и исследователями трудовых отношений. И в российской, и в зарубежной научной литературе большое внимание уделяется трансформациям трудовых отношений в условиях платформенной экономики, в том числе вопросам прекаризации и «уберизации» труда, а также усилению наблюдения и контроля за сотрудниками в рабочее время, опосредованного цифровыми технологиями. На другом «полюсе» находятся многочисленные работы, посвященные неформальной («гаражной») экономике. В обоих дискурсах складской труд представлен весьма ограниченно.

Настоящая статья является результатом полуторамесячной этнографии, проведенной автором летом 2021 года в складском комплексе крупного российского маркетплейса. Настоящая статья является попыткой показать

¹ Настоящая статья подготовлена при поддержке Гранта РНФ «Новые социальные неравенства в эпоху цифровизации» (2021–2023). Грант № 21-18-00489.

сложное, порой конфликтное взаимодействие формальных и неформальных компонентов складского труда, совмещая неомарксистский концептуальный аппарат с метафорой «базарной экономики» К. Гирца. Первые сопряжены с разнообразными формами цифрового контроля за сотрудниками, от доступа на склад до регулирования объемов выработки и заработка. Вторые заключаются в сложной констелляции неформальных практик и основываются на сознательном ограничении доступа рабочих к «редким» ресурсам («работе») и информации («тонкостям»).

Ключевые слова: складской труд; платформенная экономика; цифровой капитализм; неформальная экономика; «базарная экономика»; этнография труда

Введение. Складской труд в эпоху цифровизации

Стремительное развитие индустриального машинного обучения и все более широкое внедрение в промышленность элементов искусственного интеллекта побуждают исследователей размышлять о глубоких трансформациях труда — не в последнюю очередь с позиции перспектив людей, которых машинный труд призван заменить. В своей лекции, прочитанной в Университете Йоханнесбурга, Майкл Буравой, рассуждая об эксплуатации рабочих, утверждает, что быть эксплуатируемым становится привилегией — по крайней мере, по сравнению с альтернативным сценарием остаться без работы вовсе¹.

Сфера электронной торговли (e-commerce) находится в авангарде этих трансформаций — это убедительно демонстрируют кейсы Amazon [Delfanti, 2021; Loewen, 2018; Massimo, 2020] и Alibaba [Zhang, Pee, Cui, 2021; Zhang, 2020]. Работа в так называемых фулфилмент-центрах Amazon изучена в особенности хорошо — не в последнюю очередь силами журналистов, проводивших собственную «скрытую этнографию» на некоторых объектах компании² и затем опубликовавших резонансные материалы на эту тему.

¹ Prof. Michael Burawoy. Neo-Liberalism and Social Movements. YouTube, 2014. URL: https://www.youtube.com/watch?v=N4acGTVKm04&t=4494s&ab_channel=UniversityofJohannesburgofficialYoutu (дата обращения: 01.06.2022).

² Fan R. Here's What It's Like to Work in an Amazon Warehouse Right Now. URL: <https://onezero.medium.com/heres-what-it-s-like-to-work-in-an-amazon-warehouse-right-now-e7f8590264b5> (дата обращения: 07.09.2022); Herrera S. A Day in the Life of an Amazon Warehouse Worker. Wall Street Journal. 2020. URL: <https://www.wsj.com/articles/a-day-in-the-life-of-an-amazon-warehouse-worker-11606127400> (дата обращения: 07.09.2022); Jamieson D. The Life and Death of an Amazon Warehouse Temp. Huffington Post. 2015. URL: <https://highline.huffingtonpost.com/articles/en/life-and-death-amazon-temp/> (дата обращения: 07.09.2022); Mac G. I Was a Warehouse Wage Slave. Mother Jones. 2012. URL: <https://www.motherjones.com/politics/2012/02/mac-mccllland-free-online-shipping-warehouses-labor> (дата обращения: 08.09.2022).

Я благодарен Ольге Пинчук, собравшей эти и другие журналистские материалы о работе в Amazon, цитируемые в этом тексте, и поделившейся ими со мной.

В России активно изучаются вопросы платформенной экономики и маркетплейсов, precariousности труда в условиях неолиберального экономического порядка, однако труд рабочих складских центров малоизучен. Еще реже встречаются этнографические исследования труда — не только в распределительных центрах, но и в промышленности вообще (среди значимых исключений — монография Ольги Пинчук, посвященная этнографии фабричного труда [Пинчук, 2021]).

Вопреки колоссальным объемам человеческих ресурсов, задействованных в складском труде, в публичной сфере он остается практически невидимым (это касается не только России) [Puentes, 2018]. Между тем бесперебойная работа гигантской машинерии маркетплейсов обеспечивается ежедневной, круглосуточной работой десятков тысяч сотрудников распределительных центров, а в развитие новых складских комплексов вкладываются миллиарды рублей¹. Некоторым косвенным подтверждением значимости складских центров может служить описание вакансий на сайте маркетплейса OZON, где фулфилмент-центры компании называются сердцем логистики компании².

Настоящая статья написана по материалам полуторамесячной этнографии, проведенной мной в одном из распределительных центров крупного российского маркетплейса летом 2021 года. Результатом проведенных наблюдений стали сотни страниц дневников, которые и легли в основу этого текста. Хотя с даты моего выхода из поля наблюдения прошло больше года, я хорошо помню, как сложно порой было писать эти дневники: часто усталость после 12-часовой смены не позволяла приступить к письму непосредственно после прожитого рабочего дня, а в процессе написания далеко не всегда удавалось найти точные слова для пережитого опыта. Не менее сложным оказалось и чтение: удивление от разнообразия сюжетов сочеталось с ощущением недосказанности и недовыясненности, когда вопросов возникает больше, чем ответов.

У проведенной этнографии есть и вполне очевидные ограничения. Во-первых, исследование проводилось в рамках прикладного проекта и имело соответствующие временные рамки³. Уже во время работы на складе мне было очевидно, что 1,5 месяца недостаточно для глубокого погружения в поле. Во-вторых, я посещал работу нерегулярно: я дважды болел, а порой пропускал несколько дней подряд, чувствуя себя совершенно выгоревшим. Из-за этих перерывов некоторые мои знакомства на складе прерывались, и этих людей на территории распределительного центра (РЦ) я больше не встречал. В-третьих, ввиду иного профессионального и социального статуса мне порой было непросто солидаризироваться с коллегами и найти с ними точки соприкосновения, что лишь усиливало и так витавшее в складской атмосфере чувство отчуждения. Наконец, работа на складе была моим первым серьезным этнографическим проектом, и я неизбежно совершал ошибки, свойственные начинающим исследователям, которым недостает полевого опыта.

¹ См., к примеру: В этом году Ozon хочет в два раза увеличить свои фулфилмент-площади. Logirus, 2021. URL: https://logirus.ru/news/warehouses/v_etom_godu_ozon_khochet_v_dva_raza_uelichit_svoi_fulfilment-ploshchadi.html (дата обращения: 02.06.2022).

² См. Работа на фулфилменте в OZON. OZON. 2022. URL: <https://job.ozon.ru/fulfillment/>.

³ Подробнее о специфике «быстрой этнографии» в коммерческих исследованиях см. [Картавцев, 2021].

Тем не менее полученный в ходе наблюдения опыт вдохновляет на рефлексию о двойственных и глубоко противоречивых отношениях рабочего с работодателем в пространстве алгоритмизированного и прекарного «низового» складского труда. В настоящем тексте я пытаюсь показать, как в физическом пространстве одного склада сосуществуют и пересекаются две реальности, в столкновении (или, может быть, спутанности) которых «верхний» цифровой неолиберальный порядок сочетается с «низовыми» практиками «осознанного незнания» и клиентелизма. Для объяснения последнего я использую метафору марокканского базара, концептуализированную К. Гирцем.

Наконец, надеюсь, что этот текст, наряду с текстами моих коллег Романа Абрамова и Ольги Пинчук, познакомит читателей с миром складского труда, остающегося невидимым как для клиентов e-commerce, так и — во многом — для исследовательского сообщества.

Механика складского комплекса

Современные распределительные центры являются сложнейшей, многокомпонентной системой логистических процессов и решений, направленных на оптимальное хранение и быстрое движение товаров от поставщика до конечного потребителя. Ответственность за (про)движение товара по складскому пространству распределена между несколькими направлениями, каждое из которых отвечает строго за свою часть этого процесса. Совершая цикл передвижений по складу, товар последовательно проходит через десятки рук работников различных отделов. Учитывая же, что в распределительных центрах ежедневно принимаются, раскладываются, хранятся, собираются, сортируются и отгружаются тысячи товаров, их успешное движение зависит от ежеминутных и даже ежесекундных усилий тысяч, а порой и десятков тысяч кладовщиков.

Вот краткая характеристика этого процесса. Деятельность рабочих складского комплекса начинается, когда на склад поступают товары от поставщика. Эти товары, упакованные в коробки на палетах, принимаются и регистрируются в системе складского учета. Принятые палеты грузчики отвозят в зону раскладки, где раскладчики распаковывают коробки и с помощью электроподъемника отправляют их в зону хранения товаров — так называемый «мезонин». Здесь те же раскладчики раскладывают вещи из коробок и фиксируют их место хранения в системе учета. Когда на разложенную вещь поступает заказ, она попадает в сборочный лист сборщика, который поднимается на мезонин и собирает ее наряду с другими заказанными вещами в специальную тележку, одновременно фиксируя факт сборки в системе учета. Затем он «скидывает» все собранные вещи в «гофру» (более крупную тележку). Когда «гофра» оказывается заполненной, она с помощью подъемника спускается с мезонина и отправляется на предсортировку. Часть отсортированных на этом этапе вещей затем попадает на упаковочные столы, где команда кладовщиков упаковывает их — в зависимости от требований — в коробки или пакеты. Упакованные вещи наряду с товарами, не требующими упаковки, отправляются на сортировку, где работники склада вручную распределяют их по тележкам в зависимости от конечного пункта назначения. Наконец, отсортированные

вещи отправляются в зону отгрузки, откуда они на грузовом транспорте перевозятся в локальные точки хранения в различных городах России.

Перечисленные направления работы на складе являются фундаментом функционирования всего логистического комплекса. Наряду с ними существуют также вспомогательные процессы. Так, часть сотрудников склада производит постоянную инвентаризацию вещей, хранящихся на стеллажах мезонина, обновляя базу данных — это позволяет иметь адекватное представление о реальном количестве вещей, имеющихся в наличии. Кроме того, часть вещей, прибывающих в РЦ, отправляется в «фотостудию», где сотрудники проверяют их на соответствие внешнему виду на фотографиях от поставщика. Наконец, огромное значение имеет работа грузчиков, которые выполняют погрузку, разгрузку и в некоторых случаях транспортировку палет, коробок и тележек с вещами в соответствующие зоны — на раскладку, сортировку, упаковку и отгрузку.

Таково «верхнеуровневое» описание функционирования складского комплекса. Однако то, что на макроуровне выглядит слаженным и исправным механизмом, в перспективе отдельного рабочего воспринимается совершенно иначе. Работа в распределительном центре чрезвычайно сегментирована, поэтому сотрудники одного направления редко имеют отчетливое представление об устройстве других специализаций — в особенности это касается работников, трудящихся лишь в своем отделе. Без возможности взглянуть на процессы «сверху» кладовщик по большей части оказывается один на один с непосредственными задачами, стоящими перед ним в его работе.

Путь складского этнографа

На склад я пришел, не имея никаких предварительных знаний о характере этой работы, и когда в ходе оформления сотрудница отдела кадров сообщила мне, что я распределен на сортировку, для меня это прозвучало, словно фраза на незнакомом языке. В начале первой смены я узнал еще одно подобное слово, означавшее для меня столь же мало, — «инвент». Оказалось, что в этот день сотрудников распределяли заново, и меня вместе с небольшой группой людей определили в отдел инвентаризации.

Полагаю, в каждом относительно длительном наблюдении имеет место одно или несколько событий, имеющих определяющее значение для дальнейшего исследования. В моей работе на складе таким ключевым событием стало сообщение о том, что инвентаризация, на которой я работал, закрыта и мне необходимо искать работу в других отделах.

«Добравшись до этажа и открыв ТСД (терминал сбора данных) для получения задания, я обнаружил, что заданий на этом этаже нет. Озадаченный, я вернулся к столу старших (супервайзеров — А.С.).

— А мне тут пишут, что заданий на 6-м этаже нет.

Старший, сидевший рядом с И., громко сказал:

— Да нигде сейчас заданий нет! Ищи работу в других отделах»
(24.06.2021).

Заккрытие «инвента» произошло почти в самом начале моего наблюдения — во время четвертой смены на складе — и отправило меня в своего рода «свободное плавание» по другим отделам. На протяжении следующих 16 смен я последовательно попробовал себя в ролях раскладчика, сборщика, сортировщика, затем вновь сборщика и, наконец, упаковщика. Формальной процедуры обучения на складе предусмотрено не было, поэтому по большей части я учился этим специализациям самостоятельно. В предельном случае это был полностью автономный процесс, который я осваивал путем проб и ошибок (а также штрафов), в основном же мне добровольно и безвозмездно помогали более опытные знакомые.

Наряду с очевидными различиями в характере работы — движений тела, которые необходимо совершать для успешного выполнения задач, — направления занятости на складе делились на две категории. Сборка и инвентаризация принадлежали к «индивидуальным» направлениям — здесь я работал один, по преимуществу вдали от других сотрудников. Напротив, сортировка и упаковка имеют выражено коллективный характер; здесь работают если не в командах, то в тесном окружении других сотрудников. Таким образом, в зависимости от направления, на котором я работал, возможность активного общения с другими кладовщиками существенно варьировалась. Работая сортировщиком и упаковщиком, я имел возможность наблюдать многочисленные взаимодействия, начиная от регулярной взаимопомощи, заканчивая не менее регулярными конфликтами. Материалы, собранные в период работы на этих направлениях, более насыщены диалогами и описаниями коллективных взаимодействий. Будучи инвентаризатором и сборщиком, я наблюдал в основном за самим собой, поэтому дневники того периода имеют сильную тенденцию к автоэтнографической рефлексии.

Ретроспективно представляется, что автоэтнографическая часть моей работы на складе — наблюдения за собой и рефлексия о своем месте в РЦ — имела ничуть не меньшее значение, чем общение с коллегами и наблюдение за их работой и коммуникацией. Несмотря на противоречивость моего статуса в пространстве РЦ как «скрывающегося чужака», я на равных с остальными кладовщиками проходил сложный и порой весьма нелинейный путь складского рабочего: наряду с другими новичками пытался освоить работу, заработать деньги, не оказаться уволенным¹.

Это обстоятельство с самого начала сообщило моей работе своеобразную двойственность. Как исследователя меня, безусловно, занимала масса вопросов, связанных с работой различных направлений, коммуникацией сотрудников, иерархическими отношениями внутри РЦ. Однако как рядовой работник склада я был озабочен по преимуществу всего несколькими простыми вопросами, существенными для любого кладовщика. Ключевой

---

¹ Вопрос о том, насколько мой складской опыт можно считать «типичным» в контексте данного распределительного центра, я вынужден оставить за скобками, поскольку ответ на него требует существенно большего массива данных, чем тот, которым я располагаю на сегодняшний день. Тем не менее, не будет слишком смелым допущением утверждать, что уникальным мой путь как рабочего на складе не был.

среди них — как заработать больше денег? В попытках найти на него ответ я очень быстро — в течение первых нескольких часов работы — понял, что единственный доступный мне способ заработать больше — работать быстрее. Скорость — абсолютный приоритет в складской работе. По мере того как я нарабатывал навык, мой темп постепенно ускорялся, вместе с этим росло и количество ошибок. Я начал получать первые штрафы. С этого времени к изначальным вопросам о зарплате и скорости добавился и другой: как избежать денежных потерь?

По-видимому, этими же вопросами задавались большинство работников, недавно пришедших на склад. Случайные разговоры в очередях и в курилке неизменно вращались вокруг одних и тех же тем: сколько удалось заработать? хороший ли сегодня тариф? много ли выписали штрафов? В атмосфере разобщенности и атомизации, царившей на складе, разговор о деньгах был, как ни парадоксально, одним из немногих доступных способов ощутить нечто похожее на сопричастность, даже взаимное сочувствие.

«Мужчина лет 40 в очках очень эмоционально говорил, иногда почти переходя на крик.

— 57 товаров собрал, б..., три потеряшки! Это п... просто н..., я так не могу уже! <...>

Я подошел к нему и спросил:

— Прости, я тут подслушал случайно ваш разговор, ты про потеряшки рассказывал. Можешь еще раз объяснить, почему вещи теряются?

Сотрудник на это махнул рукой:

— Ты не обращай на меня внимания. У меня сегодня уже просто шарики за ролики... Три года так работаю.

Я отошел. Через пару минут сотрудник уже сам подошел ко мне и, открыв свой ТСД, показал:

— Вот, смотри. Вот это штрафы (показывая на «минус»), это за последние 5 дней.

— П... !, — сказал я с несколько преувеличенным сочувствием. — У меня тоже за три дня штрафов примерно столько.

— Ну потому что, понимаешь, мы тут не только деньги зарабатывать должны».

По мере совершенствования навыков работы на направлении общие вопросы (как заработать больше и работать быстрее?) дополнялись более сфокусированными и специальными. Знание каких недостающих элементов рабочего процесса позволит мне выполнять работу еще быстрее и, следовательно, зарабатывать больше? Есть ли возможность минимизировать количество штрафов? Если да, каким образом?

Получить ответы на эти вопросы в полной мере мне не удалось — я провел на складе слишком мало времени. Меня нередко преследовало ощущение неопытности, недостаточной квалификации: общаясь с коллегами, я видел, что в среднем они зарабатывают существенно больше меня. Когда я спрашивал

их, как им удастся столько зарабатывать, они чаще всего скупно отвечали: придет с опытом.

«— К., в чем ваш секрет (смеюсь)? Как вы так быстро работаете?
— Да нет никакого секрета (смеется). Просто со временем придет».

Склад как пространство гетероматизации

Наследуя классическому марксизму и неомарксистским теоретикам¹, исследовательский дискурс вокруг работы в логистических центрах e-commerce преимущественно занят обсуждением угнетенного положения современного рабочего в условиях нарастающей сегментации труда [Barnes, Ali, 2021: 1–3], неолиберальной рабочей культуры [Moore, Robinson, 2016: 2774–2779] и прекаризации, сопряженных с аккумуляцией все большего объема данных о сотрудниках — нередко без их эксплицитного на то согласия, а также маячащей где-то на горизонте угрозы полной замены человека машиной [Delfanti, 2021: 39–40]. Не меньшее внимание исследователи складского труда уделяют вопросам легкой заменимости кладовщиков, работающих в условиях перманентного давления в отношении ожидаемых результатов, осознавая, что могут в любой момент быть уволены, и часто не имея каких-либо механизмов защиты своего труда [Loewen, 2018: 701–703].

Рассуждая о развитии машинной техники, К. Маркс («Капитал», глава 13) подчеркивает, что «машинная техника есть средство производства прибавочной ценности», призванная в первую очередь «удешевлять товары... [и] удлинять... часть рабочего дня, которую [рабочий] даром отдает капиталисту» [Маркс, 2015: 332]. Тем самым Маркс не только обращает внимание на возникающую асимметрию в отношениях человека и технологий (разумеется, не в пользу человека), но и в некотором роде предвосхищает повторение этого неравенства в цифровую эпоху.

В самом деле, существуют основания предположить, что реконструированный Марксом процесс вытеснения рабочего на периферию производственного процесса посредством внедрения в производственные процессы машинной техники повторяется на новом витке технологической революции, где к «мертвым механизмам» индустриальных машин теперь добавляются [столь же] «мертвые» алгоритмы, девайсы и интерфейсы. В упомянутой 13-й главе автор «Капитала» посвящает отдельную секцию рассмотрению эволюции машинной техники, подробно показывая, как логика индустриального развития диктует постепенную, но неизбежную трансформацию рабочих из создателей машин в «живые придатки мертвого механизма» [Маркс, 2015: 332–344, 374]. В уже ставшей классической монографии «Тысяча плато» Ж. Делез и Ф. Гваттари

¹ К примеру, канадско-итальянский исследователь А. Делфанти с соавторами для объяснения труда в распределительных центрах Amazon пользуются, наряду с теорией Маркса, концептуальным аппаратом итальянских теоретиков операизма (operaismo) М. Тронти, Р. Алькуати и Р. Панзьеры, постулирующих прямую зависимость капитала от пролетариата [Delfanti, 2021: 40–41].

развивают мысль Маркса и рассуждают о «машинном порабощении» — ситуации, в которой люди становятся «составными деталями машины <...> под контролем и руководством высшего единства» [Делез, Гваттари, 2010: 776].

Метафора рабочего как придатка неживой машины, столь удачно использованная Марксом, отзывается эхом в бесчисленных публикациях, посвященных неолиберальному индустриальному труду¹. В своей статье, посвященной анализу труда в фулфилмент-центрах Amazon, А. Делфанти описывает *modus operandi* кладовщиков, существующих в складском пространстве на правах «отростков» масштабной и исключительно сложной системы механизмов и процессов, управление которой возложено на «алгоритмический менеджмент» [Delfanti, 2021: 44]. В рассказах сотрудников фулфилмент-центров и репортажах журналистов, устроившихся туда с исследовательскими целями, в деталях описывается, как выданные им терминалы сбора данных (ТСД) координировали процессы сборки и сортировки, а также отслеживали не только скорость выполнения задач, но и время, которое рабочие тратили на перемещение между складскими зонами, на обед, общение с коллегами и даже походы в туалет².

Алгоритмический контроль, в свою очередь, поддерживался и цементировался комплексом профилактических мер со стороны уже «человеческого» менеджмента. Супервайзеры регулярно собирали работников на «мотивационные встречи», в ходе которых критиковали их за низкую выработку и призывали работать еще быстрее и больше³. Своего рода апогеем этой «идеологической работы» стал разработанный компанией «Гайд здоровья сотрудника», с гордостью объявлявший рабочих складов «промышленными атлетами» и призывавший их дополнительно работать над своей физической подготовкой для ускорения работы⁴. Неспособность выполнить установленные нормы грозила сотрудникам немедленным увольнением.

Рисуется пугающая картина тотального контроля, где человек, выполняющий обязанности рабочего, сведен к минимально необходимой для работы совокупности физиологических характеристик, которые непрерывно и в реальном времени отслеживаются, измеряются и сравниваются с искусственно установленным стандартом в виде нормы выработки, к достижению которой кладовщик принужден стремиться под страхом увольнения.

¹ Так, наряду с уже упомянутым А. Делфанти Р. Абрамов в своей части настоящей публикации упоминает Ф. Руду, рассуждающего об «анимализации» рабочего с привлечением той же Марксовой метафоры.

² См., в частности, обсуждение скандально известной метрики ‘time off task’, регулирующей и строго ограничивающей время, которое сотрудники тратят на действия, напрямую не связанные с выполнением рабочих задач. Введение этой метрики привело к многочисленным жалобам сотрудников на ухудшение состояния здоровья — как физического (боли в ногах и спине), так и психологического (ощущение непрекращающегося давления). В результате компания выступила с объявлением о «корректировке» данной метрики.

³ Mac G. I Was a Warehouse Wage Slave. Mother Jones. 2012. March/April. URL: <https://www.motherjones.com/politics/2012/02/mac-mcclelland-free-online-shipping-warehouses-labor> (дата обращения: 08.09.2022).

⁴ Sonnemaker T. Amazon «wellness» guide tells workers to buy shoes at the end of their shift to better fit their swollen feet. URL: <https://www.businessinsider.com/amazon-wellness-guide-calls-workers-industrial-athletes-report-2021-6> (дата обращения: 08.09.2022).

Сторонники автоматизации и роботизации промышленности часто апеллируют к тому факту, что, в отличие от человека, робот или алгоритм не совершает ошибок, более предсказуем и контролируем, не подвержен физической и психологической усталости. В рамках этой логики именно человек — с его иррациональностью, непредсказуемостью и контингентностью — является основным препятствием на пути оптимизации рабочих процессов. В этом отношении Amazon также находится в авангарде этих процессов: компания ежегодно вкладывает миллиарды долларов в исследования, разработку и внедрение роботизированных решений и продуктов, основанных на искусственном интеллекте.

Сказанное, однако, вовсе не означает, что логистические центры движутся в сторону отказа от участия людей в «низовых» рабочих процессах. В действительности количество занятых в складском труде остается исключительно высоким и, возможно, даже возрастает. В статье, посвященной заменимости складских рабочих, К. Левен связывает это с трансформациями складского труда, последовавшими за повсеместным внедрением фулфилмент-модели по образцу Amazon. Традиционные складские процессы не предусматривают большого количества взаимодействий с товарами внутри склада. Доставленный в коробках на палетах, этот товар может быть относительно быстро перемещен в зону хранения, а затем обратно в зону отгрузки. Модель фулфилмента, однако, подразумевает существенно больший объем работы с товаром внутри складского пространства. Поступая на склад, товар распаковывается и раскладывается в зонах хранения уже в виде индивидуальных товарных единиц, после чего так же индивидуально собирается и упаковывается¹. Бесперебойная реализация этих промежуточных стадий требует несравнимо больших трудовых ресурсов по сравнению с традиционной моделью распределения и порождает повышенный спрос на низкооплачиваемый складской труд [Loewen, 2018: 702].

Помимократно выросшего спроса на трудовые ресурсы, автоматизация упомянутых процессов затруднена и по сугубо технической причине: не все действия, выполняемые человеком, могут быть автоматизированы. Особенно проблематично в этом отношении движение захвата вещи — легко выполняемое человеческой рукой, но по-прежнему неподвластное машине. Проанализировав 243 патента в сфере управления запасами (inventory management), зарегистрированных Amazon в период с 2015 по 2019 год, А. Делфанти и Б. Фрей приходят к выводу, что в краткосрочной и среднесрочной перспективе компания не планирует отказываться от человеческого труда. В действительности большая часть рассмотренных патентов посвящена разработке модели «человечески расширенной автоматизации» (humanly extended automation) — способов более тесного взаимодействия человека и машины, в котором человеческий работник становится источником сбора данных для обучения машины и объектом максимально всеохватного алгоритмического контроля. Наконец, авторы некоторых патентов прямо признают

¹ К примеру, многие фулфилмент-центры Amazon работают по модели, где товар покидает склад в «готовом» виде и силами субподрядчиков «последней мили» доставляется напрямую заказчику.

экономическую нецелесообразность полной автоматизации [Delfanti, Frey, 2021: 660].

Иными словами, образ складов будущего неотъемлемо связан с различными вариантами сосуществования человека и машины, образуя своего рода гетеромативную (heteromative) модель, в которой человек находится в постоянном взаимодействии с машинами и алгоритмическими системами, но в качестве исполнителя и объекта менеджериального контроля [Ekbia, Nardi, 2018: 365].

Похожим образом в моем складском опыте рабочий оказывается в субординированном положении по отношению к алгоритмам, которые в значительной степени управляют его действиями. Центральным и одновременно связующим элементом в этом ассамбляже человека и алгоритма является терминал сбора данных (ТСД). Выступая материальным выражением алгоритмических систем склада, ТСД инструктирует, отправляет команды, регулирует объем рабочих задач и даже «блокирует» работника при существенном отклонении его результатов от установленной нормы. Таким образом, рабочий оказывается в состоянии жесткой встроенности в производственный процесс, последовательность действий внутри которого задается извне, и даже малейшее отклонение от нее не предусматривается.

«Догадавшись, что теперь мне необходимо скинуть вещи, я бросил тетради в гофру (тележку — А.С.) и нажал кнопку “Выйти из сборки”. На экране появилась команда “Отсканируйте QR-код выхода из ТСД”. Такая же команда, как я помнил, появляется, когда сотрудники сдают ТСД на хаб.

— А что, после окончания сборки всегда надо сдавать ТСД?

— Нет, тебе надо нажать “Продолжить собирать”.

— А если, например, я не хочу продолжать, а хочу пообедать и на инвент встать?

Один из сотрудников подумал и сказал:

— А что, у тебя волна еще не закончилась? Тебе надо волну до конца пройти, иначе не получится» (01.07.2021).

В частности, процесс сборки проходит «волнами» — сборщику необходимо пройти один ряд стеллажей и собрать с него столько вещей, сколько указано в сборочном листе в ТСД. Поскольку доход сборщика зависит исключительно от количества собранных им вещей, то и «длина» волны — количество товаров, предусмотренных для сборки с ряда, непосредственно определяет, сколько денег он сможет заработать, выполнив эту задачу. В такой ситуации работник склада оказывается в заложниках алгоритма, диктующего объем необходимой для выполнения работы.

Не в меньшей степени объектом алгоритмического контроля становится и качество работы сборщика, которое измеряется негативно: количеством ненайденных им вещей. Так, если рабочий неспособен найти требуемый

товар, ему начисляется штраф за «потерю», вычитающийся из его выработки. Вне зависимости от объема работы сборщика количество таких «потерь» в течение одной смены не может превышать некоторое критическое значение. В противном случае он автоматически блокируется системой и теряет доступ к функционалу ТСД — своего рода дисквалификация, в результате которой сборщик оказывается полностью отрезан от рабочего процесса.

«Волна продолжалась очень долго — почти 3,5 часа. К ее концу я потерял еще два товара (один — банное полотенце, другой не запомнил) и уже был морально готов к тому, что буду заблокирован. Так и вышло...» (26.07.2021)

В этом случае работник вынужден обратиться к супервайзеру, который уполномочен принять решение о разблокировке. После одной из таких блокировок за превышение «квоты» потерь я имел довольно неприятный разговор с супервайзером, обвинившим меня в низкой выработке и большом количестве штрафов:

«— Почему выработка такая слабая?

Я пожал плечами. Мужчина продолжал смотреть мои показатели в профиле. На странице было указано, сколько я заработал во время каждой смены, в каком отделе работал и когда эти смены состоялись.

— И посещаемость у вас так себе... <...> Так, пишу «С выработкой справиться».

Наставительно и как бы примирительно сказал он:

— Исправляйтесь, выработку и посещаемость надо поднимать» (26.07.2021).

В своей части настоящего материала Р. Абрамов пронизательно замечает, что терминал сбора данных (ТСД), пожалуй, имеет более высокий статус, чем его пользователь-рабочий. В самом деле, от возможных злоключений в виде поломки или кражи его оберегает система штрафов и разного рода запретов, его батареи снабжаются регулярным питанием, а сам он хранится в уютных ячейках (некоторые даже закрываются электронным замком). Рабочие же вынуждены — в зависимости от направления работы — ежедневно проходить в стертой обуви километры стеллажей и десятки лестничных пролетов, сотни раз сгибаться и разгибаться, часами сидеть на холодном полу или, наоборот, стоять на одном месте, поднимать и перетаскивать сотни, а то и тысячи тяжелых коробок и стирать до потери чувствительности кожу на пальцах от постоянного контакта с грубым картоном и скотчем¹. Некоторые опытные кладовщики, с которыми мне удалось пообщаться, рассказывали, как спустя

¹ Ситуацию физических нагрузок рядового складского рабочего можно сравнить с положением работников фулфилмент-центров Amazon: многие сборщики и раскладчики жалуются на хронические боли в спине и ногах и появление туннельного синдрома.

несколько лет работы на сборке были вынуждены перейти на другое направление по состоянию здоровья¹.

«Я везде поработал. Два с половиной года работал на сборке, потом ушел, просто уже ноги болят, физически перестал справляться» (24.06.2021).

Некоторые из моих информантов, в том числе имевших за спиной уже несколько месяцев или год опыта, признавались, что время от времени условия работы на складе — жесткий контроль, нестабильность заработка, непрекращающиеся штрафы — порождают ощущение невыносимости:

«— Да разве это работа? — сказала К., — это так...

— Что ты имеешь в виду?

— Понимаешь, мы ведь уже четвертый раз с мужем приезжаем, уезжаем и приезжаем... И это не то чтобы у нас там проблемы какие-то. Просто иногда так уже все (показывает на горло), что видеть уже ничего не хочешь... Тут ведь сам видишь: никто ничему не учит, каждый сам за себя, могут уволить в любой момент. Так что какая это работа, это не работа, это лотерея, как карты лягут... На технику безопасности все кладут...» (30.07.2021)

«Базарная экономика» склада

Однако труд на складе отнюдь не исчерпывается прекарностью и диктатом цифровых алгоритмов. Наряду с ними на складе парадоксально уживается совершенно иная реальность, которая, кажется, существует одновременно и вопреки им, и со всеобщего молчаливого согласия. Это реальность своего рода параллельного рынка, где действуют особые, отличные от «официальных», квазирыночные правила и нормы.

Объектом этих отношений могут быть либо «тонкости», либо «работа». Под «тонкостями» я имею в виду факты и сведения, не являющиеся общеизвестными, а порой держащиеся в строгой тайне. Подобно базару К. Гирца, склад — это место, где «информация скудна, недостаточна, плохо распределена, передается неэффективно и ценится очень высоко» [Гирц, 2009: 56]. Это касается и формальных, и неформальных правил, и поэтому информация о неявных или скрытых практиках — «тонкостях» — может цениться и одновременно разглашаться лишь ограниченному кругу людей².

¹ Вопрос о мотивах рабочих заниматься столь тяжелым и вредным для здоровья трудом я по необходимости оставляю за скобками — очевидно, его исследование требует существенно более длительного и глубокого погружения в исследовательский материал. На полях отмечу лишь несколько мотивов, изложенных некоторыми моими информантами: желание жить в большом городе с развитой инфраструктурой, погашение долгов, обеспечение семьи и выплата ипотеки.

² Это не исключает того, что «тонкости» могут познаваться и в результате самостоятельного обучения, путем проб и ошибок. К примеру, работая на сборке, я обучился одной из них путем экспериментирования — нашел лазейку в правилах сканирования вещей, которая в некоторых случаях позволяла мне избегать штрафа за «потерянную» вещь.

«Работа» на складе — ограниченный ресурс в виде товаров, за обработку которых конкурируют рядовые рабочие отдельных направлений¹. «Работа» может быть «хорошей» и «плохой». Является ли она «хорошей» или «плохой», может определяться по трем критериям, берущимся в расчет в различных комбинациях в зависимости от направления: 1) тариф на сканирование данного товара, 2) количество товара в «работе», 3) оценка скорости обработки «работы».

Кейс 1. Упаковка

«Хорошей работой» для упаковщика считается тележка с товарами небольшого размера, которые можно быстро упаковать, и/или товарами с высокой стоимостью сканирования. Опытный упаковщик знает приблизительную стоимость товара наизусть и не имеет потребности сверяться с тарифами, указанными в ТСД. Он способен ситуативно, «на глаз» оценить соотношение цены и скорости обработки товара и быстро решить, хорошая это «работа» или не очень. Рассматривая поступившие от грузчика тележки с товарами, упаковщики временами разыгрывают своего рода спектакль: демонстративно отказываются от тележек с плохой «работой», пытаются убедить взять ее своих коллег. Нередко во время таких коллективных спектаклей происходят ожесточенные конфликты за лучшую «работу».

Рассматривая экономику марокканского базара, Гирц описывает, как «базаари» выстраивают друг с другом клиентские отношения, совершая повторяющиеся транзакции и аккумулируя доверие [Гирц, 2009: 58]. Похожим образом действуют некоторые упаковщики, заранее договариваясь со знакомыми коллегами с сортировки об обмене «работой»: сортировщик привозит тележку с «хорошей работой», упаковщик быстро упаковывает товары и отдает тележку с упакованными вещами обратно сортировщику. Отдельные упаковщики работают в постоянной связке с конкретным сортировщиком. Нередко это друг или даже член семьи: участники этой «клиентелы» заранее договариваются о работе на смежных направлениях, где могут помогать друг другу. Созвездия таких маленьких сетей пронизывают всю зону упаковки, несмотря на то что «официально» подобные обмены, по словам информантов, запрещены.

Работая на упаковке, я быстро включился в эту сеть отношений, договариваясь с сортировщиками об обмене «работой»². Временами это приводило к своего рода конфликтам интересов между сортировщиками, претендовавшими на мой упакованный товар:

*«Когда товары были упакованы, подошел сортировщик, стоявший рядом с Т., когда тот дал мне гофру (тележку — А.С.).
— Я возьму?»*

¹ Такого рода конкуренцию я наблюдал на раскладке и упаковке, однако некоторые информанты упоминали о ее существовании и на сортировке.

² В основном мне попадалась средняя или плохая «работа» — тяжелые товары, на упаковку которых тратилось больше времени.

— Слушай, я уже договорился с одной сортировщицей.
Я замялся. На лице сортировщика отразилось неудовольствие и недоумение:
— Я ж тебе гофру принес.
Подошел Т. и со свойственной ему скромной и спокойной интонацией сказал мне:
— Отдай ему, отдай.
Я извинился за недоразумение и отдал товар. Когда снова подошла Л., ящик был почти пуст.
— Ты товар кому-то отдал, что ли? — Спросила она.
— Да, пришлось, мне там гофру подкатили... — Мне было очень неловко.
— Ты товары никому больше не отдавай. Мы с тобой работаем вместе, так что товары отдавай только мне. Сказала Л. не агрессивно, а скорее наставительно» (26.07.2021).

Кейс 2. Раскладка

«Работа» на раскладке представляет собой необработанные палеты с коробками, недавно прошедшие процесс приемки. Для того чтобы начать обрабатывать эти коробки, необходимо, чтобы грузчик предварительно доставил их в зону раскладки. Иными словами, в получении любой «работы» раскладчики напрямую зависят от того, доставит ее грузчик или нет.

Хорошей «работой» на раскладке считается палета, составленная из большого количества коробок. В идеале эти коробки также содержат товары небольшого веса — так их физически проще раскладывать по стеллажам. Чем больше коробок на палете, тем больше раскладчик сможет обработать товара — соответственно, тем лучше «работа». Наилучшую «работу» получают раскладчики, договорившиеся с грузчиком о доставке «хороших» палет в их зону.

«Я оставил свой ТСД рядом с ТСД П., и мы втроем отправились курить. Пока мы шли, я спросил:
— А много сканишь (сканируешь — прим. А.С.) за день?
— Когда как. Иногда весь день работы нет, а потом к вечеру появляются свободные палеты, и за часа три коробок 200 можно разложить. Я в день ну N¹ тысяч делаю. Можно и больше сделать. (Понизив голос) Ну и есть **свои люди**, которые **со старшими хорошо общаются** — ну это ты, наверное, и сам уже понял» (24.06.2021).

Сотрудники, имеющие более или менее устойчивую сеть знакомств и связей, находятся в привилегированном положении по отношению к тем, кто

¹ Здесь и далее сумма заработка заменена условным обозначением по соображениям конфиденциальности.

таких знакомств не имеет. Общаясь с «правильными людьми», в том числе «старшими» (супервайзерами), они получают доступ к «тонкостям», которые для остальных остаются недоступными.

К примеру, во время работы на сборке я случайно познакомился с сортировщиком, который рассказал мне, что на складе можно ходить не в форменных неудобных ботинках, а в своих:

«— Но мне посоветовали купить демиксы — кроссы такие черные — я купил, теперь хожу в них, больше ноги не болят.

— О, ничего себе! А так можно, значит?

— Да, ты купи себе демиксы черные» (09.07.2021).

Разговорившись с ним, я узнал, что он «хорошо общается» с супервайзером сортировки А. и тот ему помогает:

«Я с одним старшим хорошо заобщался, зовут Б. (показывает экран, где пишет ему в мессенджере), вот я ему написал по поводу этой вакцинации, он сказал, что попробует помочь, но не получилось у него по ходу. Иначе я бы тут не стоял. Вообще Б. отличный чел, ты с ним общайся — ну так, привет-пока — он тебе поможет, если что» (09.07.2021).

Через несколько дней я, воспользовавшись советом сортировщика, подошел в похожих кроссовках на охрану, но меня не пропустили за отсутствием письменного разрешения супервайзера.

Кроссовки — один из наиболее безобидных примеров небольших привилегий, получаемых в результате знания «закрытой» информации и включенности в сеть «влиятельных» знакомых. Наиболее значимые «тонкости» на складе, ведущие к получению реального преимущества в среде конкурирующих коллег, никогда открыто не разглашаются — но сотрудники намекают на то, что они есть:

«— Ну, у нас тоже, конечно, свои люди есть, они получают работку получше. На инвенте, кстати, тоже есть свой криминал.

— А че это за криминал?

— Ну, я лучше умолчу, не хочу тебя вводить в заблуждение (sic., вероятно, он имел в виду “направить на ложный путь”). Там кто со старшими хорошо общается, тоже знают кое-какие пути, поколдовать с ТСД. Он же на Склад.ОС¹, ну, ты понимаешь (многозначительно улыбается).

— Типа каким-то образом сканов (сканирований — А.С.) больше сделать?

— Ну типа того...» (01.07.2021)

¹ Название операционной системы изменено в целях соблюдения конфиденциальности.

В ином случае более опытные коллеги или супервайзеры могут намекать на существование «тонкостей» в работе — к примеру, помогающих быстрее и эффективнее находить вещи:

«— А за сколько потеряшек блокируют?

— А тебе не объясняли? За N потеряшек.

— Ну как, я вообще сам сборке научился... Я в день работаю, меня старший отказался учить, так что мне там кое-что показал один знакомый, а в остальном сам осваивал.

— Ну ты знаешь, как искать? По коробкам, по баркодам, там много тонкостей» (18.06.2021).

И, напротив, неопытным рабочим могут отказать, в том числе в обучении направлению:

«— Я с инвента, у нас работы нет, сказали искать работу в других отделах. Хотел бы сборке научиться, подскажите, как мне это сделать? Старший полсекунды помолчал и сказал, как мне показалось, несколько пассивно агрессивно.

— А какой смысл?

— Ну, работу ищу...

— Ну вы умеете собирать-то?

— Нет, не умею.

— Ну вот и я о чем, какой смысл тогда...» (25.06.2021)

Искусство экономии и баланса

В своей работе, посвященной мастерству фабричных работниц, Ольга Пинчук рассуждает о том, как ее коллеги по цеху овладевали мастерством «совладания» с изношенным заводским оборудованием. Опираясь на концепцию 'taskscare' Т. Ингольда, она показывает, как возможно «реконцептуализировать наемный труд, встроив его в более широкие рамки жизнедеятельности человека в непрерывном взаимодействии с другими людьми и со средой» [Пинчук, 2022: 80]. Вопреки представлению Маркса о монотонном труде «живых отростков» механизмов, реальность производства конфет на фабрике постоянно предлагает работницам нестандартные задачи, требующие от них проявления находчивости и творческого подхода. «Справляясь» с неритмичным оборудованием, работницы фабрики регулярно переизобретают собственные навыки, откликаясь на специфические вызовы, которые бросает им неисправное оборудование.

На первый взгляд, в работе рядового кладовщика нет ничего особенного: большая ее часть составляет технически простую и весьма монотонную работу, которая, в отличие от оператора заводского оборудования, не требует какой-либо существенной подготовки или квалификации. Мой опыт, однако,

подсказывает, что работа на складе представляет собой сложный комплекс знаний и навыков (как телесных, так и когнитивных), который можно иначе назвать искусством. Это легко продемонстрировать на примере работы сборщика.

На бумаге задача сборщика очень проста: с тележкой и ТСД он должен подняться на мезонин и затем, в точности следуя указаниям терминала, проходить по ряду, находить в указанных местах хранения требуемые вещи, сканировать их и кидать в тележку. Работа, быть может, физически трудная, но вряд ли требующая от ее исполнителя какого-либо творчества.

Итак, сборщик поднимается со своей тележкой на назначенный ему ряд и начинает искать вещи. Его волна составляет 121 вещь, в ходе поиска которых он пройдет порядка 112 стеллажей по всей длине ряда. Собрав три вещи из 112, он подходит к следующему месту хранения, указанному в ТСД. Терминал сообщает ему, что искомая коробка под номером 42113 находится на пятом ярусе стеллажа, из нее он должен достать и отсканировать пачку конвертов. Внимательно осмотрев стеллаж, он понимает, что коробки под таким номером на этом ярусе нет. Осмотрев весь стеллаж, он находит коробку 42113 в нагромождении пустых коробок, лежащих на полу — нередко другие сборщики кидают пустые коробки на пол, а ответственный за уборку их не убирает. Коробка 42113 тоже пуста.

В этой ситуации инструкция по поиску вещи предписывает сборщику поискать внимательнее, затем посмотреть соседние стеллажи. Если вещь все еще не найдена, предлагается история раскладки — по ней можно восстановить последовательность мест хранения, в которые раскладчик мог положить искомый товар. Если и это не помогает, можно спуститься вниз и запросить дополнительную информацию о вещи у супервайзера.

Сборщик испробовал все эти методы, но так и не нашел товар — скорее всего, его собрали еще давно, но не провели инвентаризацию, и система учета считает, что он еще хранится в РЦ. На первый взгляд, единственным выходом в этой ситуации будет получить штраф за «потерянную» вещь. Однако сборщик вспоминает, что может попробовать способ, не указанный в инструкциях. Он снова подходит к коробке 42113 и внимательно ее рассматривает. Это оказывается небольшая коробка, штрих-код с обозначением на ней старого образца и уже немного выцвел. Сборщик понимает, что ему нужно поискать рядом коробки с такими же старыми штрих-кодами, начинающиеся на 42... Если 42113 оказалась пуста, возможно, такая же продукция найдется в коробках с близким номером — 42110, 42111, 42112 и т.п. На одном из соседних стеллажей он действительно находит коробки 42110 и 42112, и в последней еще лежит пара конвертов. Вопреки несработавшим инструкциям вещь найдена.

В реальной ситуации опытные сборщики, скорее всего, не стали бы даже тратить время на прохождение пунктов инструкции, сразу перейдя к поиску по коробке, ее внешнему виду, номеру баркода... Еще более опытные рабочие, вероятно, лишь увидев тип товара, могли бы приблизительно представить, в какой части склада, на каких рядах его имеет смысл искать, а на каких нет.

Другой пример, в котором навык и знание «тонкостей» становятся ключевыми для успешной работы, — упаковка товаров. Работа упаковщика, на первый взгляд, также монотонна, не требует никаких специальных навыков. Стоя перед монитором, показывающим указания, в какой материал (пакет или коробку) необходимо упаковать вещь, рабочий весь день занимается тем, что упаковывает различные вещи по инструкции.

Я попытался работать по инструкции на протяжении своей первой смены в отделе упаковки. В среднем упаковка одной вещи у меня занимала приблизительно минуту — в то время как у опытных коллег вокруг такой же процесс занимал от силы 5 секунд. Это означало, что за одну смену они обработают в разы больше товаров, чем я, и заработают в разы больше денег.

Проработав пару смен и пользуясь подсказками коллег, я научился упаковывать быстрее: тратить как можно меньше времени и сил на каждый упаковочный цикл, быстро формировать коробку и спаивать пакеты. Со временем стало ясно, что на деле упаковщики вовсе не пользуются инструкцией, поскольку ее указания слишком замедляют процесс. Опытные упаковщицы всегда упаковывают «на глаз», ситуативно и быстро решая, какой способ упаковки будет быстрее и не приведет к штрафу. С. регулярно давала мне советы по упаковке. Когда она видела, что я упаковываю небольшую вещь в коробку, говорила:

— Не надо ее в коробку, только время на это тратишь. Просто положи в пакет.

Крупную химию С. советовала класть и в пакет, и в коробку:

— Такие бутылки всегда протекают. Обязательно сначала клади в пакет, чтобы коробка не протекла, иначе получишь штраф» (29.07.2021)

Искусство кладовщика похоже на мастерство работниц фабрики в том, что само по себе является «приспособлением к среде» [Пинчук, 2022: 80–84]. Вопреки наличию «официальных» инструкций, этот процесс требует особого know-how, позволяющего находить решения проблем, возникновение которых авторами инструкций вовсе не предусматривалось. Само по себе это «закрытое» знание: его возможно либо наработать самостоятельно в результате длительных экспериментов, либо получить от знакомых коллег, готовых это знание передать.

Наряду с этим особым знанием искусство складского работника включает в себя особого рода технику. Совершенствуя эту технику, кладовщик учится отсекал лишнее, срезать углы, игнорировать несущественное (в том числе несущественные для его дохода правила). Собирая товары, сборщик ежедневно тренируется в том, чтобы максимально быстро находить и забирать их; сотрудник упаковки наряду с совершенствованием своих навыков мелкой моторики постепенно учится тому, какие правила можно проигнорировать ради скорости, а какие нет. Подобные знания и техники присутствуют на каждом направлении, и, вопреки кажущейся «примитивности» складской работы, их освоение занимает недели, а порой и месяцы ежедневных тренировок.

В некотором смысле кладовщики ежедневно повышают собственную квалификацию — лишь с тем отличием, что этот процесс не институционализирован и единственным вознаграждением за этот труд для рабочих становится возможность в будущем заработать больше денег.

Заключение

Увиденная мной реальность складского комплекса является результатом тесного переплетения конфликтующих норм и практик, которые, однако, поразительным образом сосуществуют. Система управления персоналом на складе подразумевает наличие жестких регламентов и процедур, малейшее отклонение от которых недопустимо и чревато санкциями разной степени жесткости (от штрафов до блокировки и увольнения). Номинально «зажатый» в тисках этой намеренно ригидной регламентации, кладовщик в своей ежедневной работе не только имеет дело с вызовами, не предусмотренными этой системой, но и находит способы ее обхода, избегания или попросту игнорирования. Наряду с жестким цифровым контролем, уязвимостью рабочих перед работодателем, дегуманизацией и анонимизацией труда, на складе процветают неформальные связи, партнерства, взаимопомощь и сотрудничество работников.

Эти «полюсы» складской жизни находятся в настолько тесной сцепке друг с другом, что их трудно разделить. Один и тот же сборщик может одновременно обманывать систему учета в одном месте — и получить большой штраф в другом. Одна и та же упаковщица может жаловаться на чувство отчужденности и низкую зарплату — и одновременно получать от знакомого сборщика хорошую «работу». Не будучи самоценным, искусство низового рабочего склада не является в полной мере «мастерством». Так же как не является оно и «борьбой рабочего против машины» [Маркс, 2015: 377]. В большей степени это навык балансирования и лавирования между противоречивыми сигналами складской жизни и способность эффективно адаптироваться, при необходимости переизобретая собственные навыки и складскую идентичность.

Литература

Гирц К. Базарная экономика: информация и поиск в крестьянском маркетинге // Экономическая социология. 2009. Т. 10. № 2. С. 54–61. EDN: OYNYFT

Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / Под ред. В. Ю. Кузнецов. М.: Астрель, 2010. EDN: QWYARF

Картавцев В. В. Быстрая этнография (REAPFQI+): к прагматике полевых обследований // Социология власти. 2021. Т. 33. № 3. С. 52–77. DOI: <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2021-3-52-77>. EDN: NPDSOW

Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Процесс производства капитала / Под ред. В. Я. Чеховский. М.: Политическая энциклопедия, 2015.

Пинчук О. В. Сбои и поломки: этнографическое исследование труда фабричных рабочих. М.: Common Place, 2021.

Пинчук О. В. Мастерство в труде: «ориентация на задачи» и «совладание» с изношенным оборудованием на Подмосковной конфетной фабрике Iriski // Антропологический форум. 2022. № 54. С. 68–92.

Barnes T., Ali J. Articulations of workplace precarity: Challenging the politics of segmentation in warehouse logistics // Sociological Review. 2021. P. 1–18. DOI: <https://doi.org/10.1177/00380261211059918>

Delfanti A. Machinic Dispossession and Augmented Despotism: Digital Work in an Amazon Warehouse // New Media Soc. 2021. Vol. 23. № 1. P. 39–55. DOI: <https://doi.org/10.1177/1461444819891613>

Delfanti A., Frey B. Humanly Extended Automation or the Future of Work Seen through Amazon Patents // Science, Technology & Human. Values. 2021. Vol. 46. № 3. P. 655–682. DOI: <https://doi.org/10.1177/0162243920943665>

Ekbia H. R., Nardi B. A. From Form to Content // Cultural Anthropology. 2018. Vol. 33. № 3. P. 360–367. DOI: <https://doi.org/10.14506/CA33.3.02>

Loewen K. Reproducing Disposability: Unsettled Labor Strategies in the Construction of E-commerce Markets // Environ. Plan. Soc. Space. 2018. Vol. 36. № 4. С. 701–718. DOI: <https://doi.org/10.1177/0263775818770453>

Massimo F. S. Algorithmic Bureaucracies. Limits and Strategies of Digital Rationalization in Two Amazon Distribution Centers // Etnografia E Ric. Qual. 2020. № 1. С. 53–78.

Moore P., Robinson A. The Quantified Self: What Counts in the Neoliberal Workplace // New Media Soc. 2016. Vol. 18. № 11. С. 2774–2792. DOI: <https://doi.org/10.1177/1461444815604328>

Puentes J. Invisible Labor: Hidden Work in the Contemporary World // Contemporary Sociology. 2018. Vol. 47. № 2. P. 166. DOI: <http://dx.doi.org/10.1177/0094306118755396e>

Zhang D., Pee L. G., Cui L. Artificial Intelligence in E-commerce Fulfillment: A Case Study of Resource Orchestration at Alibaba's Smart Warehouse // International Journal of Information Management. 2021. Vol. 57. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.ijinfomgt.2020.102304>

Zhang L. When Platform Capitalism Meets Petty Capitalism in China: Alibaba and an Integrated Approach to Platformization // International Journal of Communications. 2020. Vol. 14. P. 114–134.

Сведения об авторе:

Старовойтенко Андрей Дмитриевич — младший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН; аспирант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия. **Email:** astarovojtenko@hse.ru. **РИНЦ Author ID:** 1138517; **ORCID ID:** 0000-0002-1225-1822; **ResearcherID:** AAD-1839-2021.

Статья поступила в редакцию: 03.08.2022

Принята к публикации: 09.09.2022

(De)subjectivation of Workers in the Marketplace's Warehouse Space: Digital Dictate or an Industrial "Bazaar"?

DOI: 10.19181/inter.2022.14.3.3

Andrey D. Starovoytenko *Institute of Sociology FCTAS RAS, Moscow, Russia;*
HSE University, Moscow, Russia
Email: astarovojtenko@hse.ru

Despite the enormous amounts of human resources engaged in warehousing, warehouse labor remains virtually invisible to the public, both among consumers and in the academia. A lot of research is dedicated to the transformation of labor relations within platform economy, including precarity and "uberization" of labor, as well as digital technology-mediated surveillance and control over employees during working hours. At the other "pole" are numerous studies on the informal ("garage") economy.

This article is based on a 1.5-month ethnography I conducted in 2021 in the warehousing complex of a large Russian marketplace. Combining neo-Marxist conceptual apparatus with C. Geertz's notion of "bazaar economy", I attempt to show a complex, at times conflicting relation between formal and informal components of the warehouse labor. The former are associated with various forms of digitally mediated control, ranging from access to warehousing facilities to regulating the workers' daily output and financial compensation. The latter emerge as a complex constellation of informal practices and are based upon "known ignorances" [Geertz, 1978: 29] as workers regulate each other's access to scarce resources ("work") and information ("details").

Keywords: warehouse labor; platform economy; digital capitalism; informal economy; bazaar economics; ethnography of labor

References

- Barnes T., Ali J. (2021) Articulations of Workplace Precarity: Challenging the Politics of Segmentation in Warehouse Logistics. *Sociological Review*. P. 1–18. DOI: <https://doi.org/10.1177/00380261211059918>
- Deleuze G., Guattari F. (2010) *Tsyacha plato: Kapitalizm i shizofreniya* [A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia]. Ed. by V. Kuznetsov. M.: Astrel'. (In Russ.)
- Delfanti A. (2021) Machinic Dispossession and Augmented Despotism: Digital Work in an Amazon Warehouse. *New Media and Society*. Vol. 23. No. 1. P. 39–55. DOI: <https://doi.org/10.1177/1461444819891613>
- Delfanti A., Frey B. (2021) Humanly Extended Automation or the Future of Work Seen through Amazon Patents. *Science, Technology & Human Values*. Vol. 46. No. 3. P. 655–682. DOI: <https://doi.org/10.1177/0162243920943665>
- Ekbia H. R., Nardi B. A. (2018) From Form to Content. *Cultural Anthropology*. Vol. 33. No. 3. P. 360–367. DOI: <https://doi.org/10.14506/CA33.3.02>
- Geertz C. (1978). The Bazaar Economy: Information and Search in Peasant Marketing. *The American Economic Review*. Vol. 68. No. 2. P. 28–32. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780429494338-8>
- Kartavtsev V.V. (2021) Bystraya etnografiya (REAPFQI+): k pragmatike polevyx obsledovaniy [Rapid Ethnography (REAPFQI+): Toward the Pragmatics of Social Surveys]. *Sociologiya vlasti* [Sociology of Power]. Vol. 33. No. 3. P. 52–77. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2021-3-52-77>

Loewen K. (2018) Reproducing Disposability: Unsettled Labor Strategies in the Construction of E-commerce Markets. *Environ. Plan. Soc. Space*. Vol. 36. No. 4. P. 701–718. DOI: <https://doi.org/10.1177/0263775818770453>

Marx K. (2015) *Kapital. Kritika politicheskoj e`konomii. Process proizvodstva kapitala* [Capital. A Critique of Political Economy. The Process of Production of Capital]. Ed. by V. Chekhovski. Moscow: Political Encyclopedia. Vol. 1. (In Russ.)

Massimo F.S. (2020) Algorithmic Bureaucracies. Limits and Strategies of Digital Rationalization in two Amazon Distribution Centers. *Etnografia e Ricerca Qualitativa*. No. 1. P. 53–78.

Moore P., Robinson A. (2016) The Quantified Self: What Counts in the Neoliberal Workplace. *New Media and Society*. Vol. 18. No. 11. P. 2774–2792. DOI: <https://doi.org/10.1177/1461444815604328>

Pinchuk O.V. (2021) *Sboi i polomki: etnograficheskoe issledovanie truda fabrichnyh rabochikh* [Failures and Breakdowns: An Ethnographic Research of Factory Workers' Labour]. Moscow: Common Place. (In Russ.)

Pinchuk O.V. (2022) Masterstvo v trude: "orientaciya na zadachi" i "sovladanie" s iznoshenym oborudovaniem na Podmoskovnoj konfetnoj fabrike Iriski [Workmanship: "Task Orientation" and "Coping" with Worn-out Equipment at the Iriski Candy Factory]. *Antropologicheskij forum* [Anthropological Forum]. No. 54. P. 68–92. (In Russ.)

Puentes J. (2018) Invisible Labor: Hidden Work in the Contemporary World. *Contemporary Sociology*. Vol. 47. No. 2. P. 166. DOI: <http://dx.doi.org/10.1177/0094306118755396e>

Zhang D., Pee L.G., Cui L. (2021) Artificial Intelligence in E-commerce Fulfillment: A Case Study of Resource Orchestration at Alibaba's Smart Warehouse. *International Journal of Information Management*. Vol. 57. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.ijinfomgt.2020.102304>

Zhang L. (2020) When Platform Capitalism Meets Petty Capitalism in China: Alibaba and an Integrated Approach to Platformization. *International Journal of Communications*. Vol. 14. P. 114–134.

Author bio:

Andrey D. Starovoytenko — Junior Researcher, Institute of Sociology FCTAS RAS; Graduate student, HSE University, Moscow, Russia. **Email:** astarovojtenko@hse.ru.

RSCI Author ID: 1138517; **ORCID ID:** 0000-0002-1225-1822; **ResearcherId:** AAD-1839-2021.

Received: 03.08.2022

Accepted: 09.09.2022

DOI: 10.19181/inter.2022.14.3.4

EDN: ACEDYA

«Партизанщина» на позднесоветском заводе через призму драматической социологии Андрея Алексева¹

Ссылка для цитирования:

Пинчук О.В. «Партизанщина» на позднесоветском заводе через призму драматической социологии
Андрея Алексева // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2022. Т. 14. № 3. С. 78–97.
DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2022.14.3.4>. EDN: ACEDYA

For citation:

Pinchuk O.V. (2022) "Partisanship" at the Late Soviet Factory through the Prism of Andrey Alekseev's
Dramatic Sociology. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 14. No. 3. P. 78–97. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2022.14.3.4>

Пинчук Ольга Владимировна

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия
E-mail: opinchuk@hse.ru

В статье предпринимается попытка анализа неформальных практик на позднесоветском заводе через призму заводского этнографического проекта советского социолога Андрея Алексева, который в 1980-х годах работал в цехе завода «Ленполиграфмаш». С опорой на опубликованные в результате исследовательского проекта материалы поднимается ряд вопросов: чем примечателен опыт социолога Андрея Алексева и как исследование методом включенного наблюдения помогает изучать организацию труда на советском заводе? Можно ли говорить, что неформальные практики в труде рабочих были направлены только на «ускользание» от контроля заводской администрации, а автономия на рабочем месте служила исключительно удовлетворению личных потребностей? В фокусе статьи — неформальная практика, которую

¹ Статья подготовлена в рамках аспирантского проекта «Организация рабочего времени на промышленных предприятиях Ленинграда в 1980-е гг.» под научным руководством Николая Ссорина-Чайкова в Департаменте истории НИУ ВШЭ (СПб); проект поддержан в 2020 году РФФИ (№ 20-39-90029) в рамках конкурса среди аспирантов на лучшие проекты фундаментальных научных исследований.

рабочие цеха называли «партизанщиной» — неофициальное производство деталей, используемых в дальнейшем не для личных целей, а для нужд производства. Утверждается, что, во-первых, вопреки убеждению исследователей советского труда, возможность рабочих действовать за пределами поля зрения администрации могла быть направлена не только на отлынивание и уклонение от работы, но и на выстраивание новых способов организации труда, направленных в том числе на управление плановыми коллективными обязательствами; во-вторых, сам исследовательский проект Алексева становится «партизанским», поскольку, с одной стороны, позволил исследовать и детально запечатлеть неформальную жизнь цеха советского предприятия 1980-х годов, с другой — стал альтернативным способом исследования советского общества, методологической и эмпирической инициативой, изобретением и вкладом в историю советской заводской социологии.

Ключевые слова: советский труд; заводская этнография; советская социология; организация труда; включенное наблюдение

Благодарности:

Мне хотелось бы выразить благодарность Николаю Ссорину-Чайкову (НИУ ВШЭ), Олегу Журавлеву (PS Lab), Дарье Лупенко (PS Lab), Виолетте Александровой (PS Lab), Елене Кочетковой (НИУ ВШЭ), Татьяне Борисовой (НИУ ВШЭ), Алексею Бойко (НИУ ВШЭ), Евгении Платоновой (НИУ ВШЭ), а также Анне Комаровой за внимательное прочтение статьи, ценные советы и комментарии. Отдельная благодарность Ирине Тартаковской за идею тематического номера и за приглашение к участию.

Неформальные практики на заводе и в академии

Данная статья посвящена двум сюжетам: во-первых, уникальному и единственному в своем роде опыту этнографического изучения труда советским социологом¹, во-вторых, особенностям организации труда на промышленном производстве в начале 1980-х годов с акцентом на неформальные практики цеховых рабочих.

Социолог Андрей Николаевич Алексеев, будучи кандидатом философских наук, старшим научным сотрудником Института социально-экономических проблем Академии наук СССР (ИСЭП АН), в 1980-х годах в течение восьми лет трудился на рабочей специальности на промышленном предприятии Ленинграда, первые два года сохраняя совместительство с институтом. Все

¹ Под «этнографическим изучением труда» я подразумеваю методологические особенности исследовательской работы, сформировавшиеся в дисциплинарных рамках социальной и культурной антропологии. Подробнее об этнографии труда, особенностях и генезисе подхода в отечественной социальной науке см. [Пинчук, 2021].

восемь лет исследователь фиксировал происходящее с ним на заводе и периодически делился заметками и размышлениями с коллегами-социологами. В результате этой работы был издан четырехтомник «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия», а также было написано множество академических и публицистических статей.

Метод включенного наблюдения был маргинальным для советской заводской социологии [Пинчук, 2021: 117–120]. Андрей Алексеев единственный из советских социологов не просто работал на заводе, но вел полевые дневники, обменивался наблюдениями с коллегами и опубликовал на основе этой работы тексты. Такая исследовательская инициатива выходила за рамки формальной академической работы. Благодаря продолжительной и включенной работе социолога на промышленном предприятии появилась возможность посмотреть на позднесоветский труд изнутри, в том числе изучить неформальную часть цеховой жизни.

В данном тексте я обращаюсь к случаю неформальной практики, описанному Алексеевым как «партизанщина». В литературе, посвященной изучению позднесоветского труда, не так часто встречается анализ неформальных практик в цехе. Из наиболее известных — использование ресурсов предприятия для личных целей работников. «Партизанщиной» рабочие на советском предприятии могли называть разнообразные практики, в том числе и такие, где речь шла целиком и полностью о личной выгоде. Однако на основе наблюдений Алексеева в данной статье рассматривается пример «партизанщины» другого рода, когда рабочие неофициально производили детали не для того, чтобы унести их с собой на продажу, и не для личного пользования, но с целью выполнить план. Инициатором такой «партизанщины» был сам социолог: он придумал и предложил штамповать неофициальные детали на своем прессе.

Я рассматриваю неформальные практики в цехе как нарушения формальной трудовой дисциплины, в этой связи «партизанщина» представляет собой, с одной стороны, нарушение, но с другой — «ускользание» от контроля администрации и проявление автономии на рабочем месте. Однако этот пример демонстрирует, что «ускользание» от контроля может быть не самоцелью, а скорее средством для достижения одновременно личных и коллективных целей.

Рубеж 1981–1982 гг. стал некоторым водоразделом в заводской работе Андрея Алексеева: во-первых, закончилось его совместительство в ИСЭП АН, и он стал полноценным рабочим завода «Ленполиграфмаш»; во-вторых, в первой половине 1982 года он сдал экзамен на слесарский разряд и перешел на сдельную оплату труда — в бригаду; в-третьих, и это уже касается не только работы Алексеева, — в этот период происходили существенные изменения в советской экономике и политике. В ноябре 1981 года умер генеральный секретарь СССР Л.И. Брежнев, закончилась так называемая эпоха застоя¹.

¹ Как справедливо отмечает Алексей Юрчак, термин «застой» был введен уже после брежневской эпохи и не совсем точен: «Он, безусловно, описывает один из аспектов позднесоветского ощущения времени — его кажущееся замедление. Однако этот термин скрывает другую, не менее важную особенность — ощущение бесконечности системы, невозможности представить, что она может вдруг исчезнуть» [Юрчак, 2020: 95].

Место генерального секретаря ЦК КПСС (меньше чем на два года) занял Юрий Андропов и начал проводить, кроме прочего, политику интенсификации труда и укрепления трудовой дисциплины¹ [Yanowitch, 1985: 4; Соколов, 2010].

Таким образом, нижней временной границей исследования становится начало 1980 года, когда Андрей Алексеев поступил на завод «Ленполиграфмаш» в качестве наладчика, верхней — начало 1982 года, когда он перешел из повременщиков в сдельщики.

В статье я стремлюсь последовательно ответить на несколько вопросов: чем примечателен опыт социолога Андрея Алексеева? Как исследование методом включенного наблюдения помогает изучать организацию труда на советском заводе? Можно ли говорить, что неформальные практики в труде рабочих были направлены только на «ускользание» от контроля заводской администрации, а автономия на рабочем месте служила исключительно удовлетворению личных потребностей?

«Эксперимент социолога-рабочего»: драматическая социология

Социолог Андрей Николаевич Алексеев оказался на заводе, по его словам, по причине «кризиса профессиональной идентичности», в порядке «самоиспытания», одновременно движимый идеей предпринять исследование «производственной жизни “изнутри” глазами рабочего» [Алексеев, 1997: 62]. В интервью Борису Докторову в 2006 году А. Н. Алексеев признался, что его уход на завод изначально не предполагался как исследовательский проект, такое качество он обрел уже впоследствии:

«Ядов предложил мне в 1980 г., коль скоро так уж круто я нацелился в рабочие, совместительствовать в ИСЭПе. Согласившись (не без материального интереса...), я “обрек” себя на продолжение социологической карьеры в новом качестве. К тому же совмещение столь разных “ипостасей” в одном лице щекотало самолюбие»² [Алексеев, 2012: 291].

На протяжении всей своей работы на заводе социолог вел записи («протоколы жизни»), которые по форме сопоставимы с этнографическими полевыми

¹ Как отмечает А. К. Соколов, в 1982–1983 годах на промышленных предприятиях и в стране в целом стали применяться «более строгие меры материального и дисциплинарного воздействия» вследствие принятого постановления ЦК, СМ и ВЦСПС «О дальнейшем укреплении трудовой дисциплины и сокращении текучести кадров в народном хозяйстве», дополненного указом Президиума Верховного Совета от 12 августа 1983 г. об укреплении дисциплины на производстве [Соколов, 2010: 120].

² В контексте некоторой симметричности практики производства неформальных деталей на предприятии, инициатором которой стал Алексеев, и самого исследовательского проекта социолога данная цитата кажется особенно важной: Алексеев уточняет, что согласился на совместительство «не без материального интереса». «Партизанщина» в данном случае также не лишена материального интереса рабочих. Однако, несмотря на это, данная практика, как и проект Алексеева, направлена не только на достижение личных целей.

дневниками, заполняемыми в классических полевых исследованиях в рамках социальной и культурной антропологии¹. Жанр исследовательского проекта во многом напоминает классическую «этнографию труда», когда исследователь, чаще социальный антрополог, дабы изучить особенности труда и жизни представителей различных социальных групп, например, промышленных рабочих, сам становится рабочим [Smith, 2001]. Однако итоговую работу — четырехтомник «*Драматическая социология и социологическая ауторефлексия*»², — вряд ли можно назвать академической монографией: она представляет собой вкрапления аналитических размышлений автора (это обнаруживается даже в структуре рукописи) в большой массив полевых материалов, а именно дневниковых записей и писем о работе на заводе близким друзьям и коллегам. Важное отличие этих опубликованных текстов Андрея Алексеева от многих социологических и антропологических работ, выполненных по результатам длительных этнографических исследований, заключается в том, что множество полевых заметок передано без редакции и изменений. Это весьма необычно, поскольку полевые дневники чаще всего содержат множество деталей и нюансов, понятных либо только самому автору, либо тем, кого можно назвать его/ее информантами — в данном случае рабочим «Ленполиграфмаша». Такой способ представления своей исследовательской работы крайне осложняет процесс чтения — в ней сложно разобраться, будучи аутсайдером³, но одновременно делает ее ценным историческим источником. Все полевые записи делались Алексеевым непосредственно во время описываемых событий, самые ранние из них датируются январем 1980 года. Письма близким коллегам содержат этнографические описания заводской повседневности, иногда охватывая при этом довольно продолжительный временной промежуток. Дневниковые записи в рукописи представлены достаточно объемно, что позволяет читателю иметь дело не (столько) с интерпретациями и анализом автора, а с подробными описаниями его бытования на рабочем месте. Такой выбор

¹ Про полевые дневники как жанр и практику см., напр.: [Максимова, 2012].

² В действительности текстов вокруг заводского исследования Алексеева куда больше, хотя и четыре изданных тома сами по себе содержательно довольно насыщены и охватывают широкий промежуток времени. В дополнение к изданным томам выходили электронные издания «неопубликованных глав», а также большое количество интервью и текстов, уже позже опубликованных исследователем и его коллегами в различных, в основном электронных, изданиях, в том числе на сайте Cogita.ru. Кроме того, стоит заметить, что название работы тоже менялось: изначальная рукопись имела название «Познание через действие», ранние издания назывались «Драматическая социология: эксперимент социолога-рабочего», последующие — «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия».

³ Бруно Латур в работе «Лабораторная жизнь», анализируя позицию наблюдателя, изучающего методом включенного наблюдения работу ученых в лаборатории, обращал внимание на то, что быть «абсолютным аутсайдером» невозможно — антропологу в поле всегда помогает понять контекст культурная включенность в схожие социальные отношения (даже если наблюдатель по отношению к наблюдаемым имеет ярко выраженные профессиональные, социальные или какие-либо еще отличия). Но в ситуации с материалами Алексеева, представляющими историческую перспективу, современный читатель, даже будучи исследователем труда рабочих, но не имеющий достаточно знаний об организации труда на советских предприятиях, как раз таки и оказывается в ситуации почти абсолютного аутайдера — и по причине незнания технической стороны работы завода полиграфических машин, и по причине отсутствия включенности в культурные особенности социальной жизни советского цеха. В частности, за это (прямо или косвенно) Алексеева уже критиковали российские социологи: [Рогозин, 2015; Григорьев, 2003].

формата текста неслучаен: по словам Алексеева, он единственно возможный в рамках сформулированной им «драматической социологии»:

«Социологического подхода, где происходит соединение (интеграция?..) практической деятельности, рефлексии и игры (с социальным объектом...), которое в таком случае пытается осуществить социолог (он же — своего рода драматург и постановщик “социологической драмы”; не путать с “социодрамой”...)» [Алексеев, 2012: 350].

По мнению автора:

«[Наиболее] адекватным способом представления результатов исследования в [этом] жанре (...) является именно композиция (...) материалов этого исследования (...), где результаты исследования предстают не готовыми, а развивающимися в процессе их получения» [Алексеев, 2012: 351].

Алексеев утверждал, что его исследовательский подход инновационен, поскольку используемый им метод не «включенное наблюдение», а «наблюдающее участие», которое, в отличие от первого, предполагает непосредственное воздействие исследователя на наблюдаемую им реальность. В действительности метод «включенного наблюдения» как в западной традиции, так и в советской заводской социологии никогда и не предполагал позицию исследователя исключительно в качестве «мухи на стене»: во всех известных случаях этнографического исследования труда исследователь так или иначе воздействовал на окружающую его реальность¹ («максимальная “мимикрия” исследователя в изучаемой социальной среде» [Алексеев, 2012: 348] в принципе невозможна на практике, особенно если учесть, что этнографическое исследование, как правило, длится довольно продолжительное время, порядка десяти-двенадцати месяцев [Smith, 2001: 229]).

Тем не менее то, что осуществил Андрей Алексеев, все же было и остается уникальным для советской социологии. Алпа Шах назвала «включенное наблюдение» революционным методом [Shah, 2017: 47], и в воплощении Андрея Алексеева такой подход действительно стал революционным (разумеется, несколько в ином смысле) — «партизанским», поскольку позволил исследовать и запечатлеть неформальную жизнь цеха советского предприятия 1980-х годов, в то время как это было практически невозможно себе представить и тем более получить на это разрешение² [Абрамов, 2014: 57].

¹ Генеалогия метода и дискуссия о методе представлены в: [Seim, 2021]. Подробнее об этнографии труда: [Пинчук, 2021].

² Мой собеседник в рамках моего диссертационного исследования, посвященного организации труда на советском предприятии, Э. А. Зенкевич — начальник Лаборатории социальных исследований ЗИЛа в 1978–1994 годах — рассказал, что в конце 1970-х они предприняли попытку исследовать повседневность цеха методом включенного наблюдения, устроив в цех нескольких сотрудников Лаборатории. Представленные результаты настолько смутили и озаботили дирекцию завода, что впредь Лаборатории запретили использовать данный исследовательский подход. Основными методами, используемыми заводскими социологами и социологами

Включенное наблюдение на службе изучения «реальной» организации производственного труда

В силу того, что как сохранившиеся архивные документы, так и отчеты социологических исследований носят достаточно формальный характер, сегодня у нас практически нет возможности посмотреть на трудовые отношения на советском предприятии через неформальные практики¹. В этой связи серия текстов социолога А. Н. Алексеева представляется чрезвычайно ценным источником для анализа организации труда советских рабочих. Изданные тексты А. Н. Алексеева представляют собой своего рода уникальный и исключительный исторический источник, поскольку они, с одной стороны, основаны на его дневниковых записях, которые писались во время событий и практически не редактировались впоследствии, с другой — включают его собственные аналитические размышления и оценки. Таким образом, полевые дневники с течением времени не становятся мемуарами², а обильно инкорпорируются в изданные тексты, сохраняя события в той текстовой форме, в которой они и были запечатлены.

В силу особенностей советской профессиональной социологии сам проект Алексеева становится своего рода «партизанщиной», результатом которой оказываются не «партизанские» детали, используемые в дальнейшем для отчетов по плановым показателям цеха, а эмпирический материал. Проект, во-первых, раскрывает процесс организации труда «изнутри», обнажая «реальное» положение дел в цехе, без декларативной опоры на «общую социальную теорию», коей в этот период официально был признан истмат [Бикбов, Гавриленко, 2002]; во-вторых, противостоит практикам обезличивания

труда в конце 1970-х начале 1980-х годов, были анкетирование и опросы. Между тем ранее включенное наблюдение все же применялось заводскими социологами. В. Б. Ольшанский даже рассказывает о включенном наблюдении на заводе как о форме инициации в профессию: «Реальной жизни не знаешь. Надеешься тут из трех книжек четвертую сделать и назваться ученым? (...) Начни с начала. Поступи на завод, поработай, осмотришь, поднаберешься ума» [Ольшанский, 1999: 181].

¹ Речь идет не только и не столько о нелегальных практиках и нарушениях, которые разбирались на цеховых собраниях и тем более в судебном порядке, хотя кейс «партизанщины» на «Ленполиграфмаше» рассматривается именно в этом широком контексте. Неформальные практики в данном случае — это некоторые не всегда критичные нарушения формальных правил и норм, регламентирующих процесс и организацию труда рабочих, которые не всегда были заметны «сверху» или «со стороны». О возможных формах и способах неформальных взаимоотношений на производстве см., например: [Ядов, 1999; Алашеев, 1995; Клеман, 2003]. Кроме того, формальными протоколами партийных собраний и тому подобными документами, с которыми сегодня работают историки и социальные исследователи, возможные источники не исчерпываются. О неформальных практиках в процессе труда советских рабочих мы узнаем из писем рабочих в редакции заводских газет, из редких личных дневников, посредством устной истории, то есть через ретроспективные интервью с участниками событий. Однако такого рода источников в количественном и содержательном соотношении куда меньше, нежели официальных документов.

² Об этом говорит и сам А. Н. Алексеев в одном из своих интервью Б. З. Докторову: «Именно документы прошлого, “жизненные свидетельства” и т. п. составляют основной корпус книги такого жанра (а ремарки, иногда и весьма развернутые, — по мере необходимости!). В этом, кстати, принципиальное отличие от мемуаров, где документы присутствуют в лучшем случае в качестве эпизодических цитат» [Алексеев, 2012: 351].

и объективации рабочих, утрирования «сложного и многообразного мира профессиональной культуры», столь распространенным в отчетах и публикациях советских социологов [Абрамов 2014]; в-третьих, представляет собой чистую исследовательскую инициативу, без каких-либо прикладных задач, что было крайне нехарактерно для советской заводской социологии¹ [Горшков, Тощенко, 2018; Соколов, 2011].

Как о важной методологической основе своего исследовательского подхода Андрей Алексеев пишет о моделируемых ситуациях:

«Отчасти организованных самим исследователем из естественных ситуационных предпосылок, в целях обнажения, заострения, в этом смысле — моделирования социального явления или процесса» [Алексеев, 2012: 348–349].

Однако создается впечатление, что те решения и действия, которые социолог предпринимал в процессе работы на заводе (например, идея о производстве «партизанских» деталей и воплощение ее в жизнь), были не столько смоделированными им, сколько свойственными ему в принципе. Именно поэтому «партизанщина» на заводе стала возможной, ровно так же, как и сам его проект, который был своеобразной «партизанщиной» в советской академии. Будучи по сути своей нарушением устойчивых норм и правил реализации социологических исследований, проект Алексеева, как и заводская «партизанщина», описанная им в своих текстах, становится «костылем» советской заводской социологии, способом альтернативного исследования советского общества и продуктивной методологической и эмпирической инициативой.

Наладчик и бригада

Координатно-револьверный пресс (ПКР) наладчика Алексеева² размещался в цехе № 3 Ленинградского завода полиграфических машин между станками и верстакими, на которых работала комплексная бригада под руководством Игоря Лозового. Андрей Алексеев поступил на завод в январе 1980 года в качестве наладчика ПКР — пресса, который на тот момент простоял в цехе уже два года и еще ни разу не запускался.

Процесс наладки и запуска пресса длился долго, в частности, как сообщает Алексеев, потому что начальство было не особенно в этом заинтересовано

¹ Стоит оговориться, что свой уход на завод А. Н. Алексеев называл не иначе как «хождение в народ», возможно, он отождествлял себя с «этнографами-народниками», которые в эпоху социальных реформ 1860-х годов проводили «исследования народной жизни», в том числе с целью политической агитации [Ssorin-Chaikov, 2008: 192].

² А. Н. Алексеев в своих текстах и даже в интервью разных лет, которые он давал своим коллегам, нередко называет себя не иначе как «наладчик» и/или «Алексеев» — в третьем лице. Вероятно, это было попыткой дистанцироваться от двойственности своей роли на заводе, акцентировать внимание именно на том, что речь идет о нем как о наладчике, а не как о научном сотруднике. В статье я тоже буду в некоторых местах использовать такое обращение — для художественных целей.

(исследователь объясняет это опасениями по поводу повышения плановых обязательств). Свою первую «программную продукцию» на прессе Алексеев сумел выпустить только в конце ноября 1980 года. Но даже после выпуска первой продукции стало понятно, что плановых заказов для станка все равно нет и не будет в ближайшие месяцы. Тогда Алексеев взял лист бумаги и написал, какие детали можно штамповать на его прессе, отдал лист бригадиру Лозовому. Тот поднял на наладчика глаза: «*Партизанить предлагаешь?*». Лозовой спрятал листок в ящик верстака и как будто забыл про это на полтора месяца [Алексеев, 1997: 231]. Но 14-го января (как раз после того, как наладчик Алексеев «отметил» год работы на заводе) на прессе началась «партизанщина».

По словам Алексеева, станок был уникальным — единственным в своем роде:

«[На нем было] удобно пробивать маленькие отверстия, которые обычно сверлят; или — большие, которые обычно растачивают; можно прорубать пазы, которые обычно штампуют на других прессах; можно, комбинируя удары, вырубать большие окна, которые обычно фрезеруют. "Золотая машина!", по выражению одного из рабочих» [Алексеев, 1997: 233].

Штамповка на прессе наиболее трудоемких для другого оборудования пазов деталей облегчала работу всему цеху — это было быстрее и удобнее. Сначала Алексеев с Лозовым действовали осмотрительно, штамповали всего по несколько пазов за раз, опасаясь быть замеченными:

«Вся эта работа поначалу [не] привлекала внимание мастера участка. (...) По ходу дела понадобилась какая-то новая оснастка. С подачи Лозового ее изготовили, легальным порядком. То есть — администрация не увидела в "партизанщине" какого-либо нарушения. Напротив, мастер перехватил инициативу у бригадира и заказал мне деталь, оказавшуюся записанной уже за [другой] бригадой Филина» [Алексеев, 1997: 234].

Андрей Алексеев не состоял в бригаде, где была сдельная оплата труда, и был «повременщиком», поэтому количество произведенных им деталей на прессе не влияло на его оплату, так что «партизанские» детали «естественным» образом записывались в счет выработки двух действующих в цехе бригад — Лозового или Филина, — как если бы были сделаны не на ПКР [Алексеев, 1997]. Это казалось экономически выгодно для бригад¹, но такая выгода стала еще более ценной, когда Алексеев сумел расширить возможности применения пресса в «партизанской» деятельности:

¹ На момент написания статьи вопрос о конкретных выгодах рабочих от такого перераспределения нагрузки детально не проработан. Однако известно, что, поскольку, рабочие в составе бригады работали по системе сдельной оплаты труда, отштампованные на ПКР и записанные на бригаду детали увеличивали общую выработку бригады, а соответственно, и итоговое вознаграждение.

«Решился отступить от стандартной технологии штамповки на ПКР. И — перевернул шаблон!»¹

Спектр возможного «неформального» применения станка сразу расширился. Благодаря неофициально отштампованным на ПКР деталям закрывались плановые обязательства бригад и цеха.

«Лозовой вошел во вкус партизанщины. Не успевал я скрыться в свой “кабинет”², как он стучался “на прием” (его выражение). Наша “подпольная” деятельность стала в известном смысле рутинной. В установлении очередности всегда отдавалось предпочтение легальным производственным заданиям, но иногда официальному заказу приходилось подождать, пока не будет закончена отработка партизанского. Мастер был одинаково заинтересован в тех и других (в смысле сроков сдачи)» [Алексеев, 1997: 238].

В июле 1981 года, спустя около пяти месяцев действующей «партизанщины», выяснилось, что одна из деталей, отштампованных таким «неофициальным» образом на ПКР, была сделана с ошибкой. Лозовой сообщил об этом Андрею Алексееву, будучи уверенным, что выговор придется именно на бригадира, поскольку деталь эта была записана в счет работы бригады. Но вскоре они с удивлением увидели распоряжение начальника цеха, в котором выговор был адресован самому наладчику Алексееву, хотя его участие в изготовлении детали формально не фиксировалось:

«При штамповке детали “Ф...” наладчик Алексеев не выполнил двух отверстий, на что бригада 001 (бригадир Лозовой) не обратила должного внимания. В результате чего узел “Ф...” пошел на сборку с отклонением, и была поставлена под угрозу срыва программа июля-месяца.

1. Наладчику т/оборудования Алексееву за допущенное отклонение от чертежа детали “Ф...” объявить выговор по цеху.

2. Бригадира Лозового и ст. мастера участка Ерофеева за недостаточный контроль за работой своих подчиненных предупредить.

3. Начальнику ОТК цеха Лукашину указать на недопустимость подобных случаев.

Начальник цеха Коломейчик» [Алексеев, 1997: 96].

Таким образом, пресс, который прежде простоял в цехе без дела, вдруг стал «золотой машиной», а наладчик, выделяющийся из рабочей среды

¹ Технически А. Н. Алексеев объясняет это так: «Для станка существует так называемая “мертвая зона”. Это та часть детали, которая ухватывается пневмозажимами. И пробить отверстие там, понятно, нельзя. В официальной технологии эта проблема решается использованием заготовок с технологическим припуском. Тогда пробивать отверстия можно в любой точке будущей детали. А припуск потом отрезают. Ну, а если заготовка — без припуска (как в нашем случае), то можно попробовать штамповать в два захода. Сначала — все, кроме “мертвой зоны”. А потом, перевернув и шаблон, и деталь, также и то, что раньше попадало в эту зону» [Алексеев, 2003: 234].

² Имеется в виду каптерка, где проводили свободное от работы время рабочие цеха.

кандидатской степенью и совместительством в институте Академии наук СССР, стал не просто частью цехового коллектива, но инициатором и главным исполнителем неформальной практики, которая, с одной стороны, противоречила формальным правилам организации труда и производства, с другой — стала подспорьем, «костылем» в процессе выполнения коллективных плановых обязательств.

«Партизанщина» как «костыль» советского производства

Трудовая дисциплина и мотивация труда рабочих оставались ключевыми темами, обсуждаемыми в рамках организации труда и промышленного производства вплоть до распада Советского Союза [Смоляк, 2012: 313]. На локальном уровне эти темы регулярно поднимались на партийных собраниях производственных подразделений, им уделялось немало внимания в отчетах и приказах дирекции промышленных предприятий, они же нередко становились темами социологических исследований. Очевидно, что такая озабоченность трудовой дисциплиной и мотивацией труда была идеологически мотивированной. В современной историографии организация промышленного производства на советских предприятиях обычно изучается через призму низкой трудовой дисциплины. Исследователи замечают, что в совокупности с достаточно амбициозными пятилетними планами, которые структурировали темпоральную организацию всего советского производства, и критической нехваткой рабочей силы низкая трудовая дисциплина приводила к низким общим показателям выработки, невыполнению планов, а также к неэффективности промышленного производства в целом [Filtzer, 1996: 10–11]. Дисциплина нарушалась посредством прогулов, опозданий, отлыниваний от выполнения своих рабочих обязанностей и т. п., что, с одной стороны, рассматривается как неявный саботаж производственного процесса¹ [Van der Linden, 1995: 290; Соколов, 2009: 104]², а с другой — как инструменты относительного контроля, самоуправления, автономии рабочих на рабочем месте [Пискунов, 2017: 218].

Случай производства «партизанских» деталей, на мой взгляд, встает в один ряд с упомянутыми формами «нарушений» трудовой дисциплины как неформальная практика, поскольку, с одной стороны, это такое же нарушение правил и регламентов организации труда, с другой — инструмент достижения относительной автономии на рабочем месте, с третьей — способ

¹ Например, А. К. Соколов замечает, что «прогулы в наиболее яркой степени отражали реакцию рабочих на установленные порядки при ограниченности коллективных организованных форм противодействия. В более широком смысле прогулы можно рассматривать как форму протеста, основанного на действиях отдельных рабочих, и способ решения ими своих собственных проблем, обходя режимы, установленные на заводах» [Соколов, 2010: 104]. Ранее Д. Филцер сообщал, что «коллективные формы солидарности и сопротивления советских рабочих были подавлены режимом в период первой пятилетки, что привело к эрозии классового сознания, деполитизации и атомизации» [Filtzer, 1996: 10].

² Про такого рода повседневные формы неявного сопротивления подробнее см., например: [Scott, 1989].

достижения личных выгод. Помимо приведенных выше форм «саботажа» трудового и производственного процесса со стороны рабочих, известны также наиболее структурно близкие к «партизанщине» практики — это различные варианты использования заводской инфраструктуры и ресурсов производства для своих целей (например, феномен «несунов» [Смоляк, 2012] или «цеховиков» [Жевакина, 2020]). Несмотря на структурную схожесть, «партизанщина» имеет существенное отличие — рабочие достигали не только личных целей, по сути, управляя своим доходом через производство деталей неформальным образом — эта практика позволяла закрывать «дыры» в коллективных плановых обязательствах. Таким образом, вопреки утверждениям о «разложении режимов трудовой дисциплины» [Соколов, 2009: 109] или формах «бегства от государства»¹ [Травин, 2018] через неформальные практики и нарушения трудовой дисциплины, рассматриваемая неформальная деятельность рабочих «Ленполиграфмаша» была способом поддерживать автономию на своем рабочем месте, избегая формального контроля администрации, «ускользая» от предзаданных ритмов и режимов труда и производства, но одновременно, что не менее важно, работала на их же воспроизводство.

История о «партизанщине», описанная выше, позволяет нам посмотреть на организацию труда на советском предприятии в том числе через призму автономии на рабочем месте. С одной стороны, наладчик Алексеев стремится наладить работу ПКР. Этим он демонстрирует область своей независимости как рабочего, способного влиять на администрацию даже в ситуации, когда последняя не стремится решить вопрос со станком (по словам исследователя, поскольку опасается увеличения плана). С другой стороны, эта история проливает свет и на форму присутствия администрации в процессе организации труда рабочих, которые имеют автономию не только в ходе освоения нового оборудования, но и в управлении своим доходом, и как следствие — плановыми обязательствами: детали, отштампованные на ПКР, неофициально закрывают «дыры» в плановой выработке бригады и цеха. Эпизод с выговором непосредственно наладчику ПКР за бракованную деталь, неофициально отштампованную на прессе, демонстрирует способ присутствия администрации в цехе: рабочие могут организовывать работу так, как им удобно, до тех пор, пока план выполняется и процесс работы не сбивается². Как только происходит сбой в организации труда и производства, администрация пытается

¹ Д. Травин, показывая, как именно при тоталитаризме граждане сопротивляются режиму, рисует с одной стороны понятную, но с другой — очень упрощенную картину производственных отношений на советском предприятии: «Директор с начальником цеха, а тот с простыми рабочими вступали между собой в торг об условиях труда точно так же, как директор с министром. И выяснялось, что можно таскать дефицитные материалы через дыру в заборе, можно уходить в запой на несколько дней, можно трудиться не торопясь и даже специально снижать производительность. Но за это надо было в конце года устраивать штурмовщину или выходить в ночную смену, чтоб выполнить план и не подвести начальство» [Травин, 2018]. URL: <https://www.inliberty.ru/article/escape-ussr> (дата обращения: 16.07.2022).

² Интересно, что сами рабочие в идеологизированном контексте комсомольских собраний цеха артикулируют автономию рабочих на рабочем месте через признание их ответственности за организацию труда: «Рабочие имеют ежедневные задания. Токари не выполняют свои задания, и поэтому часто не бывает работы у фрезеровщиков. Ритмичность производства зависит от рабочих,

включиться в процесс, но не для того, чтобы каким-то образом исправить причины сбоя, а чтобы заявить о своем существовании и продемонстрировать контроль. Таким образом, сам сбой становится поводом к расширению присутствия администрации в цехе.

Иными словами, рабочие успешно поддерживают автономию на рабочем месте, избегая формального контроля администрации, но в то же время они как будто «тяготеют» к нему, выполняя план несмотря ни на что (проявляя изобретательность в работе, они стремятся к тому, чтобы их труд стал более «ритмичным»¹).

Николай Ссорин-Чайков на примере хозяйства эвенков показывает, как устроено такого рода противоречие: *«избегание государства интересным образом сочетается с тяготением к нему, а опасность знаков принадлежности государству — с их престижем»*. Например, в случае Владимира, одного из охотников, «тяготение» к государству проявляется через его нежелание уходить из совхоза, а «избегание» — в ситуации, когда добытый директором совхоза комбикорм в его отсутствие оказывается растраченным, Владимир в числе остальных охотников и оленеводов ««виновато» убегают в тайгу» [Ссорин-Чайков, 2012: 157–158]. В случае «Ленполиграфмаша» рабочие самостоятельно организуют свое рабочее время, выстраивают неформальные практики за пределами обзора администрации, но в то же время как бы и «на виду», и к тому же делают это, чтобы решить рабочие задачи — вовремя производить необходимое количество деталей. Параллельно этому администрация была вовлечена в стандартный процесс корректировки (снижения) плановых обязательств по причине дефицита квалифицированной рабочей силы и проблем в снабжении (и здесь рабочие ощущают себя на одной стороне с администрацией²) [Соколов, 2011: 103] и не стремилась ограничить автономию рабочих на рабочем месте. Перефразировав Николая Ссорина-Чайкова, заводская администрация становится «фоновой декорацией, задним планом социальных практик» цеховых рабочих [Ссорин-Чайков, 2012: 168]; однако же появляется на сцене в тот момент, когда неформальная практика очевидным образом обнажает себя — одна из «партизанских» деталей оказывается бракованной. Сделав выговор Андрею Алексею, администрация легитимирует неформальную практику, оставляя ее, тем не менее, так же в стороне от официальных рабочих задач.

а не от администрации» [ЦГАИПД, Р-196К, оп. 1, д. 152. Протоколы собраний и заседаний бюро организаций цехов № 3, 4; Протокол № 5 от 18 августа 1980, «Ленполиграфмаш»].

¹ Вопреки выводам некоторых исследователей о «пренебрежении к производственным обязанностям» и «нежеланию работать интенсивно и производительно» [Соколов, 2010: 102], Александра Оберлендер приводит немало примеров, как советские рабочие пытались упорядочить свой труд, заполнить рабочее время практиками, которые в конечном счете могли привести их к выполнению своих обязательств в ситуации «неритмичности» и дефицита [Oberländer, 2017].

² Максим Лебский в работе «Рабочий класс СССР. Жизнь в условия промышленного патернализма» утверждает, что «после косыгинской реформы на промышленных предприятиях окончательно оформилась смычка между руководством и рабочим коллективом». Он приводит цитату Ю. Ольсевич и П. Грегори, с которой соглашается, о том, что после реформы администрация и рабочие предприятия мыслили себя как единый трудовой коллектив в противовес «госплану, министерству, другим предприятиям» [Лебский, 2021: 102].

Мы видим, что, вопреки убеждению исследователей, возможность рабочих действовать за пределами поля зрения администрации может быть направлена не только на отлынивание и уклонение от работы, но и на выстраивание новых способов организации труда, направленных в том числе на управление коллективными плановыми обязательствами, а значит, не на саботаж производственного процесса, а на его поддержку.

Заключение

Александра Оберлендер в статье «Легкая работа, изнурительный досуг: переосмысление позднесоветской трудовой этики» предпринимает попытку оспорить устоявшийся как в массовой культуре, так и в историографии тезис о том, что начиная с 1970-х годов трудовая этика советских рабочих стагнировала (что выражалось в ухудшении трудовой дисциплины, текучести кадров, общей лености и т. п.) [Oberländer, 2017: 574]. Исследовательница демонстрирует, что дело не в небрежном отношении к труду, не в нежелании работать, а в том, какие условия труда создавались в рамках советской плановой экономики. Простои и ожидания в первой половине месяца нередко компенсировались интенсивным трудом во второй половине, что, тем не менее, не всегда помогало выполнить план¹. И такой же ритм переносился на год, на пятилетку. Рабочим нередко приходилось ожидать поставки деталей или сырья, тратить большую часть рабочего времени на поиск необходимых для выполнения задания инструментов или документов². Кроме этого, Оберлендер показывает, что советские граждане в принципе много трудились, в том числе за пределами своего рабочего места³: она подтверждает, что они

¹ В документе «О результатах комплексной ревизии производственной и финансово-хозяйственной деятельности Ленинградского завода полиграфических машин» за период с 1 мая 1979 по 1 августа 1980 года, подписанном начальником ВПО «Союзполиграфмаш» Л. И. Боглаевым, кроме прочих «нарушений и недостатков», связанных в основном с невыполнением заводом плана, значится: «Проблема ритмичной работы завода не решена. Более половины удельного веса выпуска товарной продукции падает на III декаду месяца» (ЦГА СПб, Ф. 1140, оп. 4–14, д. 783). Кроме того, на протяжении всего 1980 года директор Ленинградского завода полиграфических машин периодически пишет письма руководству с просьбой уменьшить план по выпуску и реализации той или иной продукции на текущий месяц или квартал. Но в итоге в декабре от директора уходит письмо министру Пуднову И. И.: «С учетом мобилизации коллектива и принимаемых мер завод в целом обеспечит выполнение Государственного плана 1980 года по объемам и реализации» (ЦГА СПб, Ф. 1140, оп. 4–14, д. 790). Создается ощущение, что директор постоянно находится в процессе борьбы и совладания с плановыми обязательствами: то отстает, но нагоняет. В качестве причин отставания часто звучит как дефицит квалифицированной рабочей силы, так и проблемы в снабжении.

² Цит. по: [Oberländer, 2017]: «Согласно обследованиям рабочего времени, проведенным в конце 1970-х гг. в Советском Союзе, 25–30% фактического времени, затраченного на работу, проходило непродуктивно». См. [Патрушев, 1981: 17].

³ В то же время в статье, посвященной истории изучения бюджетов времени в России, В. Д. Патрушев, В. А. Артемов и О. В. Новохацкая сообщают, что в 1970–1980-е «бюджетные обследования позволили выявить тенденции, характерные для предреформенной России: у работающих горожан — существенное уменьшение общей трудовой нагрузки и увеличение свободного времени у женщин, значительное изменение его проведения как мужчинами, так и женщинами — увеличение времени, посвящаемого телевидению при сокращении его на посещение учреждений культуры и отдыха, повышение образования и квалификации» [Патрушев, Артемов, Новохацкая, 2001].

нередко покидали свои рабочие места пораньше, приходили с опозданием или пропускали рабочие дни, но вовсе не обязательно из-за пьянства или лени — они *трудились*, чтобы обеспечить свою жизнедеятельность в других сферах, в том числе в сфере неформальной экономики [Oberländer, 2017: 578].

Таким образом, вряд ли в принципе можно говорить о несоответствующем отношении к труду советских граждан. Более того, проявление инициативы с целью выполнить свои рабочие обязанности было для позднесоветского рабочего в порядке вещей. Поскольку на организацию рабочего времени влияли системные проблемы, такие как сбои в снабжении, износ оборудования, нехватка кадров, рабочие то и дело предпринимали различные действия для того, чтобы предприятие не встало, а продолжало работать¹:

«Инженер, работавший в управлении сельского хозяйства <...>, жаловался, что ему приходится тратить большую часть своего рабочего дня на поиски недостающих запчастей, чтобы поддерживать работу своих машин и тракторов» [Oberländer, 2017: 574].

Приведенная цитата показывает недовольство рабочего «неритмичностью» своего труда, но при этом — и регулярность инициативы, которую рабочий проявляет для поддержания производственных процессов.

Нестандартное для советской социологии исследование Андрея Алексева демонстрирует вовлеченность рабочих цеха в инициативную работу по производству неофициальных дополнительных деталей. Поведение и действия самого социолога в ситуации с неработающим станком (проявление инициативы по запуску станка), а затем в ситуации с отсутствием официальной загрузки станка могут показаться неординарными — но только в той мере, в которой он сам выделялся из рабочей среды, будучи кандидатом наук и совместителем в Академии наук. Советским рабочим не была чужда инициатива на рабочем месте постольку, поскольку необходимо было преодолевать сбои и поломки в организации труда и производства.

Литература

Абрамов Р. Н. «Структурщики» и «заводские социологи»: к истории исследований социально-профессиональных групп в СССР в 1960–1980-е годы // Социологические исследования. 2014. № 10. С. 50–59. EDN: [STFCKF](#)

Алашеев С. Ю. Неформальные отношения в процессе производства: «взгляд изнутри» // Социологические исследования. 1995. № 2. С. 12–19.

Алексеев А. Н. Драматическая социология (эксперимент социолога-рабочего). М.: Институт социологии РАН, 1997. Т. 1.

¹ Александра Оберлендер приводит массу примеров недовольства рабочих, которые жаловались на неритмичность и непродуктивность своего рабочего дня в силу особенностей советской плановой экономики:

«И инженеры, и строители подчеркивали свое желание работать должным образом и критиковали структурные проблемы дефицитной экономики, которые мешали им. В этих случаях работники проводили свое рабочее время на отведенных им рабочих местах, однако обстоятельства не позволяли им работать должным образом и более продуктивно» [Oberländer, 2017: 574].

Алексеев А. Н. Драматическая социология: эксперимент социолога-рабочего. СПб: Норма. 2003. Т. 1.

Алексеев А. Н. «Рыба ищет где глубже, а человек — где не так мелко...» (фрагмент биографического интервью) // Алексеев А. Н., Докторов Б. З. В поисках адресата. СПб: Foster City, 2012. С. 281–312.

Бикбов А., Гавриленко С. Российская социология: автономия под вопросом [Часть 1] // Логос. 2002. № 5–6. С. 186–210. EDN: [TJLSX](#)

Патрушев В. Д., Артемов В. А., Новохацкая О. В. Изучение бюджетов времени в России XX в. // Социологические исследования. 2001. Т. 6. С. 112–120.

Горшков М. К., Тощенко Ж. Т. Основные вехи в развитии отечественной социологии (конец 1950-х — 2010-е годы) // Социологические исследования. 2018. № 6. С. 3–16. EDN: [XQOMLJ](#)

Григорьев Л. Г. Рецензия: Алексеев А. Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия: В 2-х т. СПб.: Норма, 2003 // Социологический журнал. 2003. № 2. С. 180–186. EDN: [PZQNXH](#)

Жевакина М. А. Советские цеховики: этика «левых» отношений // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2020. № 5. С. 207–217. EDN: [XMWCSM](#)

Клеман К. Неформальные практики российских рабочих // Социологические исследования. 2003. № 5. С. 62–72. EDN: [OOOTKN](#)

Лебский М. А. Рабочий класс в СССР: жизнь в условиях промышленного патернализма. М.: Горизонталь, 2021.

Максимова А. С. Анализ полевых дневников в контексте производства этнографических текстов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 1 (107). С. 128–140. EDN: [OQMGKB](#)

Ольшанский В. Б. Были мы ранними... // Российская социология шестидесятих годов в воспоминаниях и документах / Под ред. Батыгин Г. С., Ярмолюк С. Ф. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1999. С. 175–189. EDN: [ZGEKVN](#)

Патрушев В. Д. Основные итоги и задачи исследований бюджетов времени в СССР // Социологические исследования. 1981. № 3.

Пинчук О. В. Как возможно этнографическое исследование труда в России? Демаргинализация этнографии в поле прикладного исследования // Социология власти. 2021. Т. 33. № 3. С. 109–130. EDN: [CBZYRL](#)

Пискунов М. О. Микрополитика позднесоветского завода: общее «Своеволие» и борьба за дисциплину труда (случай Выборгского целлюлозно-бумажного завода 1982–1985 годы) // Журнал исследований социальной политики. 2017. Т. 15. № 2. С. 217–234. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2017-15-2-217-234>. EDN: [YZBNXX](#)

Рогозин Д. М. Как работает автоэтнография? // Социологическое обозрение. 2015. Т. 14. № 1. С. 224–273. EDN: [TRRRBD](#)

Смоляк О. А. Советские несунуны // Отечественные записки. 2012. № 1. С. 311–318. EDN: [QJAVXF](#)

Соколов А. К. Режимность на советских предприятиях // Режимные люди в СССР. 2009. С. 99–127. EDN: [PVFEWH](#)

Соколов М. М. Рынки труда, стратификация и карьеры в советской социологии // Экономическая социология. 2011. Т. 12. № 4. С. 37–72. EDN: [OZFLYP](#)

Сорин-Чайков Н. Гоббс в Сибири: социальная жизнь государства (из книги «Социальная жизнь государства в северной Сибири») // Социология власти. 2012. № 4–5. С. 155–187. EDN: [RCHOLD](#)

Юрчак А. Гетерохрония: застой и бесконечность на границе советской истории // Это было навсегда 68/85. М.: Третьяковская галерея. 2020. С. 94–100.

Ядов В. А. Рецензия на книгу: Алексеев А. Н. Драматическая социология (эксперимент социолога-рабочего). В 2-х кн. СПб.: СПб. филиал Ин-та социологии РАН, 1997 // Социологические исследования. 1999. № 1. С. 152–153.

Filtzer D. Labor Discipline, the Use of Work Time, and the Decline of the Soviet System, 1928–1991 // *International Labor and Working-Class History*. 1996. Vol. 50. P. 9–28.

Oberlander A. Cushy Work, Backbreaking Leisure — Late Soviet Work Ethics Reconsidered // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2017. Vol. 18. № 3. P. 569–590.

Scott J. C. Everyday Forms of Resistance // *The Copenhagen Journal of Asian Studies*. 1989. Vol. 4. P. 33–62. DOI: <https://doi.org/10.22439/cjas.v4i1.1765>

Seim J. Participant Observation, Observant Participation, and Hybrid Ethnography // *Sociological Methods & Research*. 2021. DOI: <https://doi.org/10.1177/0049124120986209>

Shah A. Ethnography? Participant Observation, a Potentially Revolutionary Praxis // *HAU: Journal of Ethnographic Theory*. 2017. Vol. 7. № 1. P. 45–59. DOI: <https://doi.org/10.14318/hau7.1.008>

Smith V. Ethnographies of Work and the Work of Ethnographers // *Handbook of ethnography*. Thousand Oaks, CA: Sage. 2001. P. 220–233. DOI: <https://doi.org/10.4135/9781848608337.N15>

Ssorin-Chaikov N. Political Fieldwork, Ethnographic Exile, and State Theory: Peasant Socialism and Anthropology in Late-Nineteenth-Century Russia // *New History of Anthropology* / Ed. by Kuklick. Oxford: Blackwell, 2008. P. 191–206.

Van der Linden M. Keeping Distance: Alf Lüdtké's "Decentred" Labour History // *International Review of Social History*. 1995. Vol. 40. № 2. P. 287–296. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0020859000113239>

Yanowitch M. Work in the Soviet Union: Attitudes and Issues. Armonk, New York: M. E. Sharpe, 1984. DOI: <https://doi.org/10.2307/130494>

Сведения об авторе:

Пинчук Ольга Владимировна — аспирантка, департамент истории, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», научный сотрудник Лаборатории публичной социологии, Санкт-Петербург, Россия. **E-mail:** opinchuk@hse.ru. **РИНЦ Author ID:** 408787; **ORCID ID:** 0000-0002-6403-9671; **ResearcherID:** AAZ-1435-2021.

Статья поступила в редакцию: 20.07.2022

Принята к публикации: 09.09.2022

“Partisanship” at the Late Soviet Factory through the Prism of Andrey Alekseev’s Dramatic Sociology

DOI: 10.19181/inter.2022.14.3.4

Olga V. Pinchuk

HSE University, Saint Petersburg, Russia

E-mail: opinchuk@hse.ru

The article attempts to analyze informal practices at a late Soviet factory through the prism of the factory ethnographic project of the Soviet sociologist Andrei Alekseev, who in the 1980s. worked in the workshop of the Lenpoligraphmash plant. Based on the materials published as a result of the research project, a number of questions are raised: What is remarkable about the experience of the sociologist Andrey Alekseev? How

does participant observation research help to study the organization of labor in a Soviet factory? Is it possible to say that informal practices in the work of workers were aimed only at “escaping” from the control of the factory administration, and autonomy at the workplace served solely to satisfy personal needs? The focus of the article is an informal practice, which the workshop workers called “partisanism” — the informal production of spare parts that are subsequently used not for personal purposes, but for the needs of production. It is argued that, firstly, contrary to the belief of researchers of Soviet labor, the ability of workers to act outside the field of view of the administration can be aimed not only at shirking and avoiding work, but also at building new ways of organizing labor, aimed, among other things, at management of collective planning obligations; secondly, Alekseev’s research project itself became “partisan”, since, on the one hand, it made it possible to explore and capture in detail the informal life of a Soviet enterprise shop in the 1980s, on the other hand, it became an alternative way to study Soviet society, a methodological and empirical initiative, an invention, but at the same time a contribution to the history of Soviet industrial sociology.

Keywords: Soviet labor; ethnography of work; participant observation; Soviet sociology; organization of work; industrial labor; late Soviet period

Gratitude: I would like to express my gratitude to Nikolay Ssorin-Chaikov (NRU HSE), Oleg Zhuravlev (PS Lab), Daria Lupenko (PS Lab), Violetta Alexandrova (PS Lab), Elena Kochetkova (NRU HSE), Tatiana Borisova (NRU HSE), Alexey Boyko (NRU HSE), Evgenia Platonova (NRU HSE), and Anna Komarova for careful reading of the article, valuable advice and comments. Special thanks to Irina Tartakovskaya for the idea of the thematic issue and for the invitation to participate.

References

- Abramov R.N. (2014) “Strukturshchiki” i “zavodskie sociologi”: k istorii issledovaniy social’no-professional’nyh grupp v SSSR v 1960–1980-e gody [“Structuralists” and “Industrial Sociologists”: on the History of Studying Social Professional Groups in the USSR, 1960–1980th]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Research]. No. 10. P. 50–59.
- Alashev S.Y. (1995) Neformal’nye otnosheniya v processe proizvodstva: «vzglyad iznutri» [Informal Relations in the Production Process: “An Inside Look”]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Research]. No. 2. P. 12–19. (In Russ.)
- Alekseev A. N. (1997) *Dramaticheskaya sociologiya: eksperiment sociologa-rabochego* [Dramatic Sociology: the Experiment of Sociologist-Worker]. Moscow: Institute of Sociology RAS. (In Russ.)
- Alekseev A. N. (2003) *Dramaticheskaya sociologiya: eksperiment sociologa-rabochego* [Dramatic Sociology: the Experiment of Sociologist-Worker]. St. Petersburg: Norma. (In Russ.)
- Alekseev A. N., Doktorov B. Z. (2010) *V poiskah adresata* [In search of the addressee]. St. Petersburg: Foster City. P. 281–313. (In Russ.)
- Bikbov A., Gavrilenko S. (2002) Rossijskaya sociologiya: avtonomiya pod voprosom (CHast’ 1) [Russian Sociology: Autonomy in Question (Part 1)]. *Logos*. No. 5–6. P. 186–210. (In Russ.)
- Clement C. (2003) Neformal’nye praktiki rossijskih rabochih [Informal Practices by Russian Labor]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Research]. No. 5. P. 62–72. (In Russ.)
- Filtzer D. (1996) Labor Discipline, the Use of Work Time, and the Decline of the Soviet System, 1928–1991. *International Labor and Working-Class History*. Vol. 50. P. 9–28.
- Gorshkov M. K., Toshchenko Z. T. (2018) Osnovnye vekhi v razvitii otechestvennoj sociologii (konec 1950-h — 2010-e gody) [Main Milestones in the Development of Russian Sociology:

late 1950-s — 2010-s]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Research]. No. 6. P. 3–16. (In Russ.)

Grigor'ev L.G. (2003) Recenziya: Alekseev A.N. (2003) Dramaticheskaya sociologiya i sociologicheskaya autorefleksiya: V 2-h t. SPb.: Norma [Review: Alekseev A.N. (2003) Dramatic Sociology and Sociological Self-Reflection: 2 Vol. St. Petersburg: Norma]. *Sociologicheskij zhurnal* [Sociological Journal]. No 2. P. 180–186. (In Russ.)

Lebskij M.A. (2021) *Rabochij klass v SSSR: zhizn' v usloviyah promyshlennogo paternalizma* [The Working Class in the USSR: Life in the Conditions of Industrial Paternalism]. Moscow: Gorizontal' publ. (In Russ.)

Maksimova A.S. (2012) Analiz polevyh dnevnikov v kontekste proizvodstva etnograficheskikh tekstov [Analysis of Field Diaries in the Context of the Production of Ethnographic Texts]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 1 (107). P. 128–140. (In Russ.)

Oberländer A. (2017) Cushy Work, Backbreaking Leisure-late Soviet Work Ethics Reconsidered. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 18. No. 3. P. 569–590.

Ol'shanskij V.B. (1999) Byli my rannimi... [We were early]. In: Batygin G.S., Yarmolyuk S.F. (eds) *Rossijskaya sociologiya shestidesyatyh godov v vospominaniyah i dokumentah* [Russian Sociology of the Sixties in Memoirs and Documents]. St.Petersburg: The Russian Christian Academy for the Humanities. P. 175–189. (In Russ.)

Patrushev V.D. (1981) Osnovnye itogi i zadachi issledovaniy byudzheto vremeni v SSSR [The Main Results and Objectives of Time Budget Research in the USSR]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Research]. No. 3.

Patrushev V.D., Artemov V.A., Novohackaya O.V. (2001) Izuchenie byudzheto vremeni v Rossii XX v. [The Study of Time Budgets in Russia of the Twentieth Century]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Research]. Vol. 6. P. 112–120. (In Russ.)

Pinchuk O.V. (2021) Kak vozmozhno etnograficheskoe issledovanie truda v Rossii? Demarginalizatsiya etnografii v pole prikladnogo issledovaniya [How is Ethnography of Work Possible in Russia? Demarginalization of Ethnography in the Field of Business Research]. *Sociologiya vlasti* [Sociology of Power]. Vol. 33. No. 3. P. 109–130. (In Russ.)

Piskunov M.O. (2017) Mikropolitika pozdnesovetskogo zavoda: obshchee «Svoevolie» i bor'ba za disciplinu truda (sluchaj Vyborgskogo cellyulozno-bumazhnogo zavoda 1982–1985 gody) [Micro-politics of the Late Soviet Plant: General "Self-will" and the Struggle for Labor Discipline (the Case of the Vyborg Pulp and Paper Plant 1982–1985)]. *Zhurnal issledovaniy social'noj politiki* [The journal of Social Policy Studies]. Vol. 15. No. 2. P. 217–234. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2017-15-2-217-234>

Rogozin D. (2015) Kak rabotaet avtoetnografiya? [How Autoethnography Works?]. *Sociologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review]. Vol. 14. No. 1. P. 224–273. (In Russ.)

Scott J.C. (1989) Everyday forms of resistance. *The Copenhagen journal of Asian studies*. Vol. 4. P. 33–62. DOI: <https://doi.org/10.22439/cjas.v4i1.1765>

Seim J. (2021) Participant Observation, Observant Participation, and Hybrid Ethnography. *Sociological Methods & Research*. DOI: <https://doi.org/10.1177/0049124120986209>

Shah A. (2017) Ethnography? Participant observation, a Potentially Revolutionary Praxis. *HAU: Journal of Ethnographic Theory*. Vol. 7. No. 1. P. 4559. DOI: <https://doi.org/10.14318/hau7.1.008>

Smith V. (2001) Ethnographies of Work and the Work of Ethnographers. *Handbook of ethnography*, Sage. P. 220–233. DOI: <https://doi.org/10.4135/9781848608337.N15>

Smolyak O.A. (2012) Sovetskie nesuny [Soviet Pilferers]. *Otechestvennye zapiski* [Patriotic Notes]. No. 1. P. 311–318. (In Russ.)

Sokolov A.K. (2009) Rezhimnost' na sovetskikh predpriyatiyah [Regime at Soviet enterprises]. *Rezhimnye lyudi v SSSR* [Regime People in the USSR]. P. 99–127. (In Russ.)

Sokolov M. M. (2011) Rynki truda, stratifikaciya i kar'ery v sovetskoj sociologii [Labor Markets, Stratification and Careers in Soviet Sociology]. *Ekonomicheskaya sociologiya* [Journal of Economic Sociology]. Vol. 12. No. 4. P. 37–72. (In Russ.)

Ssorin-Chaikov N. (2012) Gobbs v Sibiri: social'naya zhizn' gosudarstva (iz knigi «Social'naya zhizn' gosudarstva v severnoj Sibiri») [Hobbies in Siberia: on the Social Life of the State (from the book "Social Life of the State in the Northern Siberia")]. *Sociologiya vlasti* [Sociology of Power]. No. 4–5. P. 155–187. (In Russ.)

Ssorin-Chaikov N. (2008) Political Fieldwork, Ethnographic Exile, and State Theory: Peasant Socialism and Anthropology in Late-Nineteenth-Century Russia. *New history of anthropology*. P. 191–207.

Van der Linden M. (1995) Keeping Distance: Alf Lüdtke's "Decentred" Labour History. *International Review of Social History*. Vol. 40. No. 2. P. 287–296. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0020859000113239>

Yadov V. A. (1999) Recenziya na knigu: Alekseev A. N. Dramaticheskaya sociologiya: eksperiment sociologa-rabochego [Book Review: Alekseev A. N. Dramatic Sociology: the Experiment of Sociologist-Worker]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Research]. No. 1. P. 152–153. (In Russ.)

Yanowitch M. (1984) Work in the Soviet Union: Attitudes and Issues. Armonk, New York: M. E. Sharpe. DOI: <https://doi.org/10.2307/130494>

Yurchak A. (2020) Geterohroniya: zastoj i beskonechnost' na granice sovetskoj istorii [Heterochrony: Stagnation and Infinity on the border of Soviet History]. In: *Eto bylo navsegda 68/85* [It was Forever 68/85]. Moscow: Tretyakov Gallery. P. 94–100. (In Russ.)

Zhevakina M. A. (2020) Sovetskie cekhoviki: etika «levyh» otnoshenij [Soviet Shopkeepers: Ethics of "Left" Relations]. *Neprikosnovennyj zapas. Debaty o politike i kul'ture* [NZ. Debates about Politics and Culture]. No. 5. P. 207–217. (In Russ.)

Author bio:

Olga V. Pinchuk — Graduate Student, Department of History, HSE University, Researcher of Public Sociology Laboratory (PS-Lab), St. Petersburg, Russia.

E-mail: opinchuk@hse.ru. **RSCI Author ID:** 408787; **ORCID ID:** 0000-0002-6403-9671; **ResearcherID:** AAZ-1435-2021.

Received: 20.07.22

Accepted: 09.09.2022

Полевые исследования

DOI: 10.19181/inter.2022.14.3.5

EDN: ALVRYG

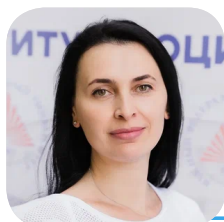
Социальное самочувствие и протестный потенциал медиков Ростовской области в период пандемии коронавируса¹

Ссылка для цитирования:

Нор-Аревян О.А., Черевкова А.И. Социальное самочувствие и протестный потенциал медиков Ростовской области в период пандемии коронавируса // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2022. Т. 14. № 3. С. 98–123. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2022.14.3.5>. EDN: ALVRYG

For citation:

Nor-Arevyan O.A., Cherevkova A.I. (2022) Protest Activity and Social Well-Being of the Rostov Region Medical Professionals During the Coronavirus Pandemic. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 14. No. 3. P. 98–123. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2022.14.3.5>

Нор-Аревян Оксана Аведиковна

Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия

E-mail: noroks@yandex.ru

Черевкова Алена Игоревна

Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия

E-mail: yaitskova_a@mail.ru

Период с 2019 по 2021 год характеризуется взрывным ростом числа трудовых протестов в российской сфере здравоохранения. В статье, основанной на материалах эмпирического исследования, анализируется социальное самочувствие медиков Ростовской области, выявляются социально-экономические

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-04-60466.

и профессиональные риски, в наибольшей степени беспокоящие медицинских работников, а также дается оценка их протестной активности.

По результатам исследования фиксируются оптимистические оценки социального самочувствия на индивидуальном и групповом уровне: медики Ростовской области удовлетворены своим здоровьем, жилищными условиями, отношениями с членами семьи и тем, как складывается жизнь в целом. Материальное положение своей семьи респонденты оценивают как частично удовлетворительное. В то же время выявлена высокая степень обеспокоенности риском повышенного нервно-психического напряжения и эмоционального выгорания, роста трудовой нагрузки без увеличения зарплаты, причинения вреда здоровью и потери работы.

Вместе с тем медики Ростовской области готовы применять различные стратегии адаптационного поведения в условиях нарастающих рисков и преимущественно демонстрируют установку на мирное разрешение проблемных ситуаций административным способом (обращение за разъяснениями к руководству медучреждения). В случае нарушения трудовых прав медики готовы обратиться в Государственную инспекцию труда и суд, в меньшей степени доверяя профсоюзным и общественным организациям. Согласно результатам опроса, обращение в СМИ с целью привлечения внимания к ситуации, участие в митингах и демонстрациях, забастовках — наименее популярные варианты действий в случае нарушения трудовых прав. Поэтому протестный потенциал медиков на момент проведения исследования можно оценить как невысокий, что характеризует в том числе нормализацию отношений в сфере здравоохранения в Ростовской области.

Ключевые слова: социальное самочувствие; протестная активность; здравоохранение; профессиональное медицинское сообщество; высший медицинский персонал; врачи; средний медицинский персонал; пандемия COVID-19; Ростовская область

Пандемия COVID-19 стала крупнейшим вызовом российской сфере здравоохранения за последние десятилетия, нарушив обычный порядок оказания медицинской помощи и потребовав мобилизации всех имеющихся ресурсов. Напряженные условия работы одновременно с повышенным государственным и общественным вниманием к медикам, героизацией их образа в средствах массовой информации привели к изменению социального самочувствия медработников и всплескам протестной активности в отдельных регионах страны.

В то же время сфера здравоохранения в России находится в состоянии перманентного реформирования, начатого в 2010 году вместе с принятием закона об обязательном медицинском страховании (ОМС). В ходе реформ была произведена реструктуризация системы оказания медпомощи, обернувшаяся «оптимизацией» больниц и уменьшением коечного фонда,

кадровыми сокращениями и снижением доступности бесплатной медпомощи для населения¹. Итогом стал рост трудовых протестов медиков, фиксировавшийся с марта 2018 года и достигший пика в мае-июне 2020 года. Несмотря на снижение в 2021 году, уровень протестности в здравоохранении остается довольно высоким².

Пандемия выступила детонатором проблем сферы здравоохранения и обнажила не только вопросы кадрового дефицита, материально-технической базы учреждений здравоохранения, но и проблемы социально-трудовой сферы, включая низкие заработные платы, увеличение трудовой нагрузки, слабую защищенность от профессиональных рисков. Пандемия стала испытанием профессиональной компетентности, пригодности и профессиональной идентичности всего медицинского сообщества [Нор-Аревян, 2021]. Это придает особую актуальность социологическому измерению социального самочувствия профессиональных медицинских работников в условиях сложной эпидемиологической ситуации в России, а также оценке их протестного потенциала.

Теоретико-методологическая база исследования

Пандемия дала старт становлению и развитию нового научного направления в социологии — социологии пандемии. На всероссийском уровне проводились крупные социологические исследования влияния пандемии на различные сферы социальной жизнедеятельности, в том числе сферу здравоохранения, которая оказалась в эпицентре внимания [Социология пандемии, 2021].

Социальное самочувствие профессионального медицинского сообщества и общий контекст влияния пандемии на сферу здравоохранения рассматривались в научных работах российских авторов [Булгакова, 2021; Гареева, 2014; Полякова, 2022; Тимербулатов, Тимербулатов, 2020].

Для изучения данной проблемы авторами статьи разработана теоретико-методологическая модель исследования социального самочувствия медицинских работников, которая позволила изучить поведенческие, культурные, социальные детерминанты социального самочувствия медиков в их целостности и взаимосвязи для объяснения дисфункциональных процессов в системе здравоохранения в условиях пандемии. Исследованы основные компоненты социального самочувствия профессионального медицинского сообщества и выявлены индикаторы социологической диагностики социального

¹ «Мы убили бесплатную медицину»: названы последствия реформы российского здравоохранения // Московский Комсомолец: [сайт]. 03.01.2022. URL: <https://www.mk.ru/social/2022/01/03/my-ubili-besplatnyu-medicinu-nazvany-posledstviya-reformy-rossiyskogo-zdravookhraneniya.html> (дата обращения: 30.05.2022).

² Трудовые протесты в России в 2021 г. Часть 3. Отраслевая структура трудовых протестов // Мониторинг трудовых протестов: [сайт]. 03.03.2022. URL: <http://www.trudprotest.org/2022/03/03/трудовые-протесты-в-россии-в-2021-г-отрасл/> (дата обращения: 30.05.2022).

самочувствия на индивидуальном и групповом уровнях [Vyalykh et al., 2021; Вялых, 2021], выявлены ценностно-мотивационные и эмоционально-психологические характеристики социального самочувствия медиков Ростовской области в условиях сложной эпидемиологической ситуации, которые нашли отражение в серии публикаций авторов.

В работе О. Ю. Посуховой проведен анализ институциональных условий, способствующих улучшению/ухудшению социального самочувствия медицинских работников в условиях пандемии, в результате которого установлена комплементарность институциональных изменений и функционирующих норм в системе здравоохранения: формальные нормы, обусловленные институциональной структурой (бесплатное обучение, создание условий для обучения), и неформальные нормы, определяемые институциональной средой (оплата обучения из личных средств, повышение квалификации в рабочее время, без отрыва от производства). Эти нормы дополняют друг друга и способствуют обеспечению стабильного функционирования института здравоохранения [Посухова, 2021].

Исследовательским коллективом рассмотрен уровень удовлетворенности медицинского сообщества Ростовской области мерами государственной поддержки в сложной эпидемиологической ситуации [Мосиенко, 2021], проведен анализ социально-экономической удовлетворенности врачей и среднего медицинского персонала в условиях пандемии коронавируса [Нор-Аревян, Черевкова, 2021; Нор-Аревян, Черевкова, 2022]. Сложная эпидемиологическая ситуация оказала влияние на социально-профессиональную сферу медработников, в частности на взаимоотношения в коллективе и с пациентами, а также на консолидированность внутри профессионального медицинского сообщества [Нор-Аревян, 2021] и в целом на профессиональное становление и развитие медиков [Черевкова, 2021].

Эти и другие индикаторы социального самочувствия профессионального медицинского сообщества рассматривались авторами в том числе в контексте угроз социально-профессиональной адаптации медиков в условиях распространения коронавирусной инфекции и активизации их протестной активности. В работах О. А. Овсяник [Овсяник, 2020], А. Б. Холмогоровой, С. С. Петрикова и коллектива авторов изучались отдельные профессиональные риски и деструктивное влияние пандемии на социальное самочувствие медицинских работников [Холмогорова и др., 2020]. К. Н. Царанов, В. А. Жильцов и соавторы рассматривали восприятие медиками угрозы личной безопасности в условиях пандемии коронавирусной инфекции [Царанов и др., 2020].

Тема протестной активности медицинских работников в сложных эпидемиологических условиях не получила должного внимания в научных публикациях периода пандемии, хотя ранее изучалась российскими авторами на материалах исследований в Иркутской области [Оболкин, 2015], г. Москва и г. Казань [Нор-Аревян, Мосиенко, 2018]. Некоторые аспекты протестов медиков рассмотрены в работах А. А. Довганенко на материалах мониторинга и анализа социально-трудовых конфликтов [Довганенко, 2022]. В работе О. Б. Иванова проводится типология социальных протестов в субъектах РФ [Иванов, 2022].

Методологической опорой настоящего исследования моделей поведения медицинских работников в условиях сложной эпидемиологической ситуации, включая готовность медиков к протестным действиям, выступает концептуальная схема социальной адаптации Р. Мертон (с незначительной корректировкой последовательности типов с акцентом на конструктивность поведения, а не его анонимность). Понятие социального самочувствия тесно связано с феноменом социальной адаптации. Как известно, Р. Мертон выделял пять типов социальной адаптации личности: конформизм, инновация, ритуализм, ретритизм и мятеж [Мертон, 2006], опираясь на базовые параметры которых, научный коллектив разработал и охарактеризовал типологию моделей социальной адаптации медицинских работников в условиях пандемии коронавируса: «инноваторы», «конформисты», «ритуалисты», «ретритисты», «мятежники» [Вялых, 2021]. Теоретическое значение типологизации моделей социальной адаптации состоит в сведении конгломерата поведенческих актов и индивидуальных жизненных миров медицинских работников к упрощенным научным конструктам для адекватного понимания текущей ситуации и разработки инструментов государственной поддержки профессионального медицинского сообщества.

Описание эмпирической базы исследования

В 2020–2022 годах коллективом ученых Южного федерального университета было проведено эмпирическое исследование с использованием качественных и количественных методов, включавшее два этапа.

На первом этапе с октября 2020 года по февраль 2021 года была проведена серия глубинных интервью с врачами и средним медперсоналом государственных учреждений здравоохранения Ростовской области (г. Ростов-на-Дону, Азов, Гуково, Сальск, Таганрог, Шахты и др.). Всего было проведено 40 интервью, по 10 интервью в каждой группе (врачи, работающие в моноинфекционных госпиталях; врачи, не работающие с ковид-пациентами; средний медперсонал, работающий в моноинфекционных госпиталях; средний медперсонал, не работающий с ковид-пациентами). Половина интервью проходила в ситуации face-to-face, другая половина — онлайн (Skype / WhatsApp / Zoom) из-за сложной эпидемиологической ситуации. Поиск информантов осуществлялся при помощи метода снежного кома.

Второй этап — массовый анкетный опрос врачей и среднего медицинского персонала Ростовской области в феврале — апреле 2022 года по стратифицированной выборке. Всего было опрошено 402 представителя высшего медицинского персонала (32,3% — мужчин, 67,7% — женщин) и 434 представителя среднего медицинского персонала (11,3% мужчин, 88,7% — женщин). Возрастные распределения представлены следующим образом: от 18 до 30 лет — 25,4%, от 31 до 49 лет — 16,8%, от 40 до 49 лет — 27,9%, от 50 до 59 лет — 22,3%, старше 60 лет — 7,6%. В Ростове-на-Дону (далее — РнД) и населенных пунктах Ростовской области (далее — РО) было опрошено 51,7% и 48,3% респондентов соответственно. Точки проведения опроса были

выбраны с учетом различной степени благополучия по заболеваемости COVID-19¹ (Азов, Новочеркасск, Шахты, Константиновск, Цимлянск, ст. Казанская). Доверительная вероятность — 95%; доверительный интервал — 5%.

Удовлетворенность медиков Ростовской области различными сторонами жизни

Социальное самочувствие, понимаемое как субъективное восприятие и оценка медицинским работником уровня своих достижений, степени реализации своих социальных потребностей, эффективности жизненной стратегии с учетом социокультурного контекста и объективных факторов, включает в себя описание таких индикаторов, как удовлетворенность индивидуальными и социальными условиями жизнедеятельности, наличие и специфика субъективно переживаемой неопределенности жизненной ситуации (уверенность в завтрашнем дне; жизненная позиция; удовлетворенность жизнью; оценка личной безопасности, уверенность в оказании необходимой помощи со стороны семьи и государства; эмоционально-психологическое состояние, страхи и тревоги; состояние физического здоровья). Эпидемиологическая ситуация актуализирует введение дополнительных индикаторов социального самочувствия медиков: взаимоотношения в коллективе (с руководством, с коллегами) и с пациентами; степень справедливости существующей системы оплаты труда в здравоохранении; представления о престижности медицинской профессии; субъективно ощущаемая безопасность в условиях работы с ковид-пациентами [Vyalykh et al., 2021].

Проведенное исследование показало, что медицинские работники Ростовской области фиксируют удовлетворение состоянием здоровья. Естественно, они при этом отмечали некоторое ухудшение состояния здоровья на фоне заболевания коронавирусной инфекцией и длительность восстановительного процесса, но на вопрос «Вы удовлетворены в целом состоянием здоровья в настоящий момент?» ответы даются положительные: «В целом неплохо» (муж., 27 лет, врач, РО); «Да, удовлетворен» (муж., 38 лет, медбрат, РО).

Более развернутые ответы информантов мы получили на вопрос «Как изменилось Ваше состояние здоровья, в том числе физическое самочувствие?»:

«Усталости стало побольше гораздо. После дежурства стало больше нужно времени. В эмоциональной сфере стали почерствее. Потому что такого конвейера не было раньше. Мы переживаем. Здоровьем в целом удовлетворен» (муж., 35 лет, врач, РНД);

¹ Мониторинг ситуации по предупреждению распространения COVID-19 в муниципальных образованиях Ростовской области (светофор) // Официальный портал Правительства Ростовской области: [сайт]. URL: <https://www.donland.ru/activity/2648/> (дата обращения: 30.05.2022); Число подтвержденных случаев COVID-19 увеличилось в Ростовской области на 4474 // Официальный портал Правительства Ростовской области [сайт]. 13.02.2022. URL: <https://www.donland.ru/news/17120/> (дата обращения: 30.05.2022).

«Да я не ощущаю особо. Все мы переболели. Однозначно. У кого-то больше антитела, у кого-то меньше. Работаем. Не могу сказать, что я стала чувствовать себя хуже, чем до» (жен., 60 лет, врач, РНД);

«В принципе, я чувствую себя отлично, поэтому особых изменений я не заметил» (муж., 38 лет, медбрат, РО).

Удовлетворенность состоянием здоровья в целом фиксируется и по итогам массового анкетного опроса. В сумме показателей «удовлетворен полностью» и «удовлетворен частично» средний медицинский персонал в большей мере оценивает состояние здоровья лучше, чем врачи: 72,6% против 68,7% (см. таблицу 1).

Таблица 1

**Распределение ответов на вопрос
«Насколько Вы лично удовлетворены следующими сторонами своей жизни?», %**

Сферы жизни	Высший медперсонал				Средний медперсонал			
	Полностью удовлетворен	Частично удовлетворен	Частично не удовлетворен	Совсем не удовлетворен	Полностью удовлетворен	Частично удовлетворен	Частично не удовлетворен	Совсем не удовлетворен
Работой в настоящее время	44,8	37,3	11,9	6,0	46,8	36,2	12,4	4,6
Профессиональной карьерой	48,3	36,8	9,0	6,0	41,7	42,2	10,6	5,5
Проведением свободного времени после работы	27,4	38,8	18,4	15,4	29,3	48,2	12,9	9,7
Материальным положением семьи	17,4	52,2	16,9	13,4	15,2	55,3	16,8	12,7
Состоянием своего здоровья	22,4	46,3	18,9	12,4	21,9	50,7	18,4	9,0
Отношениями с членами семьи	62,7	28,4	7,0	2,0	71,2	21,9	5,5	1,4
Жилищными условиями	54,7	27,9	11,4	6,0	43,3	40,8	11,5	4,4
Условиями жизни в вашем населенном пункте	31,8	37,8	21,4	9,0	19,8	56,7	16,4	7,1
Тем, как складывается ваша жизнь в целом	36,3	41,8	18,4	3,5	30,2	57,1	9,9	2,8

По материалам глубинных интервью также медики высказывались о том, что семья — их спасательный круг, где с пониманием отнеслись к выполнению профессиональных задач:

«Переживания в семье были, недовольства не было. Все прекрасно понимают, что вероятность заболеть в продуктовом магазине гораздо выше, чем на рабочем месте. Потому что на рабочем месте ты используешь средства защиты» (муж., 38 лет, врач, РнД).

В семье медики отдыхают, но в то же время испытывают беспокойство и тревогу по поводу здоровья своих близких, некоторые из опрошенных потеряли родных в результате заболевания коронавирусной инфекцией.

Полученные в ходе глубинных интервью выводы подтверждаются количественными данными: наиболее благополучной сферой жизни для обеих профессиональных категорий медиков выступает семья (см. таблицу 1). И врачи, и средний медицинский персонал ставят взаимоотношения в семье на первую ступень иерархии удовлетворенностей: полностью удовлетворенными семейными взаимоотношениями считают себя 71,2% средних медработников и 62,7% врачей.

Исследование показало, что медики в целом удовлетворены и своими жилищными условиями: 54,7% врачей и 43,3% среднего медперсонала полностью, а 27,9% врачей и вдвое больше (40,8%) средних медицинских работников удовлетворены частично. Материалы глубинных интервью позволили выявить, что, несмотря на удовлетворенность этим параметром социального самочувствия, медики не отказались бы улучшить свои жилищные условия:

«В целом удовлетворен. Конечно, хотелось бы расширения» (муж., 35 лет, врач, РнД);

«Мне досталось наследство от бабушки. У меня частный дом. В настоящий момент хотелось бы улучшить, но я понимаю, что я не потяну» (жен., 47 лет, медсестра, РнД);

«Хотелось бы расширения... Хотелось бы вместо однокомнатной хотя бы двухкомнатную» (жен., 38 лет, врач, РО).

Основными причинами неудовлетворенности информанты назвали отсутствие собственного жилья, нехватку жилой площади, ветхость жилья, необходимость делать ремонт, ипотечные условия его приобретения.

В оценках удовлетворенности работой и карьерой по итогам анкетного опроса респонденты демонстрируют позитивные настроения: среди опрошенных врачей своей работой «полностью удовлетворены» 44,8% и «удовлетворены частично» 37,3%, для медицинского персонала средней квалификации эти доли составляют 46,8% и 36,2%. Каждый десятый медработник удовлетворен своей работой частично (11,9% и 12,4% соответственно врачей и среднего

медперсонала). Профессиональная карьера в большей мере удовлетворяет врачей (48,3%) против 41,7% среднего медицинского персонала.

На фоне удовлетворенности заработной платой и материальным положением медработников, вовлеченных в работу с ковид-пациентами, и болезненной социально-экономической неудовлетворенностью медработников, не связанных с работой с ковидом, фиксируется двойственность позиции информантов по вопросу справедливости существующей системы оплаты труда: с одной стороны, доплаты совершенно справедливы для работников красных зон, так как их труд тяжелый и неопенимый в условиях пандемии, а с другой стороны, несправедливой считается дифференцированность размеров доплат относительно работы с ковид-пациентами в условиях стационара и вне его. Основной аргумент тех, кто считает несправедливой подобную дифференциацию оплаты труда, состоит в том, что рискуют все, так как ковид-статус пациента заранее никому не известен, а выплаты «постфактум» за взаимодействие с пациентами, чей ковид-статус подтвердился только спустя время, несопоставимы с вознаграждениями работников ковид-госпиталей.

Материальное положение своей семьи оценивается медиками сдержанно: большая часть — 52,2% опрошенных врачей и 55,3% среднего медперсонала — удовлетворены своими материальными обстоятельствами частично, и лишь 17,4% врачей и 15,2% среднего медперсонала — полностью.

Принятые Правительством РФ меры финансовой поддержки и стимулирования труда медицинских работников повлияли на улучшение социального самочувствия медиков, работающих непосредственно с ковидной инфекцией. Однозначно положительно это воспринималось медиками, занятыми в работе с ковид-пациентами, о чем информанты говорили следующее:

«Естественно, уровень оплаты в красной зоне — он увеличился, никому не секрет, это благодаря дополнительным выплатам, которые выплачивало государство сотрудникам, работающим в красной зоне» (муж., 32 года, врач, РнД);

«Есть дополнительные выплаты, это дает определенную хорошую подушку в экономической системе, в экономическом плане» (жен., 40 лет, медсестра, РО).

Несмотря на удовлетворенность материальным положением своей семьи, врачи в меньшей мере удовлетворены условиями жизни в своем населенном пункте: каждый пятый респондент ответил, что не удовлетворен частично (21,4%), 9,0% полностью не удовлетворены и только 37,8% частично удовлетворены условиями жизни. Средний медперсонал фиксирует удовлетворенность этим параметром в большей мере: 19,8% ответили «полностью удовлетворен» и 56,7% — «частично удовлетворен».

Материалы глубинных интервью позволяют говорить об удовлетворенности сложившимся микроклиматом, однако прослеживается разница в оценках информантами взаимоотношений в коллективе в доковидный

период и в пандемию. Если в доковидный период информанты дают положительную оценку отношений в коллективе, которая не носит ярко выраженной эмоциональной окраски и представлена односложными высказываниями, то ситуация пандемии оценивается как консолидировавшая врачей, средний медперсонал и заведующих отделениями, что проявляется в развернутом описании отношений в коллективе через понятия «дружба», «сплоченность», «поддержка», «коллектив как семья»:

«Я бы сказала, что это очень сильно объединило людей. Я созванивалась с врачами с другого города, которые тоже работают с коронавирусной инфекцией, мы обменивались данными, это поддерживало наше общение, поэтому я считаю, что это объединило людей» (жен., 24 года, врач, РнД);

«Медицинское сообщество консолидировалось, так как мы стали чаще помогать друг другу, раньше все были на своей волне, а сегодня все понимают, что сегодня поможешь ты, завтра помогут тебе» (муж., 36 лет, фельдшер, РО).

По результатам исследования в целом можно зафиксировать удовлетворенность медиков Ростовской области тем, как складывается их жизнь. Однако важно подчеркнуть особую роль восприятия ими справедливости дифференцированной оплаты труда медицинских работников, занятых или незанятых в работе с ковид-пациентами. Этот параметр удовлетворенности выступает ключевым в определении социальных настроений медиков и обосновывает выбор ими модели социальной адаптации в условиях пандемии коронавируса.

Обеспокоенность медиков Ростовской области профессиональными рисками

Важной составляющей социального самочувствия профессионала, его уверенности в своем благополучии выступает оценка вероятности наступления тех или иных неблагоприятных событий в социально-экономической и профессиональной сфере. Социально-экономические риски связаны с вероятностью потери работы, роста неоплачиваемой трудовой нагрузки, ухудшения материального положения, вызванного несоответствием индексации заработной платы уровню инфляции и т. д. С точки зрения Трудового кодекса РФ и охраны труда, «профессиональный риск — вероятность причинения вреда здоровью в результате воздействия вредных и (или) опасных производственных факторов при выполнении работником обязанностей по трудовому договору»¹. В нашем исследовании профессиональные риски рассматривались

¹ Статья 209. Основные понятия. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/78f36e7afa535cf23e1e865a0f38cd3d230eecf0/ (дата обращения: 01.09.2022).

шире, чем вероятность причинения вреда здоровью, к ним были отнесены также отсутствие возможности карьерного и профессионального развития, отсутствие возможности стажировок, участия в конференциях.

Медикам предлагалось ответить на вопрос анкеты: «Насколько сильно Вас беспокоят в настоящее время следующие профессиональные риски?», выбрав один из вариантов ответа: совсем не беспокоит, скорее не беспокоит, скорее беспокоит, очень беспокоит.

Таблица 2

**Распределение ответов на вопрос
«Насколько сильно Вас беспокоят в настоящее время следующие
профессиональные риски?», %**

Профессиональные риски	Высший медперсонал				Средний медперсонал			
	Совсем не беспокоит	Скорее не беспокоит	Скорее беспокоит	Очень беспокоит	Совсем не беспокоит	Скорее не беспокоит	Скорее беспокоит	Очень беспокоит
Повышенное нервно-психическое напряжение, эмоциональное выгорание	12,9	18,9	39,3	28,9	24,9	12,9	25,4	36,9
Рост трудовой нагрузки без увеличения зарплаты	14,9	22,9	31,8	30,4	7,1	28,1	31,1	33,6
Риск причинения вреда здоровью (риск заражения себя или членов своей семьи)	18,4	23,4	28,4	29,9	23,0	14,5	22,4	40,1
Потеря работы	15,4	29,4	21,9	33,3	15,2	28,1	16,4	40,3
Сокращение или задержка зарплаты	25,4	26,9	29,9	17,9	34,8	17,3	21,9	26,0
Отсутствие возможности профессионального развития	22,4	36,8	30,4	10,5	17,3	41,2	26,5	15,0
Вынужденный переход на другой график работы	24,9	37,3	25,4	12,4	17,1	44,7	21,9	16,4
Отсутствие возможности стажировок, участия в конференциях	39,3	28,4	19,4	12,9	29,0	37,8	21,9	11,3
Отсутствие возможностей для карьеры	36,8	31,8	21,4	10,0	24,9	44,01	17,7	13,4

Из представленной таблицы следует, что в наибольшей степени медики обеспокоены следующими рисками: повышенного нервно-психического напряжения и эмоционального выгорания (в той или иной степени им обеспокоены 68,2% врачей и 62,2% опрошенных представителей среднего медперсонала);

роста трудовой нагрузки без увеличения зарплаты (62,2% и 64,8%); причинения вреда здоровью (58,2% и 62,4%) и потери работы (55,2% и 56,7%).

В глубинных интервью все эти риски также артикулировались, однако в первую очередь информанты упоминали риск причинения вреда здоровью. Причем на фоне общего внимания к коронавирусной инфекции медики часто делали фокус на рисках, которые присутствовали в их деятельности и до начала пандемии:

«Первое — заразиться. Самый большой риск» (кардиолог, терапевт, жен., 50 лет, РнД);

«ВИЧ, гепатит... Если я буду аккуратно работать, то не заражусь, но уколоться легко, это постоянно происходит, невозможно этого избежать. Туберкулез повсеместный» (медсестра, 22 год, РнД).

Медики, работающие в моноинфекционных госпиталях, риск заражения оценивали по-разному в зависимости от обеспеченности средствами индивидуальной защиты:

«Я чувствую себя абсолютно безопасно. Возможно, на рабочем месте мы защищены даже лучше, чем когда выходим на улицу» (врач, ординатор, жен., 25 лет, РнД);

«Защита у нас для вида. Это не респираторы, это просто две марлевые повязки. Они никак не предотвратят заражение. — А для чего тогда их носить? — Грубо говоря, для вида. Чтобы было хоть какое-то ощущение того, что это ковидный госпиталь. И когда ты наклоняешься к больному, то шанс заразиться очень высок» (медбрат, 21 год, РнД).

Наиболее уязвимыми в плане заражения коронавирусной инфекцией чувствовали себя информанты, которые работают в учреждениях, неперепрофилированных под лечение пациентов с коронавирусной инфекцией. Очень остро этот риск ощущают информанты, приживающие с маленькими детьми или пожилыми родственниками.

Риск роста трудовой нагрузки без увеличения зарплаты информантами в интервью часто описывался как свершившийся факт:

«— С ростом неоплачиваемой нагрузки сталкивались? — Это постоянно, это всегда было» (невролог, муж., 61 год, РО);

«Есть увеличение количества рабочих часов без моего согласия. Тяжко, просто тихо смиряешься, и все. Не имеет значения пандемия, это просто из-за нехватки кадров» (медсестра, 23 года, РнД);

«В конце года нам дали план 260, когда всегда был план 120 по диспансеризации. Сказали: работайте, девчонки, и никто не оплатил» (медсестра, 47 лет, РнД).

Риск нервно-психического напряжения и эмоционального выгорания ожидаемо в большей степени беспокоит медиков, задействованных в лечении пациентов с коронавирусной инфекцией (80,6% респондентов его отметили как в той или иной мере беспокоящий против 60,6% в группе медиков, не работающих с ковид-пациентами). И именно этот риск становится причиной возникновения мыслей о смене профессии:

«Желания работать в этой структуре дальше нет. Сейчас уже больше занимаюсь тем, что мне нравится, — частной практикой, и профессиональное выгорание стало отходить. Когда я занималась полностью поликлиникой, у меня профессиональное выгорание уже дошло до такого, что собиралась уходить из профессии» (педиатр, жен., 38 лет, РнД);

«Бросить и уйти! Уйти вообще из медицины! Бывало такое настроение. А потом подумаешь, подумаешь: “А что ты еще можешь, кроме того, что ты лечишь людей?”. И все» (врач ковидной бригады скорой помощи, жен., 50 лет, РО).

Вместе с тем некоторые информанты отмечали полное отсутствие симптомов эмоционального выгорания:

«Я люблю свою работу и хожу туда с удовольствием, поэтому... (пауза) Я — фанатка скорой помощи, поэтому я на работу всегда хожу с удовольствием» (старший врач скорой помощи, жен., 38 лет, РнД).

Медики, которые только начинают свой профессиональный путь в пандемию, о своей работе отзываются так:

«Пока... (смеется) молодой, энергичный, можно в таких условиях поработать. У меня такое представление, что если пройти через огонь и воду, то другие условия тебе уже будут казаться детскими» (медбрат, 21 год, РнД).

Риск потери работы также беспокоит более половины опрошенных и среди врачей, и среди среднего медперсонала. Как и риск профессионального выгорания, он более ярко выражен среди медиков, работающих с коронавирусной инфекцией (68,8% против 52,3%):

«Всегда, по крайней мере меня, будет беспокоить потеря работы» (врач, акушер-гинеколог, муж., 32 года, РнД);

«Страшнее всего — это, так скажем, потерять основу, то есть работу, которая является источником дохода» (врач, педиатр, офтальмолог, жен., 38 лет, РО).

Для медиков моноинфекционных госпиталей потеря работы в госпитале и возвращение к прежнему уровню заработной платы является весьма чувствительной темой:

«Если прекратят выплаты медперсоналу, который работает в ковидных госпиталях, мы все вернемся на свои прежние рабочие места. Работать никто не будет, потому что все из-за этих выплат работают. Потому что очень тяжело, в напряжении и опасно. Все работаем именно из-за этих выплат» (медсестра, 47 лет, РнД).

Сокращение или задержка заработной платы беспокоит чуть менее половины респондентов. Из анализа интервью следует, что окладная часть заработной платы всегда перечисляется работникам вовремя, а вот дополнительные выплаты в начале пандемии ввиду административных проволочек часто приходили с задержками:

«Были задержки с оплатой по стимулирующим выплатам, не относящимся к ковиду, а относящимся к тем, которые были до этого. Но тут связано с администрацией стационара, там свои сложности были. Наше начальство посчитало, что их выплачивать нам не стоит, потому что мы получаем выплаты из-за пандемии, и поэтому они с нас их сняли» (врач ковидной бригады скорой помощи, жен., 50 лет, РО).

Снижение заработной платы в период пандемии отмечали медики учреждений, в которых не оказывается помощь пациентам с коронавирусной инфекцией:

«Смотришь и не понимаешь, точнее понимаешь, что очень мало, что меньше стала зарплата, начинаешь звонить в бухгалтерию, а тебе так все красиво распишут... Поурезали все. <...> Если и дальше будет так же, а хуже уже некуда, то придется что-то менять, чтобы было на что жить» (медсестра родильного дома, 45 лет, РО).

Риски, связанные с отсутствием возможностей для карьерного роста и профессионального развития, медики отметили как наименее беспокоящие. Значительная часть информантов не стремится к продвижению по карьерной лестнице:

«У меня есть предложения по продвижению по карьерной лестнице, но в один прекрасный момент мы с семьей решили, что... (пауза) наверное, это и не нужно» (эндокринолог, педиатр, жен., 37 лет, РО);

«Когда-то очень давно я для себя решила, что хочу быть исключительно медсестрой, ни врачом, ни старшей медсестрой, ни там каким-нибудь (улыбается) менеджером по медобразованию. Нет, вот я хочу застыть (смеется) в таком вот образе» (медсестра, 29 лет, РнД).

Профессиональное развитие в аспекте углубления и обновления знаний, освоения дополнительных специализаций достигается медиками за счет регулярного обязательного прохождения аттестации и повышения квалификации, в том числе с использованием Портала непрерывного медицинского и фармацевтического образования Минздрава РФ. В целом медики удовлетворены имеющимися возможностями профессионального развития:

«Информацию преподают достаточно качественно. Содержательное, все по факту. Не объемно, воды никакой нет» (фельдшер, жен., 28 лет, РО);

«Вся система НМО сделана как модернизация, чтобы держать докторов и медсестер в тонусе, потому что доктор, который не занимается самообразованием, — это ненастоящий доктор» (врач, онколог, жен, 25 лет, РнД).

Таким образом, необходимо отметить высокий уровень обеспокоенности медиков рисками причинения вреда здоровью и повышенного нервно-психического напряжения, эмоционального выгорания. Также фиксируется высокая обеспокоенность социально-экономическими рисками, что выступает признаком прекаризации трудовых отношений. Далее рассмотрим, какие конкретно шаги готовы предпринимать медики для защиты своих трудовых прав.

Готовность к протестной активности в оценках медиков Ростовской области

Выявленная исследованием высокая обеспокоенность работников своими рисками ожидаемо должна приводить к потенциально высокой протестной активности. Протестная активность медиков в рамках данного исследования понимается как деятельное проявление целенаправленного коллективного недовольства условиями труда посредством открытых форм массового поведения — проведения митингов, демонстраций, голодовок, а также привлечения средств массовой информации [Юдина и др., 2020].

Безусловно, протестная активность медиков в 2020–2021 годах во многом обусловлена влиянием пандемии. По данным Мониторинга социальных протестов, в 2020 году отмечался колоссальный рост протестной активности медиков в России до 37% из общего количества протестов во всех отраслях экономики. В 2021 году доля протестов медиков снизилась до 19%, но здравоохранение продолжает сохранять свою позицию в тройке лидеров.

Медицинские работники выступали с протестами и ранее. По результатам мониторинга протестной активности в III квартале 2019 года, проведенного Центром социально-трудовых прав, распределение трудовых протестов по секторам было совсем не типичным: уже тогда наибольшее число акций относилось к сфере здравоохранения — больше, чем во всех секторах материального производства вместе взятых¹.

В рамках настоящего исследования для выявления стратегий действий медиков по защите трудовых прав и оценки их протестного потенциала респондентам задавался вопрос «Как Вы поступите в случае нарушения Ваших трудовых прав (рост неоплачиваемой нагрузки, сокращение зарплаты, потеря работы и др.)?» (см. табл. 3).

Таблица 3

**Распределение ответов на вопрос
«Как Вы поступите в случае нарушения Ваших трудовых прав
(рост неоплачиваемой нагрузки, сокращение зарплаты, потеря работы и др.)», %**

Действия	Высший медперсонал		Средний медперсонал	
	Скорее да	Скорее нет	Скорее да	Скорее нет
Обращусь к руководству	75,1	24,9	83,2	16,8
Обращусь в инспекцию охраны труда	23,9	76,1	21,7	78,3
Обращусь в органы власти, прокуратуру, Роспотребнадзор	20,4	79,6	18,2	81,8
Обращусь в СМИ (газеты, радио, ТВ)	8,5	91,5	6,0	94,0
Подать иск в суд самостоятельно или обратиться к юристу для защиты своих трудовых прав	17,4	82,6	16,1	83,9
Обращусь в общественные организации по защите трудовых прав, в профсоюз	20,9	79,1	40,3	59,7
Приму участие в митинге, демонстрации, других акциях протеста	4,0	96,0	6,5	93,6
Напишу заявление об увольнении по собственному желанию	40,8	59,2	30,9	69,1
Ничего не буду делать	38,8	61,2	18,9	81,1

По результатам опроса, первоочередным и наиболее популярным действием по защите трудовых прав является обращение к руководству — прежде

¹ Доклад «Как протестуют россияне. Результаты мониторинга протестной активности в третьем квартале 2019 года» // Официальный сайт Центра социально-трудовых прав: [сайт]. URL: http://trudprava.ru/images/content/Monitoring_3_Quart_2019.pdf (дата обращения: 30.05.2022).

всего, на местном уровне. Информанты также демонстрируют установку на мирное разрешение проблемных ситуаций:

«Действия всегда стандартные: как доктор я обязан обратиться к заведующему отделением, сообщить о ситуации, спросить “почему”, как минимум. Далее начальник медицинской части, главврач, форумы поддержки и все остальное, это уже крайние меры...» (врач, педиатр, муж., 27 лет, РО);

«В первую очередь к руководству, потому что руководитель — непосредственно кто может на что-то повлиять» (врач, педиатр, офтальмолог, жен., 38 лет, РО).

Если обращение к руководству не решит ситуацию с нарушением трудовых прав, пятая часть респондентов готова обратиться в Государственную инспекцию труда и другие органы власти, в том числе прокуратуру, Роспотребнадзор и суд:

«Суд — это последняя инстанция. Больше буду идти к начальству. Я медбрат, потом идет старшая медсестра, заведующая отделением, потом идет главврач и так далее. Буду идти постепенно. Если не удастся решить на одной ступени, буду дальше идти» (медбрат, 22 года, РнД).

Фельдшер ковидной бригады скорой помощи рассказывает о случае с несправедливым распределением стимулирующих выплат:

«Когда в начале [пандемии] Правительство страны поручило губернаторам областей выплаты распределить вот эти стимулирующие, наш Минздрав посчитал, что не за 1 контакт с ковидом вы будете получать в месяц, а за количество отработанных часов. В общем, они заплатили в первый месяц мне лично 2200, кому-то вообще 800 рублей, и они настаивали на том, что это правильно, так и имел в виду президент. Но мы общаемся с другими регионами, я вот созванивалась из Москвы с друзьями, из Питера — они говорят: “Нет, мы получаем в полном объеме за один контакт. Все как президент сказал”. И тогда начались по всей стране волны возмущения. И мы были вынуждены объединиться в группу такую большую скоропомощную по Ростовской области, там были добавлены люди из разных сел и городов даже, со всей области. И выяснилось тогда, что ставка фельдшера в нашей области у каждого населенного пункта своя. И это настолько нас тогда выбило из колеи: почему здесь получают 7800 ставка, а где-то 12900, а где-то 3000. В итоге мы добились своего с помощью юриста, отправляли письмо в прокуратуру, президенту, правительству» (жен., 28 лет, РО).

Характерно использование социальных сетей, мессенджеров для объединения и защиты коллективных интересов, профессиональное юридическое представительство интересов медиков.

Интересно, что доверие к общественным организациям, и в том числе к профсоюзу, среди респондентов из числа среднего медперсонала в два раза выше, чем среди респондентов-врачей:

«Так как я выплачиваю определенные выплаты, соответственно, я имею право пойти. Они должны выступить на моей стороне, рассмотреть все стороны. До такого еще не доходило, но как альтернатива есть. Я знаю, что такие организации есть, и я могу, имею право туда обратиться за помощью» (медбрат, 22 года, РнД).

Однако за рамками исследовательской оптики остался вопрос о том, каким именно профсоюзам доверяют 20,9% опрошенных врачей и 40,3% представителей среднего медперсонала — «провластному» Профсоюзу работников здравоохранения РФ или «независимым» профсоюзным организациям «Альянс врачей», «Действие», «Врачи России».

Обращение в СМИ с целью привлечения внимания к ситуации, участие в митингах и демонстрациях, забастовках — наименее популярные варианты действий в случае нарушения трудовых прав, поэтому протестный потенциал медиков Ростовской области можно оценить как невысокий.

Гораздо больше процентов набрали варианты ответа «напишу заявление об увольнении по собственному желанию» и «ничего не буду делать». В интервью медики объясняют причины отказа от защиты своих прав:

«Мы боимся за свои права сражаться. Не было такого случая, но даже если и будет, то мы, скорее, закроем на это глаза. Как это ни печально, но так и будет» (медбрат, 20 лет, РнД);

«Один в поле не воин. Это нужно, чтобы делал коллектив. Тогда это даст результат. Как я уже говорила ранее, если с тобой люди говорят одно в курилке, а на самом деле совершенно другое. Я выступлю инициатором, но нужно, чтобы коллектив поддержал» (медсестра, 47 лет, РнД);

«Сначала ты ищешь правду, а потом новое место работы. Правда — она никому не нужна. Будешь пытаться отстаивать, тебе скажут — пожалуйста. Других условий нет, ищи там, где тебе интересно. Активные действия ни к чему не приведут» (врач, хирург-онколог, муж., 38 лет, РнД).

Таким образом, фиксируется ориентированность большинства опрошенных медиков Ростовской области на конформистское поведение в условиях пандемии коронавируса, так как медики на первое место ставят реализацию профессиональных задач и свой профессиональный долг, а личные интересы отходят на второй план. Вместе с тем по вопросу нарушения трудовых прав

в условиях пандемии (слабая обеспеченность средствами индивидуальной защиты, увеличение трудовой нагрузки, неудобства организации труда) респонденты не проявили готовности вступать в конфликт с высшим руководством, а выразили намерение взаимодействовать по этому вопросу со непосредственным начальством и использовать предусмотренные законодательно способы защиты своих прав, либо не предпринимать никаких мер вовсе. Чем отстаивать справедливость, многие из них скорее готовы уйти из профессии вовсе. Такая модель поведения, хотя и выглядит соглашательской, на самом деле потенциально продуцирует рост социальной напряженности, а для органов власти представляет угрозу обострения проблемы кадрового дефицита медицинских работников в регионе.

Заключение

По итогам проведенного исследования можно сделать вывод, что полученные результаты фиксируют оптимистические оценки социального самочувствия на индивидуальном и групповом уровне. Полученные в ходе глубинных интервью и анкетного опроса данные позволяют говорить об удовлетворенности медиков Ростовской области своим здоровьем, жилищными условиями, отношениями с членами семьи и тем, как складывается жизнь в целом. Эти параметры социального самочувствия выступают наименее стрессовыми для медиков и не несут в себе протестный потенциал.

Материальное положение своей семьи оценивается медиками как лишь частично удовлетворительное, однако респонденты демонстрируют в целом позитивные настроения в оценках удовлетворенности своей работой и карьерой. При этом и материальное положение семьи, и профессиональная карьера в большей мере удовлетворяют высший медицинский персонал по сравнению с оценками среднего медицинского персонала, что вполне объяснимо разностью заработных плат медицинских работников высшего и среднего звена.

Однако эмпирическая оценка индикаторов позволила выявить и те аспекты социального самочувствия, которые несут в себе потенциал протестной активности ростовских медиков. По поводу своевременности оплаты труда и справедливости ее дифференциации медицинские работники не готовы молчать, и если по вопросам условий труда они готовы мирно решать ситуацию с администрацией учреждения, то в вопросах задержки и/или недоплаты заработной платы медики готовы выходить с протестами на уровень региональной и федеральной власти. В этом отношении мы можем констатировать наличие потенциала протестной активности медицинских работников Ростовской области, который и проявлялся всплесками протестов медиков как в период пандемии, так и в предыдущие годы.

Анализ профессиональных рисков показал, что наибольшую тревогу у медиков вызывают риски повышенного нервно-психического напряжения и эмоционального выгорания, роста трудовой нагрузки без увеличения зарплаты, причинения вреда здоровью и потери работы. Следует отметить,

что указанные риски более выражены в группе медиков, задействованных в работе с пациентами с коронавирусной инфекцией. Однако риски повышенного нервно-психического напряжения и эмоционального выгорания скорее побуждают медиков к мыслям о смене места работы или даже профессии, но потенциала протестной активности сами по себе не несут.

Вместе с тем медики Ростовской области готовы применять различные стратегии адаптационного поведения в условиях нарастающих рисков и преимущественно демонстрируют установку на мирное разрешение проблемных ситуаций административным способом (обращение за разъяснениями к заведующим отделениями, к высшему руководству медучреждения). В отношении нарушения трудовых прав медики готовы пойти дальше и рассчитывают в решении трудовых споров преимущественно на Государственную инспекцию труда и судебные органы. В меньшей степени они доверяют профсоюзным и общественным организациям. Обращение в СМИ с целью привлечения внимания к ситуации, участие в митингах и демонстрациях, забастовках по итогам опроса респондентов оказались наименее популярными вариантами действий в случае нарушения трудовых прав. Поэтому протестный потенциал медиков Ростовской области на момент проведения опроса (февраль-март 2022 года) можно оценить как невысокий, что характеризует в том числе ориентацию медиков на выполнение прежде всего профессиональных задач, даже в ущерб своим трудовым правам.

Концепт социальной адаптации позволил рассмотреть социальное самочувствие не как искусственный конструкт, но как динамическую характеристику профессионального мышления медицинских работников.

Полученные нами социологические данные показали, что в условиях пандемии преобладают конформистская и инновационная модели социальной адаптации. Инновационный характер социальной адаптации в большей мере проявили медицинские работники, принявшие сознательное и прагматичное решение переквалифицироваться, чтобы трудиться в красной зоне. Конформисты в силу консервативности профессионального мышления скорее адаптируются к изменяющимся условиям деятельности с меньшим проявлением субъектности.

Исследование показало также, что гражданская активность минимизирована. В подавляющем числе интервью присутствует однозначная позиция — отказ от отстаивания своих прав в случае их нарушения. При этом врачи и средний медперсонал говорят о том, что их права уже неоднократно нарушались: увеличение трудовой нагрузки, изменения графика работы, принудительный уход в неоплачиваемый отпуск, сокращение заработной платы. Проблемы решались через личные контакты с руководством, и этим вся активность ограничивалась. Медики не видят смысла отстаивать свои трудовые права, понимая, что их нарушение — это «системное решение», и изменить его шансов мало. Однако имеется одно исключение — отстаивание своих прав на повышенные выплаты за работу с ковид-пациентами фельдшерами скорой помощи. Ключевую роль здесь сыграла возможность апеллировать к провозглашенным президентом РФ обязательствам по выплатам, которые не были выполнены в регионе, то есть указание на противоречие в функционировании разных уровней «системы».

Литература

Булгакова О. С. Психофизиология медиков: до пандемии COVID-19 и на сегодняшний день (постановка проблемы) // Приложение международного научного журнала «Вестник психофизиологии». 2021. № 1. С. 26–34. EDN: IALLHI

Вялых Н. А. Факторы социального самочувствия профессионального медицинского сообщества в условиях пандемии нового коронавируса // Гуманитарий Юга России. 2021. Т. 10. № 1. С. 102–110. DOI: <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2021.1.9>. EDN: PUAIMJ

Вялых Н. А. Социальное самочувствие профессионального медицинского сообщества Ростовской области в период пандемии COVID-19 (на материалах глубинных интервью) // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 64. С. 127–140. DOI: <https://doi.org/10.17223/1998863X/64/12>. EDN: PPXXKY

Гарева И. А. Социальное самочувствие врачей в современной системе здравоохранения // Вестник ТОГУ. 2014. № 4 (35). С. 295–300. EDN: TEQRQH

Довганенко А. А. Оценка ключевых факторов формирования социально-трудовой обстановки и развитие социально-трудовых конфликтов в условиях продолжающейся пандемии // Социальная политика и социальное партнерство. 2022. Т. 17. № 1. С. 33–39. DOI: <https://doi.org/10.33920/pol-01-2201-05>. EDN: DDDSNС

Иванов О. Б. Типология социальных протестов в субъектах Российской Федерации в 2019 году // Политика и Общество. 2022. № 1. С. 37–44. DOI: <https://doi.org/10.7256/2454-0684.2022.1.32019>. EDN: EOHOWQ

Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, 2006.

Мосиенко О. С. Удовлетворенность медицинского сообщества мерами государственной поддержки в сложной эпидемиологической ситуации (на материалах глубинных интервью медиков Ростовской области) // Гуманитарий Юга России. 2021. Т. 10. № 3. С. 64–76. DOI: <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2021.3.5>. EDN: KRXARW

Нор-Аревян О. А. Консолидация профессионального медицинского сообщества в условиях пандемии коронавируса (на материалах глубинных интервью в Ростовской области) // Гуманитарий Юга России. 2021. Т. 10. № 3. С. 77–89. DOI: <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2021.3.6>. EDN: PEXURD

Нор-Аревян О. А., Мосиенко О. С. Оценка удовлетворенности профессией российскими врачами крупных мегаполисов (на материалах социологического исследования в Москве и Казани) // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 7. С. 34–41. EDN: XUKQRV

Нор-Аревян О. А., Черевкова А. И. Социально-экономическая удовлетворенность врачей Ростовской области в условиях пандемии коронавируса (на материалах глубинных интервью) // Исторические основы профессиональной культуры в здравоохранении. Сборник статей международной научно-практической конференции / Отв. ред. М. Ю. Сурмач. Гродно: ГрГМУ, 2022. С. 197–203.

Нор-Аревян О. А., Черевкова А. И. Социально-экономическая удовлетворенность среднего медицинского персонала Ростовской области в период распространения коронавирусной инфекции // Здоровье населения: социальная регуляция в условиях кризиса. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / Под ред. Т. Н. Каменевой. Курск: КГМУ, 2021.

Оболкин Е. С. Сравнительный анализ протестного движения в сферах образования и здравоохранения Иркутской области в конце XIX века и роль отраслевых профсоюзов в социальном протесте // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2015. № 9 (104). С. 268–273. EDN: UJWFXF

Овсяник О. А. Социально-психологические особенности адаптации врачей к возникновению пандемии // Вестник МГОУ. Серия: Психологические науки. 2020. № 4. С. 75–81. DOI: <https://doi.org/10.18384/2310-7235-2020-4-75-81>. EDN: IZNGND

Полякова И. А. Жизненный мир врачей: социально-профессиональное положение и социальное самочувствие // Гуманитарий Юга России. 2022. Т. 11. № 2. С. 125–140. DOI: <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2022.2.10>. EDN: BXDIES

Посухова О. Ю. Институциональные условия профессионального развития медицинских работников (по материалам социологического исследования в период борьбы с COVID-19 // Теория и практика общественного развития. 2021. № 6. С. 41–50. DOI: <https://doi.org/10.24158/tipor.2021.6.6>. EDN: YURSUG

Социология пандемии. Проект коронаФОМ / Рук. авт. колл. А. А. Ослон. М.: Институт Фонда Общественное Мнение (инФОМ), 2021.

Тимербулатов В. М., Тимербулатов М. В. Здравоохранение во время и после пандемии COVID-19 // Вестник Академии наук РБ. 2020. Т. 35. № 2 (98). С. 77–87. DOI: <https://doi.org/10.24411/1728-5283-2020-10209>. EDN: GVGSDS

Холмогорова А. Б., Петриков С. С., Суроегина А. Ю., Микита О. Ю., Рахманина А. А., Рой А. П. Профессиональное выгорание и его факторы у медицинских работников, участвующих в оказании помощи больным COVID-19 на разных этапах пандемии // Неотложная медицинская помощь. Журнал им. Н. В. Склифосовского. 2020. Т. 9. № 3. С. 321–337. DOI: <https://doi.org/10.24411/1728-5283-2020-10209>. EDN: IENSL

Царанов К. Н., Жильцов В. А., Климова Е. М., Тарбастаев А. Г. Восприятие угрозы личной безопасности в условиях пандемии COVID-19 медицинскими сотрудниками США и России // Вестник МГОУ. 2020. № 2. С. 236–247. DOI: <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2020-2-1008>. EDN: DPMQNO

Царанов К. Н., Жильцов В. А., Климова Е. М., Тарбастаев А. Г. Восприятие угрозы личной безопасности специалистов — медиков в условиях пандемии COVID-19 // Менеджер здравоохранения. 2020. № 4. С. 15–19. DOI: <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2020-2-1008>. EDN: YGGHHJ

Черевкова А. И. Профессиональное становление медиков в условиях пандемии коронавируса (по материалам глубинных интервью) // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14. № 3. С. 96–102. DOI: <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2021-3-95-101>. EDN: PIONTI

Юдина Т. Н., Мазаев Ю. Н., Бормотова Т. М., Жуков П. С. Состояние и динамика протестной активности в современном российском обществе // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2020. № 1. С. 139–151. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2020-1-139-151>. EDN: YMCAEU

Vyalikh N. A., Nor-Arevyan O. A., Posukhova O. Y., Mosienko O. S., Cherevkova A. I. Methodological Matrix for Sociological Study of Social Well-being of the Professional Medical Community During a Complex Epidemiological Situation // Turismo: Estudos&Praticas (UERN). 2021. No 1. С. 25.

Сведения об авторах:

Нор-Аревян Оксана Аведиковна — кандидат социологических наук, доцент кафедры прикладной конфликтологии и медиации, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия. **E-mail:** noroks@yandex.ru. **РИНЦ Author ID:** 397645; **ORCID ID:** 0000-0002-0426-3743.

Черевкова Алена Игоревна — преподаватель кафедры прикладной конфликтологии и медиации, аспирант, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия. **E-mail:** yaitskova_a@mail.ru. **РИНЦ Author ID:** 1016048; **ORCID ID:** 0000-0003-0662-2268.

Статья поступила в редакцию: 01.06.2022
Принята к публикации: 09.09.2022

Protest Activity and Social Well-Being of the Rostov Region Medical Professionals During the Coronavirus Pandemic¹

DOI: 10.19181/inter.2022.14.3.5

Oksana A. Nor-Arevyan Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: noroks@yandex.ru

Alena I. Cherevkova Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: yaitskova_a@mail.ru

Period 2019–2021 is characterized by an explosive growth in the number of labor protests in the Russian healthcare sector. Based on the materials of an empirical study, the article analyzes the social well-being of medics in the Rostov region, identifies the socio-economic and professional risks that are most disturbing to medical staff, and also evaluates the protest activity.

An empirical study included two stages. At the first stage, in October 2020 — February 2021, a series of 40 in-depth interviews was conducted with doctors and secondary medical personnel of public healthcare institutions in the Rostov region. The second stage — a mass questionnaire survey — was held in February — April 2022 using a stratified sample. In total, 402 representatives of senior medical personnel and 434 representatives of paramedical personnel of the Rostov region were interviewed.

According to the results of the study, optimistic assessments of social well-being at the individual and group level are recorded: the medics of the Rostov region are satisfied with their health, living conditions, relationships with family members, and how life is in general. The financial situation of his family is assessed by medics as partially satisfactory. At the same time, a high degree of concern was revealed about the risk of increased neuropsychic stress and emotional burnout, an increase in the workload without an increase in wages, harm to health and job loss.

At the same time, the medics of the Rostov region are ready to apply various strategies of adaptive behavior in the face of increasing risks and mainly demonstrate an attitude towards the peaceful resolution of problem situations in an administrative way (referring to the management of the medical institution for clarification). In case of violation of labor rights, they are ready to apply to the State Labor Inspectorate and the court, trusting trade unions and public organizations to a lesser extent. Appealing to the media in order to draw attention to the situation, participating in rallies and demonstrations, strikes — according to the results of a survey of respondents, the least popular course of action in case of violation of labor rights. Therefore, the protest potential of medics at the time of the study can be assessed as low, which characterizes, among other things, the normalization of relations in the healthcare sector in the Rostov region.

Keywords: social well-being; protest activity; healthcare; professional medical community; senior medical staff; doctors; paramedical personnel; COVID-19 pandemic; Rostov region

References

Bulgakova O.S. (2021) Psihofiziologiya medikov: do pandemii COVID-19 i na segodnyashnij den' (postanovka problemy) [Psychophysiology of Physicians: before the COVID-19 Pandemic and Today (Statement of the Problem)]. *Prilozhenie mezhdunarodnogo nauchnogo zhurnala "Vestnik psihofiziologii"* [Appendix of the International Scientific Journal "Bulletin of Psychophysiology"]. No. 1. P. 26–34. (In Russ.)

¹ The reported study was funded by RFBR according to the research project № 20-04-60466.

Caranov K. N., Zhil'cov V. A., Klimova E. M., Tarbastaev A. G. (2020) Vospriyatie ugrozy lichnoj bezopasnosti v usloviyah pandemii COVID-19 medicinskimi sotrudnikami SSHA i Rossii [Perception of the Threat to Personal Safety in the Context of the COVID-19 Pandemic by Medical Personnel in the USA and Russia]. *Vestnik MGOU* [Bulletin of Moscow Region State University]. No. 2. P. 236–247. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2020-2-1008>

Caranov K. N., Zhil'cov V. A., Klimova E. M., Tarbastaev A. G. (2020) Vospriyatie ugrozy lichnoj bezopasnosti specialistov — medikov v usloviyah pandemii COVID-19 [Perception of the Threat to the Personal Safety of Medical Professionals in the Context of the COVID-19 Pandemic]. *Menedzher zdavoohraneniya* [Healthcare Manager]. No. 4. P. 15–19. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2020-2-1008>

Cherevkova A. I. (2021) Professional'noe stanovlenie medikov v usloviyah pandemii koronavirusa (po materialam glubinyh interv'yuu) [Professional Development of Physicians in the Context of the Coronavirus Pandemic (based on in-depth interviews)]. *Vestnik Yuzhno-Rossijskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta (NPI). Seriya: Social'no-ekonomicheskie nauki* [Bulletin of the South Russian State Technical University (NPI). Series: Social and Economic Sciences]. Vol. 14. No. 3. P. 96–102. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2021-3-95-101>

Dovganenko A. A. (2022) Ocenka klyuchevykh faktorov formirovaniya social'no-trudovoy obstanovki i razvitie social'no-trudovykh konfliktov v usloviyah prodolzhayushcheysya pandemii [Assessment of Key Factors in the Formation of the Social and Labor Situation and the Development of Social and Labor Conflicts in the Context of the Ongoing Pandemic]. *Social'naya politika i social'noe partnerstvo* [Social Policy and Social Partnership]. Vol. 17. No. 1. P. 33–39. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.33920/pol-01-2201-05>

Gareeva I. A. (2014) Social'noe samochuvstvie vrachej v sovremennoj sisteme zdavoohraneniya [Social Well-being of Doctors in the Modern Health Care System]. *Vestnik TOGU* [Bulletin of PNU]. No. 4 (35). P. 295–300. (In Russ.)

Holmogorova A. B., Petrikov S. S., Suroegina A. Yu., Mikita O. Yu., Rahmanina A. A., Roj A. P. (2020) Professional'noe vygoranie i ego faktory u medicinskih rabotnikov, uchastvuyushchih v okazanii pomoshchi bol'nym COVID-19 na raznykh etapah pandemii [Occupational Burnout and its Factors in Medical Workers Involved in Providing Care to Patients with COVID-19 at Different Stages of the Pandemic]. *Neotlozhnaya medicinskaya pomoshch'. Zhurnal im. N. V. Sklifosovskogo* [Urgent Medical Care. Journal them. N. V. Sklifosovsky]. Vol. 9. No. 3. P. 321–337. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.24411/1728-5283-2020-10209>

Ivanov O. B. (2022) Tipologiya social'nykh protestov v sub'ektakh Rossijskoj Federacii v 2019 godu [Typology of Social Protests in the Constituent Entities of the Russian Federation in 2019]. *Politika i Obshchestvo* [Politics and Society]. No. 1. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.7256/2454-0684.2022.1.32019>

Merton R. (2006) *Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura* [Social Theory and Social Structure]. Moscow: AST. (In Russ.)

Mosienko O. S. (2021) Udovletvorennost' medicinskogo soobshchestva merami gosudarstvennoj podderzhki v slozhnoj epidemiologicheskoy situacii (na materialah glubinyh interv'yuu medikov Rostovskoj oblasti) [Satisfaction of the Medical Community with Measures of State Support in a Difficult Epidemiological Situation (based on in-depth interviews with doctors from the Rostov region)]. *Gumanitarij Yuga Rossii* [Humanitarian of the South of Russia]. Vol. 10. No. 3. P. 64–76. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2021.3.5>

Nor-Arevyan O. A. (2021) Konsolidaciya professional'nogo medicinskogo soobshchestva v usloviyah pandemii koronavirusa (na materialah glubinyh interv'yuu v Rostovskoj oblasti) [Consolidation of the Professional Medical Community in the Context of the Coronavirus Pandemic (based on in-depth interviews in the Rostov region)]. *Gumanitarij Yuga Rossii* [Humanitarian of the South of Russia]. Vol. 10. No. 3. P. 77–89. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2021.3.6>

Nor-Arevyan O.A., Cherevkova A.I. (2022) Social'no-ekonomicheskaya udovletvorennost' vrachej Rostovskoj oblasti v usloviyah pandemii koronavirusa (na materialah glubinnih interv'yuu) [Socio-economic Satisfaction of Doctors in the Rostov Region in the Context of the Coronavirus Pandemic (based on in-depth interviews)]. In: M. YU. Surmach (ed) *Istoricheskie osnovy professional'noj kul'tury v zravoohranenii*. Sbornik statej mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii [Historical Foundations of Professional Culture in Healthcare. Collection of Articles of the International Scientific and Practical Conference]. Grodno: GDMU. P. 197–203. (In Russ.)

Nor-Arevyan O.A., Cherevkova A.I. (2021) Social'no-ekonomicheskaya udovletvorennost' srednego medicinskogo personala Rostovskoj oblasti v period rasprostraneniya koronavirusnoj infekcii [Socio-economic Satisfaction of Nurses in the Rostov Region during the Spread of Coronavirus Infection]. *Zdorov'e naseleniya: social'naya regulyaciya v usloviyah krizisa*. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem [Health of the Population: Social Regulation in a Crisis. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation]. Ed. by T.N. Kamenevoj. Kursk: KSMU. (In Russ.)

Nor-Arevyan O.A., Mosienko O.S. (2018) Ocenka udovletvorennosti professiej rossijskimi vrachami krupnyh megapolisov (na materialah sociologicheskogo issledovaniya v Moskve i Kazani) [Assessment of Satisfaction with the Profession by Russian Doctors in Large Cities (on the Materials of a Sociological Study in Moscow and Kazan)]. *Social'no-gumanitarnye znaniya* [Social and Humanitarian Knowledge]. No. 7. P. 34–41. (In Russ.)

Obolkin E.S. (2015) Sravnitel'nyj analiz protestnogo dvizheniya v sferah obrazovaniya i zdravoohraneniya Irkutskoj oblasti v konce XIX veka i rol' otraslevykh profsoyuzov v social'nom proteste [Comparative Analysis of the Protest Movement in the Spheres of Education and Healthcare of the Irkutsk Region at the End of the 19th Century and the Role of Industry Trade Unions in Social Protest]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of the Irkutsk State Technical University]. No. 9 (104). P. 268–273. (In Russ.)

Oslon A.A. (2021) *Sociologiya pandemii. Proekt koronaFOM* [Sociology of the Pandemic. CoronaFOM Project]. Moscow: Public Opinion Foundation. (In Russ.)

Ovsyanik O.A. (2020) Social'no-psihologicheskie osobennosti adaptacii vrachej k vozniknoveniyu pandemii [Socio-psychological Features of the Adaptation of Doctors to the Emergence of a Pandemic]. *Vestnik MGOU. Seriya: Psihologicheskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Psychological sciences]. No. 4. P. 75–81. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.18384/2310-7235-2020-4-75-81>

Polyakova I.A. (2022) Zhiznennyj mir vrachej: social'no-professional'noe polozhenie i social'noe samochuvstvie [The Life World of Doctors: Socio-professional Position and Social Well-being]. *Gumanitarij Yuga Rossii* [Humanitarian of the South of Russia]. Vol. 11. No. 2 (54). P. 125–140. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2022.2.10>

Posuhova O. Yu. (2021) Institucional'nye usloviya professional'nogo razvitiya medicinskih rabotnikov (po materialam sociologicheskogo issledovaniya v period bor'by s COVID-19) [Institutional Conditions for the Professional Development of Medical Workers (based on Sociological Research during the Fight against COVID-19)]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development]. No. 6. P. 41–50. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.24158/tipor.2021.6.6>

Timerbulatov V.M., Timerbulatov M.V. (2020) Zdravoohranenie vo vremya i posle pandemii COVID-19 [Health Care during and after the COVID-19 Pandemic]. *Ekonomika i biznes* [Economics and Business]. Vol. 35. No. 2 (98). P. 77–87. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.24411/1728-5283-2020-10209>

Vyalyh N.A. (2021) Faktory social'nogo samochuvstviya professional'nogo medicinskogo soobshchestva v usloviyah pandemii novogo koronavirusa [Factors of Social Well-being of the Professional Medical Community in the Context of the New Coronavirus Pandemic]. *Gumanitarij Yuga Rossii* [Humanitarian of the South of Russia]. Vol. 10. No. 1. P. 102–110. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2021.1.9>

Vyalykh N. A., Nor-Arevyan O. A., Posukhova O. Y., Mosienko O. S., Cherevkova A. I. (2021) Methodological Matrix for Sociological Study of Social Well-being of the Professional Medical Community during a Complex Epidemiological Situation. *Turismo: Estudos & Praticas* (UERN). No. 1.

Vyalykh N. A. (2021) Social'noe samochuvstviya professional'nogo medicinskogo soobshchestva Rostov oblasti v period pandemii COVID-19 (na materialah glubinnih interview Social [Well-being of the Professional Medical Community of the Rostov Region during the COVID-19 Pandemic (based on In-depth Interviews)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya* [Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science.]. No. 64. P. 127–140. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17223/1998863X/64/12>

Yudina T. N., Mazaev YU. N., Bormotova T. M., Zhukov P. S. (2020) Sostoyanie i dinamika protestnoj aktivnosti v sovremennom rossijskom obshchestve [Status and Dynamics of Protest Activity in Modern Russian Society]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologiya* [Bulletin of the Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology]. No. 1. P. 139–151. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2020-1-139-151>

Authors bio:

Oksana A. Nor-Arevyan — Candidate of Sociology, Associate Professor, . of Applied Conflictology and Mediation, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia. **E-mail:** noroks@yandex.ru. **RSCI Author ID:** [397645](#); **ORCID ID:** [0000-0002-0426-3743](#).

Alena I. Cherevkova — Lecturer, Department of Applied Conflictology and Mediation, Graduate Student, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia. **E-mail:** yaitskova_a@mail.ru. **RSCI Author ID:** [1016048](#); **ORCID ID:** [0000-0003-0662-2268](#).

Received: 01.06.2022
Accepted: 09.09.2022

DOI: 10.19181/inter.2022.14.3.6

EDN: MUWYFP

Инициативное благоустройство в Санкт-Петербурге: от ЖКХ-арта к тактическому урбанизму

Ссылка для цитирования:

Афанасьев К. С., Степанова Е. С. Инициативное благоустройство в Санкт-Петербурге: от ЖКХ-арта к тактическому урбанизму // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2022. Т. 14. № 3. С. 124–153. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2022.14.3.6>. EDN: MUWYFP

For citation:

Afanasiev K. S., Stepanova E. S. (2022) Initiative Improvement in Saint-Petersburg: from Local Community Art towards Tactical Urbanism. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 14. No. 3. P. 124–153. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2022.14.3.6>

Афанасьев Кирилл Станиславович

Ленинградский государственный университет
им. А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия

E-mail: k.afanasiev@lengu.ru

Степанова Екатерина Сергеевна

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия

E-mail: stepanovaes1@gmail.com

В статье подводится предварительный итог анализа общественных инициатив в области благоустройства в Санкт-Петербурге. Для систематизации многообразия исследовательских подходов и оценок заинтересованных лиц использованы методы источниковедческого анализа и обобщения (группировки) оценок и аналогий в отношении рассматриваемых объектов и явлений.

Практическая часть исследования состояла в формировании массива данных и банка кейсов в сфере низовых инициатив по улучшению городской среды и формированию общественных пространств. На основе полученных

данных создана карта активности городских сообществ и построена «тепловая карта», наглядно иллюстрирующие очаги концентрации социального капитала города. В качестве используемых аналитических инструментов применялись модели совместных действий и кооперации, исследовательские методы теории общественных благ и поведенческой экономики, а также метод геоинформационного анализа.

Авторы вводят термин «инициативное благоустройство», означающий спонтанно возникающую и развивающуюся форму гражданской активности по месту жительства с использованием инструментов самоорганизации и самофинансирования. Диапазон выявленных фактов инициативного благоустройства варьируется от негативно воспринимаемого «ЖКХ-арта» (формы наивного и кустарного улучшения пространства вокруг жилого дома) до инициатив жителей по восстановлению и формированию одобряемых большинством общественных объектов (восстановление подъездов исторических зданий, утраченных исторических элементов, зеленых насаждений). Промежуточными формами в этом отношении выступают инициативы в рамках территориального общественного самоуправления, праздничные мероприятия и временные объекты. Описать наиболее конструктивный формат этих активностей позволил «тактический урбанизм» М. Лайдона — «теория малых дел» в сфере городского развития.

Новизна представленного подхода состоит в систематизации фактов инициативного благоустройства (в том числе негативных) и в их встраивании в общую логику современного городского развития на фоне преобладающих в настоящее время подходов, основанных на выделении решающей роли в данном процессе профессионалов и экспертов.

Ключевые слова: гражданская активность; городская среда; общественные пространства; гражданские инициативы; инициативное благоустройство; тактический урбанизм; ЖКХ-арт

Введение

В настоящее время в городах России реализуется ряд инициатив, направленных на формирование комфортной городской среды. Механизмы реализации таких проектов в значительной степени опираются на изучение потребностей граждан, учет их мнений и пожеланий при проектировании и реализации проектов благоустройства и создания общественных пространств. Степень участия населения варьируется от формально организуемых и проводимых публичных слушаний и общественных обсуждений (в том числе в онлайн-формате), традиционных выставок проектов благоустройства со сбором предложений и рекомендаций до процедур соучаствующего проектирования и иных форматов дизайн-игр и проектных интенсивов. Для всех вариантов участия жителей в процессах формирования комфортной городской среды характерно наличие патерналистского начала и экспертной

позиции в принятии решений по инициированию и реализации проектов, что в перспективе способствует появлению недовольных людей, ставящих под сомнение успех реализованных мероприятий и устойчивость результатов проекта (более подробно эти проблемы рассмотрены в другой работе авторов, посвященной постэффектам проектов соучаствующего проектирования [Афанасьев, Степанова, 2021]).

При этом сама концепция «вовлечения» явно или неявно предполагает приоритет в принятии решений инициатора этого процесса и относительную пассивность «вовлекаемых» на протяжении большей части общественно полезной деятельности. Не ставя под сомнение позитивный характер отдельных элементов делиберативной (совещательной) демократии в процессе формирования комфортной городской среды, все же отметим наличие данного противоречия.

Все вышеперечисленное позволило сформулировать вопрос о наиболее эффективном варианте, или сценарии, реализации проектов благоустройства и/или формирования общественных пространств с точки зрения устойчивости их результатов и дальнейшего развития общественных инициатив и гражданских движений, а также формирования социального капитала как результата сплоченности внутри и между городскими местными сообществами.

В ходе предпринятого авторами анализа были рассмотрены практики низовых инициатив в области благоустройства и формирования городских общественных пространств в Санкт-Петербурге. С помощью социологических и антропологических методов был сформирован массив данных и банк кейсов с определением мотивации участников, мнений заинтересованных лиц, позиции органов власти и управляющих компаний в отношении создаваемых объектов¹.

Концептуальная рамка исследования

Следуя императивам абдукции в отношении разрозненных и неоднородных фактов низового городского активизма, определим ключевые понятия данного исследования и подходы к их пониманию в рамках научных направлений и классических текстов.

Прежде всего, отметим, что сам низовой активизм и его причины могут рассматриваться в качестве социальной проблемы, основанной на восприятии ее обществом после демонстрации на публичной арене и выдвижения

¹ Основой настоящего исследования послужили исследовательские семинары по дисциплинам «Современные городские исследования» и «Социология города» в рамках магистерской программы в Ленинградском государственном университете им. А. С. Пушкина «Управление территориальным развитием» в 2018–2020 годах, инициативные исследования в рамках отдельных модулей по дисциплинам «Публичное управление», «Местное самоуправление» в НИУ «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, результаты авторской исследовательской программы по урбанистике «Исследование общественных пространств / Public spaces research» в 2021–2022 годах, а также материалы доклада, представленного на XXII Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества в 2021 году.

утверждений-требований (claims-making) с целью изменения текущего положения. Таким образом, основной концепцией для изучения рассматриваемых ниже фактов является конструкционистский подход М. Спектора и Дж. Китсьюза [Спектор, Китсьюз, 2001; Ясавеев, 2004], предполагающий рассмотрение общего контекста разнородных социальных проблем, ставших достоянием общественности [Бест, 2001]. При этом борьба за внимание общественности предполагает, с одной стороны, конкуренцию вследствие ограниченной пропускной способности публичных арен [Хилгартнер, Боск, 2008], а с другой — их постепенную сегментацию и обособление.

В условиях крупного города подобное обособление связывают с формированием городских сообществ (местных сообществ — local communities или соседств — neighborhoods). Процессы, разворачивающиеся внутри подобных образований, хорошо изучены представителями Чикагской школы (Л. Вирт, У. Берджесс, Р. Парк) и современными исследователями [Sim, 2019].

Подходы к изучению «продуктов жизнедеятельности» означенных выше низовых активистов предполагают погружение как в антропологическую традицию включенного наблюдения за деятельностью «городских племен» (urban tribes) [Линч, 1982; Лоу, 2016], так и в неоинституциональный подход, основанный на выявлении факторов, способствующих формированию социального капитала и роста доверия в контексте противостояния «групп Олсона» и «групп Патнэма» [Halpern, 2005; Putnam, 2000; Элликсон, 2017].

Наконец, учитывая отчасти «подрывной» характер деятельности низовых активистов, стоит упомянуть подход, основанный на противопоставлении «стратегии» (действий власти) и «тактики» (деятельности самоорганизованных граждан), изложенных в работах Мишеля де Серто [Серто, 2005; Серто, 2013].

Указанные выше подходы находят частичное отражение в исследованиях, посвященных изучению российской действительности. В таблице 1 представлены наиболее распространенные варианты эмпирического осмысления практик низового активизма с использованием когнитивных моделей из разных наук и областей деятельности с указанием характеристик описываемых фактов и явлений и наиболее репрезентативных публикаций на русском языке.

Таким образом, традиция изучения отдельных фактов и явлений, связанных с самоорганизацией граждан в условиях современного города, достаточно полно отражается в современных научных публикациях, подтверждая их релевантность в отношении российских реалий.

Источники данных и методы исследования

Прикладные задачи исследования, состоящие в выявлении и распределении по карте города зон сосредоточения низовых инициатив в сфере улучшения городской среды; сопоставлении полученных данных с дополнительными переменными, связанными с гражданской активностью населения; определении локализации наиболее влиятельных местных сообществ и возможных связей между ними через лидеров, выявленных в том числе

Исследовательское эмпирическое поле анализа фактов низовой самоорганизации по итогам анализа научных публикаций на русском языке, n = 32¹

Теоретический подход	Характеристики рассматриваемых явлений	Примеры публикаций
Социологический	Низовые инициативы в сфере благоустройства необходимы для формирования социального капитала и эффективного социального взаимодействия и взаимопомощи	[Шомина, 2015]; [Киракосян, Одначев, 2021]
Искусствоведческий	Оформление пространства рядом с местом жительства вполне укладывается в логику художественного самовыражения в рамках того или иного течения (примитивное искусство, дадаизм), одновременно стремясь и противостоя паблик-арту и стрит-арту	[Смирнов, 2018]; [Антонова, Абрамова, 2021]
Политологический	Для развития локального активизма необходимы гражданская инфраструктура и различные варианты ресурсного обеспечения реализуемых проектов	[Желнина, Тыканова, 2019]; [Королева, Чернова, 2017]
Урбанистический	Инициативы в сфере улучшения среды обитания являются выражением «права на город» современного горожанина и знаменуют переключение с внутреннего пространства индивидуального жилища на общественные пространства	[Семенов, Минаева, 2019]; [Нотман, 2021]
Экономический	Участие в различных форматах локальной гражданской активности способствует формированию институционального доверия и обеспечивает основу для экономического развития, в том числе — социального предпринимательства	[Полищук, 2015]; [Косарев, Павлов, Каукин, 2019]
Антропологический / этнографический	Улучшение жизненного пространства непрофессиональными методами — проявление «духа места», общих традиций (в том числе национальных), фольклора и массовых представлений о магическом и прекрасном (используется ироничное определение «русская хтонь» для обозначения ЖКХ-арта)	[Павлюк, 2017]; [Барковская, 2020]
Психологический	Стремление самостоятельно решить проблемы, связанные с функционированием общего имущества — индикатор фрустрации от бездействия (ненадлежащих действий) органов власти, своеобразная артикуляция желания благоустройства с помощью его схематичной имитации («карго-культ»)	[Гаврилов, 2011]; [Фролова, 2016]
Культурологический	Культурная динамика и культурная коммуникация невозможны без социокультурных инноваций, берущих источник в самобытных знаковых системах и субкультурах, формирующих новые направления в проектировании городской среды	[Калашникова, 2020]; [Шипулина, 2016]

¹ Отбор научных публикаций производился в общедоступных наукометрических базах и репозиториях научных статей за период с 2015 по 2022 год по обособленным и комбинированным запросам с использованием ключевых слов и выражений, сформулированных для настоящей работы, с дополнениями по методу «снежного кома» из списков литературы каждого из рассматриваемых источников.

посредством инструментария из смежных сфер, обусловили выбор источников данных и методов исследования. Дизайн исследования по большинству методологических характеристик соответствовал общепринятым стандартам городских исследований [Ward, 2014].

В рамках первого, «кабинетного» этапа исследования авторами был изучен массив электронных публикаций в СМИ, который был сформирован через поисковые запросы на сайтах «Google» и «Яндекс», а также через внутренний поиск на сайтах вошедших в список источников изданий. Как дополнительный источник использовались публикации в русскоязычной блогосфере. Всего отобрано и проанализировано 56 материалов на сайтах «The Village», «Бумага»¹, а также на неспециализированных ресурсах, затрагивающих городскую проблематику². Задачей данного этапа было определить круг рассматриваемых явлений и выявить отношение к ним фигурантов и авторов публикаций на основе модифицированного метода сентимент-анализа [Богданов, Дуля, 2019].

В рамках второго, «смешанного» этапа группа из студентов (48 человек) собирала информацию из открытых источников и заполняла разработанные авторами унифицированные исследовательские дневники³. Участники группы были распределены по 18 административным районам Санкт-Петербурга. Помимо работы с данными социальных сетей, поиска и отбора текстовых и фотоматериалов, было инициировано несколько полевых сессий для выборочного опроса в формате блиц-интервью жителей в выявленных точках активности, отслеживания взаимодействия людей и фиксации местного контекста. Отметим, что уровень района оптимально подходил для целей второго этапа по нескольким причинам: прежде всего, ориентация на муниципальные образования (в Санкт-Петербурге 111 муниципалитетов) не смогла бы дать необходимый уровень сопоставления данных ввиду их разнородности в части площади и территориального размещения. Второй причиной выбора района как точки отсчета для сравнения было неравномерное распределение исторических поселений на территории Санкт-Петербурга (Купчино, Ржевка, Коломна, Охта и т.д.) и неизбежное появление «белых пятен» на месте недавно освоенных внутригородских территорий. По этой же причине было решено отказаться от привязки к станциям Петербургского метрополитена (хотя в городском фольклоре эмоциональная связь с этими объектами проявляет себя достаточно сильно). Помимо этого, на втором этапе авторами были проведены глубинные интервью по унифицированному гайду с лидерами локальных сообществ в разных районах города (всего — 16 интервью). Ввиду

¹ Для обобщения данного феномена используется в достаточной степени стабильный и релевантный термин «урбанистически ориентированные интернет-СМИ» [Абашев, Печищев, 2018].

² Ввиду блокировки из-за нарушения законодательства в марте 2022 года ключевых для исследования сайтов интернет-изданий «The Village» и «Бумага» в настоящей статье авторы решили воздержаться от цитирования недоступных на данный момент ресурсов.

³ Авторы выражают благодарность студентам бакалавриата и магистратуры Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина и НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге за помощь в подготовке и проведении исследования в рамках индивидуальных и коллективных проектов, особо отмечая исследовательскую деятельность Ольги Петровой (ЛГУ им. А. С. Пушкина) и Олега Пахомова (НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге) в рамках проекта «Public spaces research. 2021».

особенностей рассматриваемой деятельности и не всегда публичного характера координирующих усилий круг людей, которым «больше всех нужно», был определен по итогам онлайн-активности, фрагментированной самопрезентации в публичном поле и на основе применения элементов диагностического инструментария для определения лидерского потенциала [Синягин, 2020]. Этот же подход позволил определить и связи между отдельными инициативами и их лидерами, пусть и не всегда явными.

На третьем, аналитическом этапе по итогам сбора и анализа дневников авторами был сформирован массив текстовых и визуальных данных, а также банк кейсов, позволивший применить методы геоинформационного анализа и распределить выявленные факты по районам города, установив градацию на основе концентрации тех или иных явлений по шкалам.

Инициативное благоустройство: попытка определения

Прежде всего отметим, что все рассмотренные на первом и втором этапах исследования факты низкой самоорганизации в решении проблем можно разделить на четыре группы: 1) примеры временной самоорганизации, такие как соседские праздники, субботники, акции (13% случаев); 2) ЖКХ-арт (58% случаев); 3) восстановление и реконструкция объектов и/или их элементов (21% случаев); 4) самостоятельное благоустройство и создание общественных пространств (8% случаев).

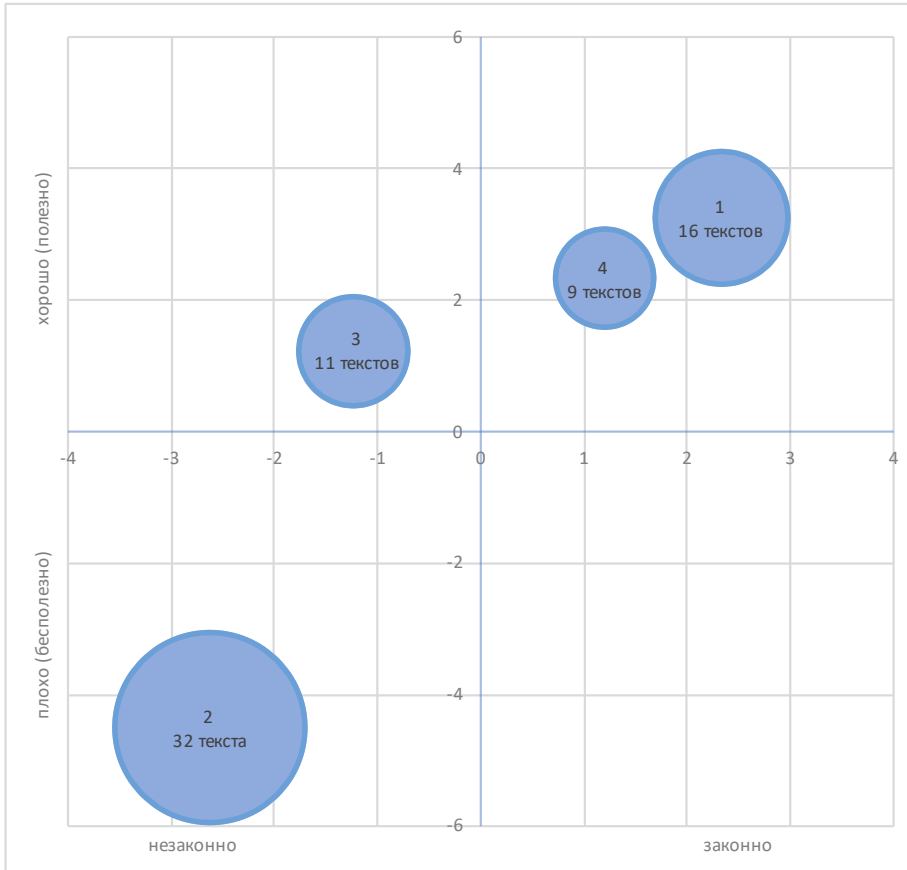
Данная классификация достаточно условна и в целом предполагает как преемственность в реализации отдельных проектов и действий, так и эволюцию (переход) от одного вида активности к другому. Так или иначе, на взгляд авторов, если вывести за скобки форматы временной активности (о причинах этого — ниже), своеобразной «точкой входа» на арену гражданского активизма в сфере улучшения городской среды можно считать ЖКХ (ЖЭК)-арт. Именно это явление в наибольшей степени привлекает внимание журналистов, наблюдателей и исследователей ввиду его нестандартности в части мотивов создания и экстремальности по отношению к реципиенту (никто не остается равнодушным). Другие формы (самостоятельное восстановление элементов общественного быта и дворового пространства и создание на профессиональном уровне альтернативных общественных пространств) более сложны в реализации и по своему содержанию вполне укладываются в теоретические модели и объяснительные схемы деятельности активистов и неравнодушных граждан в контексте развития «урбанистики своими руками» (handmade urbanism).

Исходя из этих особенностей восприятия и анализа указанных явлений и фактов низкой самоорганизации, сгруппируем наиболее репрезентативные публикации по признакам преобладающей риторики стейкхолдеров (населения, общественных организаций, представителей власти) и экспертов.

Рассмотренные в ходе первого этапа тексты позволяют выявлять не только значимые факты, но и отношение автора и цитируемых экспертов (в том числе

представителей власти) к упоминаемым объектам с точки зрения законности (легитимности) и пользы для общества в сочетании с их качественными характеристиками. Итоги оценки риторики авторов публикаций и ключевых заинтересованных сторон (стейкхолдеров) представлены на рис. 1.

Рисунок 1. Группировка текстов о фактах низовой самоорганизации¹ по итогам анализа публикаций в онлайн-СМИ и на тематических сайтах о каждом из четырех видов активности, n = 56
Источник: Визуализация на базе расчетов авторов.

При этом большая часть текстов содержала более одного оценочного суждения по выделенным параметрам, иногда — диаметрально противоположные, как и должно быть в хорошем журналистском тексте. Общий подход к анализу содержательной части текстов — выявление соотношения преобладающей тональности к высказываниям, находящимся в меньшинстве. В случае, если преобладали негативные оценки («плохо», «незаконно») использовалось отрицательное значение для размещения в системе координат.

¹ Нумерация видов активности соответствует рис. 1, в 16 публикациях упоминается два и более вида активности граждан по месту жительства.

Получившаяся картина демонстрирует значительное преимущество активности 1 (случаи временной самоорганизации жителей) по параметрам пользы и соответствия закону: полагаем, никто в здравом уме не будет против расчистки русла реки или обмена ненужными вещами во дворе многоквартирного дома. В анализируемых текстах преобладает покровительственный тон по отношению к «милым чудакам», которым «нечем заняться». Безобидность и малозначительность таких действий в целом сомнению также не подвергается.

Активность 4 (самостоятельное благоустройство и создание общественных пространств) в целом тоже воспринимается как достойное и безопасное для окружающих действие, не влекущее за собой значительных правовых издержек, кроме разве что ликвидации незаконно возведенных объектов, часто — при значительном негодовании местных жителей.

Активность 3 (восстановление и реконструкция объектов и/или их элементов) в характерных для Санкт-Петербурга особых условиях режима охраны памятников истории и культуры, в которых имеют несчастье проживать некоторые активисты, связана со значительным риском санкций и штрафов. Для предупреждения последних требуются многочисленные и зачастую дорогостоящие предварительные согласования без гарантии удовлетворения эстетических чувств всех жильцов.

Наконец, активность 2 (ненавидимый и одновременно необъяснимо любимый авторами и комментаторами текстов ЖКХ-арт) вызывает почти однозначное негативное отношение к подобным объектам как с точки зрения пользы и качества исполнения (негативных оценок больше в 4,5 раза), так и с позиции нарушения норм и регламентов в сфере содержания мест общего пользования (негативных оценок больше в 2,6 раза).

Итак, по итогам проведенного анализа было выявлено четыре вида низкой гражданской активности в сфере повышения качества городской среды и комфортности проживания на конкретной территории. Указанные явления объединяет стремление решить вопрос неинституционализированными средствами ради достижения одобряемых обществом (или, как минимум, местным сообществом) целей: навести порядок во дворе, украсить и сделать привлекательным общее пространство, организовать ремонт и/или восстановление исторического облика дома, двора или их отдельных элементов и, наконец, организовать жителей на создание и поддержание полноценного общественного пространства, в отдельных случаях выходящего за рамки двора.

Указанные виды активности вполне укладываются в некий аналог «Лестницы гражданского участия» Шерри Арнштейн [Арнштейн, 2012], также предполагающей различные степени участия и вовлеченности в процесс изменения места проживания. И все же, как и в модели Ш. Арнштейн, существует так называемый нулевой уровень участия — как правило, малозатратный, не связанный с эмоциональной вовлеченностью, дополнительными обязательствами, и больше похожий на праздник, игру, карнавал — иными словами — «временную автономную зону» в ткани повседневности и контроля (см.: [Хаким Бей, 2003: 340]), впоследствии получающую шанс стать постоянной.

Таким образом, и для изначального порыва, и для всех последующих возможных действий в рамках коллективных форматов становится возможным использовать общее понятие — «инициативное благоустройство»¹. Под последним авторы имеют в виду *спонтанно возникающую и развивающуюся форму гражданской активности по месту жительства с использованием инструментов самоорганизации и самофинансирования*. Ниже будут рассмотрены факты, в значительной степени подтверждающие корректность обобщающей их данной формулировки.

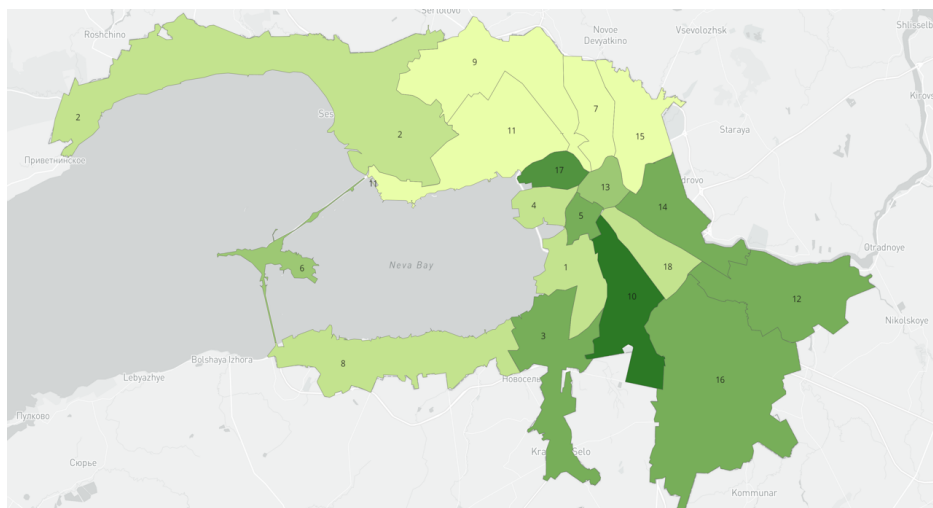
Анализ активности в рамках инициативного благоустройства

Далее мы последовательно рассмотрим факты инициативного благоустройства в разрезе районов Санкт-Петербурга, при необходимости приводя примеры наиболее заметных инициатив, проектов и мероприятий с кодированием в формате ИБ1, ИБ2, ИБ3, ИБ4. Визуализация данных произведена по шаблону «тепловой карты» (*heatmap*), где более темный (насыщенный) цвет означает более высокую концентрацию анализируемых элементов.

На рис. 2 представлено распределение интенсивности временной активности жителей (ИБ1) на основе самоорганизации и реализации собственных интересов и с учетом актуальных потребностей территории (дворовой, квартальной, уличной).

Лидеры в рамках данного вида деятельности — Московский и Петроградский районы. Наиболее распространены здесь инициативы жителей по уборке территории, организация соседских праздников, волонтерская деятельность по сбору вещей и еды. При этом наибольший резонанс в 2022 году получило мероприятие в Адмиралтейском районе, где активисты неформального сообщества «Добрососедство Коломны» организовали уборку сквера в Дровяном переулке с последующим душевным чаепитием (рис. 3), в планах сообщества — запуск школы городского озеленения. Ранее во время типичной для Санкт-Петербурга снежной (и скользкой) зимы активисты попали в заголовки новостей с инициативой закупки песка для посыпания тротуаров (рис. 4). Заслуживают внимания и другие инициативы этой группы: свопы (обмен вещами), сбор перерабатываемых отходов, а также восстановление памятника Венере Коломенской — неформального символа Коломны.

¹ Термин «благоустройство» традиционно не очень удачно переводится на английский язык. Используемое же обычно слово “improvement”, будучи переложенным обратно на русский, дает немного ироничное, но в целом подходящее слово «улучшайзинг», означающее любые действия, нацеленные на самостоятельное повышение эксплуатационных свойств того или иного объекта, даже неочевидное и не необходимое.

Рисунок 2. Карта концентрации активности ИБ1 (временная самоорганизация жителей) по районам Санкт-Петербурга, 2018–2022 годы¹
 Источник: Визуализация на базе расчетов авторов.

Рисунок 3. Пример низовой активности ИБ1 (объявление о «воскреснике») сообщества «Добрососедство Коломны», 2022 год
 Источник: Группа в VK «Новая Коломна». URL: https://vk.com/spb_kolomna?wall-53632567_1030 (дата обращения: 25.05.2022).

¹ Здесь и далее на картах Санкт-Петербурга применено цифровое кодирование районов по следующей схеме: 1 — Кировский; 2 — Курортный; 3 — Красносельский; 4 — Василеостровский; 5 — Адмиралтейский; 6 — Кронштадтский; 7 — Калининский; 8 — Петродворцовый; 9 — Выборгский; 10 — Московский; 11 — Приморский; 12 — Колпинский; 13 — Центральный; 14 — Невский; 15 — Красногвардейский; 16 — Пушкинский; 17 — Петроградский; 18 — Фрунзенский.

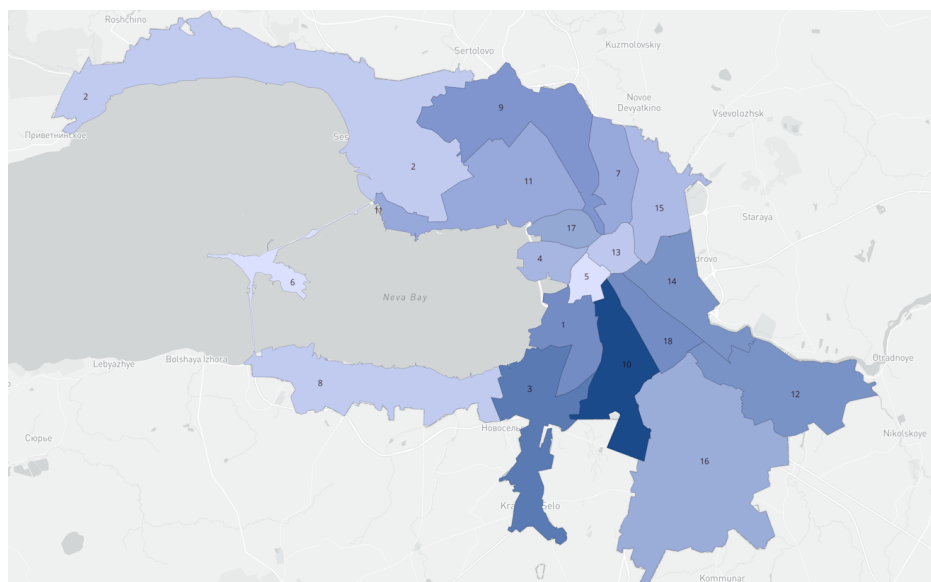
Рисунок 4. Пример низовой активности ИБ1 (закупка песка для тротуаров) сообщества «Добрососедство Коломны», 2022 год
Источник: Грунна в VK «Новая Коломна». URL: https://m.vk.com/wall-53632567_1025?z=photo-53632567_457239206%2Fwall-53632567_1025 (дата обращения: 27.05.2022).

В целом такой формат активности уже давно вышел за рамки традиционных позднесоветских и активно возрождаемых современных субботников [Пискунов, Раков, 2020]. Сейчас самыми частыми посетителями официальных субботников являются сотрудники администраций районов и муниципальных округов и аффилированные с ними лица. Поэтому неравнодушные граждане уже на семантическом уровне («воскресники») отделяют свою активность «по зову сердца» и ради живущих рядом от «вовлечения и активизации» сверху [Смирнова, 2016].

На рис. 5 графически представлена деятельность в сфере создания объектов ЖКХ-арта (альтернативный вариант названия — ЖЭК-арт).

Плотность распределения выявленных объектов ЖКХ-арта показывает его наибольшую концентрацию в районах массовой застройкой 1960–1970-х годов, реакцией на архитектурно-средовые характеристики которых она, в целом, и является. И в конечном счете это отражается на результате: «не стоит забывать, что в России суровый климат (да и жители), что тоже оставляет свой след, особенно на некачественных материалах. В итоге некоторые “произведения” настолько плохи с точки зрения приятности глазу, что скорее напоминают об inferнальных образах, эстетике распада, театре абсурда или мрачной Достоевщине, чем об украшении»¹.

¹ Кудряшов И. «Колорит»: Примитив и творчество. Народный дадаизм ЖЭК-арта 2019. URL: https://concepture.club/post/rubrika_2021/zhek-art-as-public-dadaism (дата обращения: 26.05.2022).

Рисунок 5. Карта концентрации активности ИБ2 (ЖКХ-арт) по районам Санкт-Петербурга, 2018–2022 годы

Источник: Визуализация на базе расчетов авторов.

Нужно отметить, что с 2018 года, когда было инициировано данное исследование, в сфере изучения этого самобытного по содержанию и результатам и в то же время универсального по мотивации участников и общему настроению явления произошло немало важных событий. Вышла первая крупная публикация на основе дизайн-анализа указанных объектов — книга выпускницы Школы дизайна ВШЭ Полины Соколовой «Как воспринимать ЖКХ-арт?»¹, креативным бюро «Золотые тигры России» создан цифровой музей ЖЭК-арта (<https://dvor.digital>), продолжается осмысление данного феномена на общероссийском уровне научным сообществом, посредством конкурсов институционализируются отдельные объекты, в том числе в главном сообществе по данной тематике в социальной сети «ВКонтакте» (<https://vk.com/ktossa>, см. рис. 6).

В целом, несмотря на достаточно полное погружение в специфику данного феномена (например, появилась классификация создаваемых объектов [см.: Экман, 2020: 185], что зачастую воспринимается в качестве инструкции по применению со стороны энтузиастов городского «улучшайзинга»), он нуждается в более глубоком изучении и включении в более широкий временной (что было до и после) и социокультурный контекст (отношение жителей, органов власти, самих «народных художников» к произведениям).

¹ Соколова П. Как воспринимать ЖКХ-арт? URL: <https://ru.gallery/zhkh-art> (дата обращения: 25.05.2022).

Рисунок 6. Скриншот группы «ВКонтакте» «ЖЭК-Art» с объявлением о фотоконкурсе

В качестве примера подобной активности (считаем возможным отойти от привычных «пеньков с глазами» и рассмотреть нестандартные феномены) приведем двор в Невском районе, где в 2009 году появились и в 2020 году исчезли люстры на деревьях (рис. 7). Инициатором выступил 70-летний (на момент создания) житель Анатолий Васкубов. Согласно информации в социальных сетях и городских СМИ, многие жильцы вздохнули с облегчением, хотя высказывались и мнения в поддержку проекта.

В качестве примера из центральных районов города с преобладающими дворами-колодцами и немного иным социальным составом жителей можно упомянуть возникший в 2012 и ликвидированный в 2020 году «Дворик Нельсона» в Петроградском районе (ул. Полозова, д. 6). Как и в случае с предыдущим объектом, мнения жителей по поводу «наведения порядка» органами власти разделились, что в целом свидетельствует о сформировавшейся психологической связи с местом проживания и его привычными атрибутами, возможно, нарушающими законы или не соответствующими эстетическому вкусу посетивших европейский урбанистический рай блогеров.

Рисунок 7. Пример низовой активности ИБ2 (ЖКХ-арт и DIY-украшение двора) во дворе на ул. Дыбенко, д. 27, 2020 год

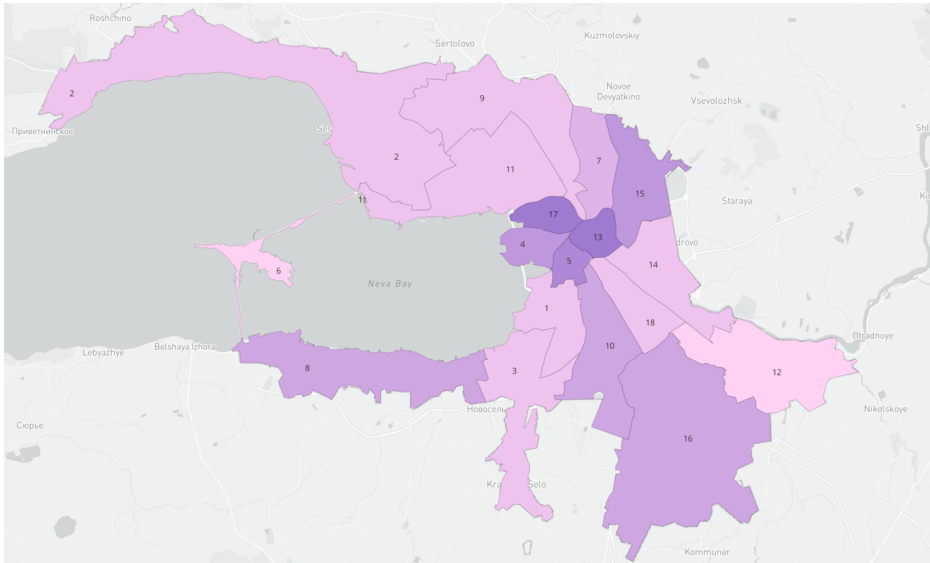
Источник: «Официальное сетевое издание правительства Санкт-Петербурга». URL: <https://spbdtnevnik.ru/news/2020-02-25/nochyu-iz-dvora-na-ulitse-dybenko-bessledno-ischezli-samodelnye-ukrasheniya-v-vide-lyustr> (дата обращения: 25.05.2022).

Следующий вид низовой активности — ремонт и восстановление утраченных или пришедших в негодность элементов исторического наследия (или воспринимаемого жителями в качестве такового даже без официального статуса) или приведение внутренних или внешних пространств жилого дома в «нормальное состояние». Результаты распределения данной формы инициативного благоустройства представлены на рис. 8.

Отметим, что, как и в случае с активностью ИБ2, значительное влияние на распределение кейсов оказывает характер застройки, поэтому Петроградский, Центральный, Адмиралтейский и Василеостровский районы Санкт-Петербурга с преобладающими дореволюционными зданиями в наибольшей степени нуждаются в подобном формате низовой активности. Впрочем, учитывая постепенное старение зданий 1930-х — 1950-х годов в периферийных районах, подобные проблемы в близкой перспективе станут актуальны и для них — как это уже происходит во многих российских городах [Лисина, Семенов, Федотова, 2017] в полном соответствии с современным прочтением важности ремонта и восстановления в городской среде как источника сплочения, взаимного обучения и социальных инноваций: «Мы должны научиться перестать считать поломки и ошибки неким исключением, с которым “ничего не поделаешь”, как в случае с результатами катастрофы. Напротив, на всякий такой разлом и промах должно смотреть как на средство, обучающее общество,

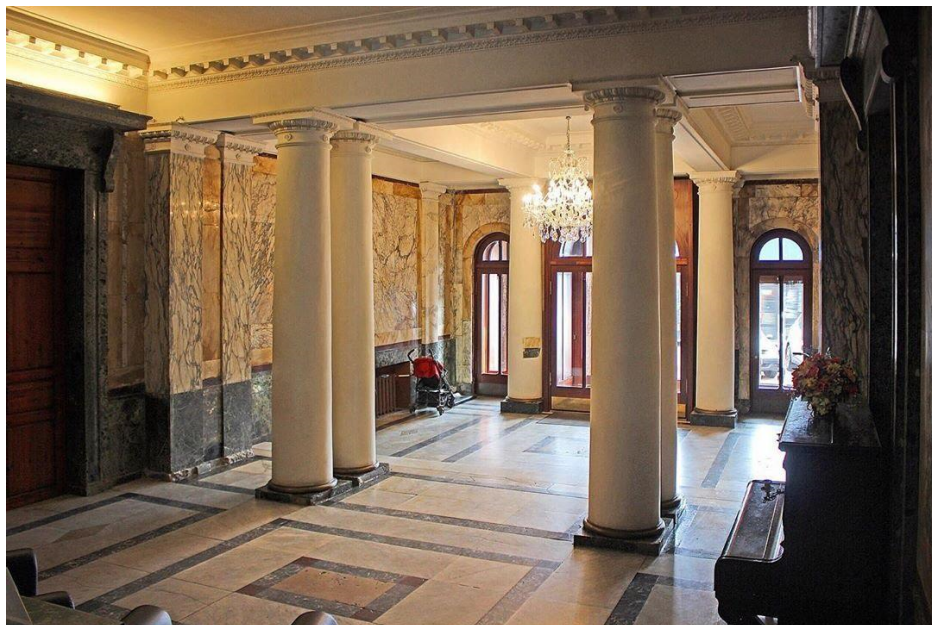
в наибольшей степени — новому воспроизведению. Разрыв прежних связей дает нам возможность обучаться, адаптировать, импровизировать» [Грэхем, Трифт, 2014: 153].

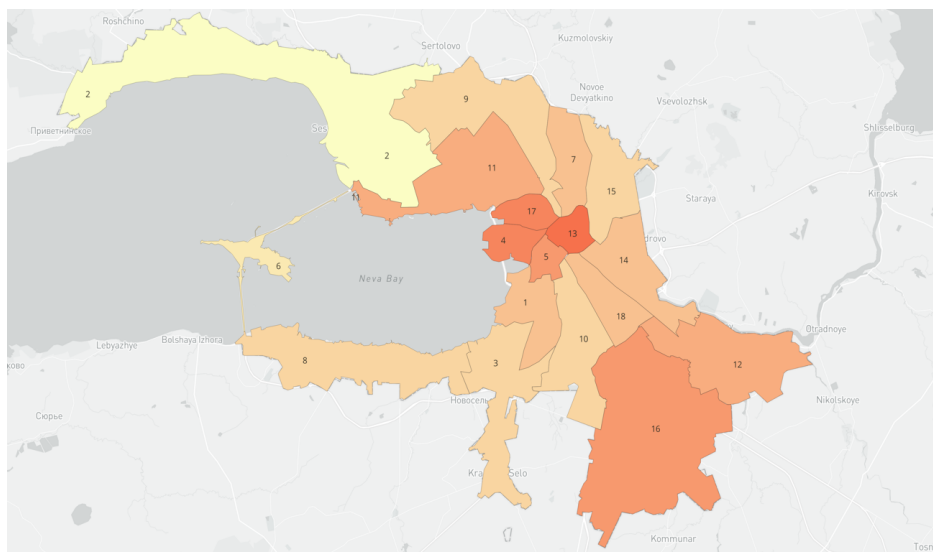
Рисунок 8. Карта концентрации активности ИБ3 (восстановление и реконструкция объектов и/или их элементов) по районам Санкт-Петербурга, 2018–2022 годы
Источник: Визуализация на базе расчетов авторов.

В качестве примера данного вида благоустройства можно привести ремонт подъезда в Петроградском районе (рис. 9), предпринятый жителями за счет собственных средств: общими усилиями были отремонтированы мраморная лестница, более 40 витражей, зеркала, камин и светильники. Параллельно для легитимации принимаемых решений было создано ТСЖ. Отметим, что дом был признан вновь выявленным объектом культурного наследия в 2001 году, что немного облегчило проведение работ и их согласование.

Наконец, своеобразной вершиной активности в рамках инициативного благоустройства является самостоятельное проектирование необходимых местному сообществу общественных пространств (ИБ4) с привлечением наемных профессионалов, ориентированных на осознанные потребности жителей и неангажированных цеховой солидарностью и сложившимися отношениями в системе государственных и муниципальных закупок [Мюллер, 2020; Wates, 2014; Gellent, Robinson, 2013]. На рис. 10, где представлено распределение этого вида низовых инициатив, выделяется прежде всего Центральный район, в частности район станции метро Чернышевская.

Рисунок 9. Пример низовой активности ИБЗ (восстановление исторической парадной) на ул. Добролюбова, д. 19, 2020 г. Источник: ТСЖ «Добролюбова, 19». URL: <http://dobrolubova19.ru/art.html> (дата обращения: 25.05.2022).

Рисунок 10. Карта концентрации активности ИБ4 (самостоятельное благоустройство и создание общественных пространств) по районам Санкт-Петербурга, 2018–2022 гг. Источник: Визуализация на базе расчетов авторов.

Впрочем, следует отметить, что в подобных проектах не обойтись без участия бизнеса и согласования со стороны районной администрации. Этот сценарий был реализован в 2017 г. при создании двора — копии баварского двора из г. Ротенбург-на-Таубере (рис. 11).

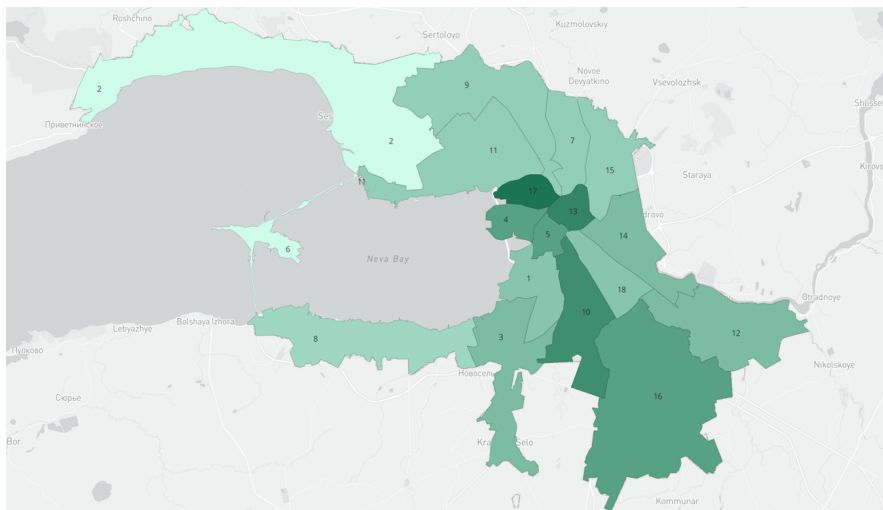
Рисунок 11. Пример низовой активности ИБ4 (создание общественного пространства) на ул. Фурштатская, д. 50, 2019 г.
Источник: Журнал о Санкт-Петербурге "BudniSPB.ru". URL: <https://budnispb.ru/attractions/yardspetersburg/18-bavarskij-dvorik-na-furshhtatskoj.html> (дата обращения: 25.05.2022).

В настоящее время это пространство является хорошим примером для других активных жителей и точкой притяжения для гостей города, что не избавляет его от критических отзывов и обвинений в компромиссном мышлении его проектировщиков.

Предварительные итоги анализа

Соединяя все виды низовых инициатив в сфере благоустройства, мы получаем карту (рис. 12), демонстрирующую, с одной стороны, появление районов — лидеров по сводным показателям активностей ИБ1 — ИБ4, а с другой — достаточно слабую связь и взаимовлияние между расположенными рядом районами, что в значительной степени обусловлено коммуникациями между лидерами инициатив и успешным функционированием точек (центров) обмена опытом, носящих постоянный (соседские центры, учреждения

органов по делам молодежи) или временный характер (форумы, обучающие семинары и курсы, исследовательские программы, стажировки) [Паченков, Воронкова, 2021: 257].

Рисунок 12. Сводная карта концентрации активностей ИБ1— ИБ4 по районам Санкт-Петербурга, 2018–2022 годы
 Источник: Визуализация на базе расчетов авторов.

Первичный анализ данных глубинных интервью с активистами¹ подтвердил предположение авторов относительно связей между лидерами местных сообществ и инициатив. Так, в значительной степени взаимодействие обусловлено возрастом (максимальная разница — шесть лет) и общими знакомствами (у 11 из 16 интервьюируемых есть общие знакомые через «третье-четвертое рукопожатие»). Помимо этого, отметим роль в передаче опыта различных форм инициативного благоустройства онлайн-коммуникации, а также физический переезд в другой район и разворачивание активности на новом месте.

Отдельный вопрос — о сценарии развития инициатив от первого уровня к четвертому. В некоторых районах (Центральный, Петроградский, Василеостровский) при значительной концентрации активности ИБ1 деятельность ИБ2 имеет тенденцию к трансформации или потере актуальности, тогда как в Московском, Пушкинском и Кировском районах наблюдаются высокие показатели по всем четырем активностям.

Результаты интервьюирования активистов в целом подтверждают полученные данные. При всей сложности классификации фактов (активность ИБ1 — это преимущественно события, имеющие временный эффект и/или результаты, виды активности ИБ2, ИБ3, ИБ4 — это более или менее постоянно существующие объекты) подтверждается «перескакивающая» через активность ИБ2 эволюция низового активизма. В отдельных случаях активность ИБ1

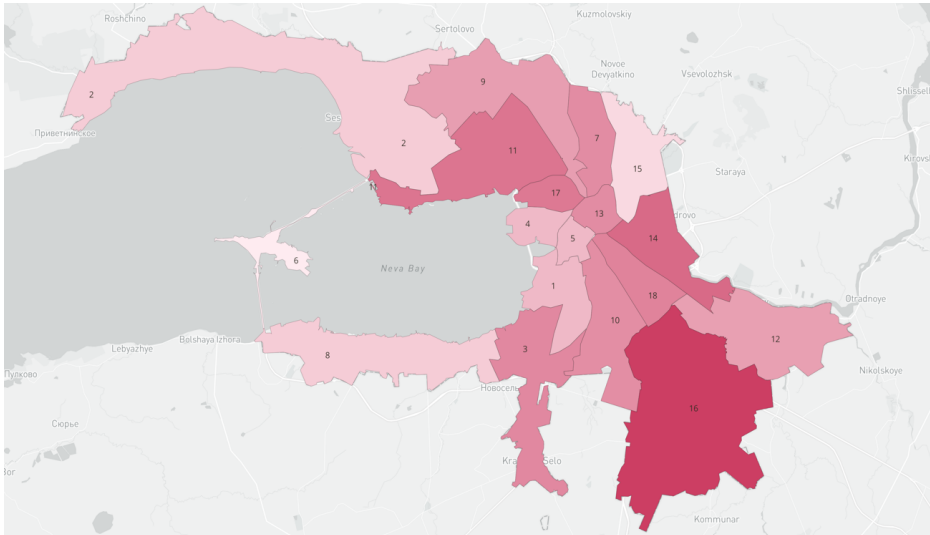
¹ Исследование по данному направлению продолжается в рамках инициативной НИР авторов «Лидеры городских изменений: выбор оптимальной модели компетенций».

является фоновой (иногда — замещающей) для более затратных по ресурсам и необходимым согласованиям деятельности ИБЗ и ИБ4.

Помимо этого, по итогам интервью выявлен предшественник изначально считавшейся «нулевой» активности ИБ1 — это размещение в местах общего пользования объявлений (реже — в группах в социальных сетях из-за неадресного воздействия), адресованных жителям и содержащих призывы к ответственному отношению к общедомовому имуществу и иным формам добрососедского поведения (12 из 16 респондентов указали этот факт в качестве «толчка» к дальнейшей активности).

Наконец, предположение, что распространенность фактов инициативного благоустройства в значительной степени обусловлена недоверием граждан к институционализированным способам реализации своих инициатив (или их слабой вовлеченностью в их работу, а также разочарованием в результатах) [Полещук, 2015], было частично подтверждено при наложении на карту на рис. 12 средних оценок по вовлечению в проекты общественного участия, инициированные органами власти¹. Результаты этого действия представлены на рис. 13.

Рисунок 13. Сводная карта концентрации активностей ИБ1 — ИБ4 с учетом дополнительных факторов вовлеченности в институционализированные формы участия по районам Санкт-Петербурга, 2018–2022 гг.

Источник: Визуализация на базе расчетов авторов.

¹ Сводные оценки по институционализированным формам активности включали в себя оценки по 10-балльной шкале путем группировки общедоступных статистических показателей на тепловой шкале по следующим направлениям: активность жителей (количество подписчиков и комментариев к публикациям) в трех крупнейших (включая официальную группу администрации) районных группах «ВКонтакте»; посещаемость публичных слушаний по градостроительным вопросам; количество обращений на портал «Наш Санкт-Петербург» по вопросам благоустройства территории в категории «двор»; активность жителей районов в проекте «Твой бюджет» при подаче заявок и голосовании; явка на выборах 2019 года (муниципальные и губернаторские) и 2021 года (в Законодательное собрание Санкт-Петербурга и в Государственную Думу РФ), скорректированная с учетом границ избирательных округов и средней явки за предыдущие годы и в среднем по городу.

В целом полученные данные демонстрируют значительное сглаживание различия между большинством районов в сфере инициативного благоустройства за счет компенсации активностью в других сферах. Исключение — Пушкинский район, ввиду своего географического положения и исторического бэкграунда традиционно активный во всех вариантах гражданского участия. Иначе говоря, на успешность вовлечения в традиционные форматы соучастия граждан влияет как компетентность и профессионализм организаторов этой деятельности, так и ее результативность (прежде всего — наличие обратной связи по окончании активности). Немаловажную роль играет и проактивная позиция жителей по отношению к своей жизни в городском пространстве и всему, что ее окружает.

Выводы и рекомендации

По итогам проведенного исследования можно сформулировать выводы по решенным задачам и поставить новые в формате перспектив использования полученных результатов.

Прежде всего отметим, что в большинстве случаев, относимых к инициативному благоустройству, активисты осознанно или интуитивно используют стратегии городских изменений, актуальные для большинства городов мира: преобладающим форматом действий становится «тактический урбанизм» [Лайдон, Гарсия, 2019], при выборе варианта функционирования объектов происходит ориентация на временное / гибкое использование [Oswalt, Overmeyer, Misselwitz, 2014] и отход от устаревшего понимания порядка и нормы в пользу сложности и адаптивности [Сендра, Сеннет, 2022].

Помимо этого, инициативное благоустройство представляет собой не случайные прорывы в ткани административного порядка и надзора, а системный процесс, имеющий свою логику развития и осязаемые результаты.

Тем не менее при анализе разрозненных фактов инициативного благоустройства авторами было отмечено наличие некоторых затруднений, требующих разрешения в последующих исследованиях этого явления.

Во-первых, субъективность и зависимость от текущей повестки при подборе и описании кейсов. В значительной степени появление того или иного факта гражданской самоорганизации в публичном поле обусловлено или информационным поводом (конфликт между жителями или с органами власти, публикация популярного блогера, случайная фотография или запись в социальных сетях медийной персоны, заполнение информационного вакуума в условиях спокойной новостной повестки), или личным опытом автора (исследователя) в качестве жителя города. В данном исследовании, несмотря на значительное количество выявленных фактов, авторы признают неполноту картины при сохранении ее репрезентативности.

Во-вторых, в связи с вышеуказанной проблемой возникает и сложность отделения от родственных (пограничных) феноменов ненизового генезиса, сознательно или несознательно мимикрирующих под инициативы и «порыв

снизу»: «месячники благоустройства», курируемые администрациями муниципальных образований и территорий; «праздники соседей», организованные социальными учреждениями или управляющими компаниями; полупрофессиональное или профессиональное благоустройство территории, предпринимаемое малым и средним бизнесом или депутатами; борьба за сохранение и восстановление элементов культурного наследия при поддержке общегородских движений разной направленности и масштаба (градозащитники, «Гэнг», «Двери с помоек»). В целом можно согласиться с тем, что все вышеперечисленное имеет в своей основе стремление сделать жизнь окружающих лучше, но в рамках данного исследования были важны привязка к конкретной территории и преобладающие интересы жителей как инициаторов и организаторов. Наконец, отдельного упоминания заслуживает постепенно распространяющийся, но пока не в полной мере вписывающийся в описанную модель инициативного благоустройства феномен городского огородничества.

В-третьих, за рамками исследования остается большой набор «темных данных», связанных с уровнем юридической квалификации представителей районных администраций (в рамках реализации одного из трех сценариев: уничтожение созданного жителями объекта, его согласование и суд с возможным компромиссным решением), глубиной выборки фактов инициативного благоустройства по времени (отдельные явления и факты имели место с конца 1980-х годов), позицией и переговорной силой управляющей компании или ЖКС, наличием среди жильцов представителей власти или бизнеса, способствующих решению проблемы.

В плане практического использования эффектов и результатов инициативного благоустройства можно очертить следующие области принятия решений органами власти местного и районного уровней:

- 1) более гибкий учет реальных интересов жителей при рассмотрении обращений на портале «Наш Санкт-Петербург»; формирование карты возможностей для развития локального / социального бизнеса;
- 2) развитие территориального общественного самоуправления (в настоящее время в городах федерального значения оно фактически отсутствует);
- 3) прогнозирование успешности сессий соучаствующего проектирования и успешности реализации проектов общественных пространств;
- 4) развитие института государственно-общественного управления образованием на уровне территории (более конструктивная работа в управляющих советах);
- 5) появление значимого инструментария для оценки социальных проектов и инициатив в области городского развития («Индекс влияния местных сообществ»).

Возможно, при реализации указанных вариантов использования инициативного благоустройства постепенно изменится и отношение к этому многогранному и вдохновляющему феномену со стороны органов власти и (пока еще) неактивных граждан.

Литература

Абашев В. В., Печищев И. М. Городские сетевые издания как агенты урбанизации // Город и медиа: материалы Международной научно-практической конференции «Новые городские медиа в медиаландшафте России», г. Пермь, 1–2 июня 2018 года. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2018. С. 9–29. EDN: [YXPWEN](#)

Абашева М. П. Урбанизм и урбанисты в российских сетевых изданиях 2010-х годов: монография / Отв. ред. М. П. Абашева. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2020. EDN: [UNYEWL](#)

Антонова Н. Л., Абрамова С. Б. Городской активизм молодёжи: практики и барьеры // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. № 2. С. 96–103. DOI: <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2021-2/96-103>. EDN: [AUTDTU](#)

Арнштейн Ш. Лестница гражданского участия // Американская ассоциация планирования / Пер. с англ. Д. Киселев. 2012. Т. 35. № 4. Р. 216–224.

Афанасьев К. С., Степанова Е. С. The Day After: жизнь и судьба проектов соучаствующего проектирования в городах России // Городские исследования и практики. 2021. Т. 6. № 2. С. 26–47. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp62202126-47>. EDN: [FYLAPW](#)

Барковская Н. В. Приключения Чебурашки: гротескная реактуализация образа в современном сознании // Уральский филологический вестник. Серия «Русская литература XX–XXI веков: направления и течения». 2020. № 1. С. 91–106. DOI: <https://doi.org/10.26170/ufv20-01-06>. EDN: [ASKJCP](#)

Бест Дж. Конструкционистский подход к исследованию социальных проблем // Контексты современности-II: Актуальные проблемы общества и культуры в западной социальной теории: хрестоматия / Под ред. С. А. Ерофеевой. 2-е изд. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. С. 164–175.

Богданов А. Л., Дуля И. С. Сентимент-анализ коротких русскоязычных текстов в социальных медиа // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2019. № 47. С. 220–241. DOI: <https://doi.org/10.17223/19988648/47/17>. EDN: [QFXMQA](#)

Гаврилов А. В. Психогеография как инструментальный подход к изучению городской среды // Вестник ПГТУ. Урбанистика. 2011. № 2. С. 161–167. EDN: [OiyUTJ](#)

Грэхэм С., Трифт Н. Неисправность: ремонтировать, поддерживать работу и понимать // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2014. № 2. С. 147–174. EDN: [TRTEQO](#)

Желнина А. А., Тыканова Е. В. Формальные и неформальные гражданские инфраструктуры: современные исследования городского локального активизма в России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2019. Т. 22. № 1. С. 162–192. DOI: <https://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.1.8>. EDN: [VVKYRG](#)

Калашникова К. Н. Визуальная коммуникация в городском пространстве Новосибирска: дифференциация и восприятие // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 458. С. 101–109. DOI: <https://doi.org/10.17223/15617793/458/12>. EDN: [FKOBAG](#)

Киракосян С. А., Одначев П. С. О формировании концепции добрососедства в российском жилищном праве // Право и политика. 2021. № 6. С. 45–57. DOI: <https://doi.org/10.7256/2454-0706.2021.6.35808>. EDN: [HBDMZD](#)

Королева М. Н., Чернова М. А. Тактики реализации городских проектов // Городские исследования и практики. 2017. Т. 2. № 3. С. 28–42. EDN: [UPPAJT](#)

Косарев В., Павлов П., Каукин А. Социальный капитал как фактор экономического роста российских регионов // Экономическая политика. 2019. Т. 14. № 5. С. 124–149. DOI: <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2019-5-124-149>. EDN: [JPKZPP](#)

Лайдон М. Гарсия Э. Тактический урбанизм. Краткосрочные действия — долгосрочные перемены / Пер. с англ. Л. Сумм, А. Огнева. М.: Strelka Press, 2019.

Линч К. Образ города / Пер. с англ. В. Глазычева. М.: Стройиздат, 1982.

Лисина М., Семененко М., Федотова Д. Делай сам/а: практики низовых гражданских инициатив. М.: Перо, 2017.

Лоу С. М. Пласа. Политика общественного пространства и культуры / Пер. с англ. Ю. Плискиной. М.: Strelka Press, 2016.

Мюллер А. К. От городских совместностей к городскому планированию (или наоборот?). «Планируя» оспариваемую территорию Гляйсдрайек // Urban commons. Городские сообщества за пределами государства и рынка / Под ред. М. Делленбо, М. Кипа, М. Бьеньек, А. К. Мюллер, М. Швэгмана / Пер. с англ. Д. Безуглова. М.: Новое литературное обозрение, 2020. С. 198–219.

Нотман А. В. Перспективы реализации модели соуправления в российских мегаполисах: новый гражданский активизм и микролокальные городские режимы // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2021. № 2 (62). С. 86–94. DOI: https://doi.org/10.52452/18115942_2021_2_86. EDN: MCWOHC

Павлюк С. Г. Городская локальная топонимия как индикатор пространственной самоорганизации общества // Городские исследования и практики. 2017. Т. 2. № 2. С. 33–42. EDN: YPUWJG

Паченков О., Воронкова Л. «Новый городской активизм» и «публичная политика» в России (на примере Санкт-Петербурга) // Журнал исследований социальной политики. 2021. Т. 19. № 2. С. 253–268. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-253-268>. EDN: MOGYJO

Пискунов М. О., Раков Т. Н. Коммунистический труд? Субботник между позднесоветским ритуалом и экологической практикой // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2020. № 6 (69). С. 113–120. DOI: <https://doi.org/10.26105/SSPU.2020.69.6.015>. EDN: ZQZAHJ

Полищук Л. Ждать начальства или скинуться самим: социальный капитал в жизни города // Стимулы. Парадоксы. Провалы. Город глазами экономистов / Под ред. В. Аузана. М.: Stelka Press. 2015. С. 112–135.

Семенов А., Минаева А. Города расходящихся улиц: развитие городских конфликтов в России 2010-х // Журнал исследований социальной политики. 2019. Т. 19. № 2. С. 189–204. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-189-204>. EDN: VYUBHY

Сендра П., Сеннет Р. Проектировать беспорядок Эксперименты и трансгрессии в городе / Пер. с англ. И. Кушнарева. М.: Изд-во Института Гайдара, 2022.

Серто М. де. По городу пешком // Communitas. 2005. № 2. С. 80–87.

Серто М. де. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать / Пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013.

Синягин Ю. В. Опросник оценки управленческого потенциала в комплексной личностно-профессиональной диагностике. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС. 2020. EDN: IQLBIW

Смирнов А. В. Искусство городских дворов: специфика явления и перспективы изучения // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей / Под ред. С. В. Мальцевой, Е. Ю. Станкович-Денисовой, А. В. Захаровой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2018. № 8. С. 600–608. DOI: <https://doi.org/10.18688/aa188-6-59>. EDN: NJYQIL

Смирнова И. Н. «Живущие рядом»: Соседские взаимоотношения в городском пространстве // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Естественные, общественные науки. 2016. № 1. С. 56–63. EDN: VVWFJL

Спектор М., Китсьюз Дж. Конструирование социальных проблем // Контексты современности-II: Актуальные проблемы общества и культуры в западной социальной теории: хрестоматия / Под. ред. С. А. Ерофеевой. 2-е изд. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. С. 160–163.

Фролова Е. В. Взаимодействие населения и местной власти: проблемы и новые возможности // Социологические исследования. 2016. № 4. С. 59–64. EDN: VZSLMR

Хаким Бей. Устойчивые временные автономные зоны // Анархия. Антология современного анархизма и левого радикализма / Пер. с англ. С. Кормильцева. М.: Ультра. Культура, 2003. Т. 1. С. 339–346.

Хилгартнер С., Боск Ч. Л. Рост и упадок социальных проблем: концепция публичных арен // Социальная реальность. 2008. № 2. С. 73–94.

Шипулина Н. Б. Самодеятельный дизайн городских дворов Волгограда в аспекте антропологии вещи // Фундаментальные и прикладные науки сегодня: материалы X Международной научно-практической конференции. Норт-Чарлстон: CreateSpace, 2016. Т. 1. С. 21–35. EDN: [XHVAIP](#)

Шомина Е. С. Соседские центры как элемент инфраструктуры соседского сообщества // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2015. № 4 (8). С. 95–104. EDN: [VEIMTZ](#)

Экман П. А. Феномен ЖЭК-арта и его реализация в городе Екатеринбурге // Искусство в городе: теория, практика, управление. Материалы Международного симпозиума. Екатеринбург: Изд-во ЕАСИ, 2020. С. 184–189. EDN: [ULJXPY](#)

Элликсон Р. Порядок без права: как соседи улаживают споры / Пер. с англ. М. Маркова. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017.

Ясавеев И. Г. Конструкционистский подход к социальным проблемам // Журнал исследований социальной политики. 2004. Т. 2. № 4. С. 533–546. EDN: [IAROZF](#)

Gallent N., Robinson S. Neighbourhood planning. Communities, Networks and Governance. Bristol: Policy press, 2013. DOI: <https://doi.org/10.1332/policypress/9781447300069.001.0001>

Halpern D. Social Capital / Cambridge: Polity Press, 2005.

Oswalt P., Overmeyer K., Misselwitz P. Urban Catalyst. The Power of Temporary Use. Berlin: DOM publishers, 2014.

Putnam R. Bowling Alone. The Collapse and Revival of American Community. New York: Simon & Schuster, 2000. DOI: <https://doi.org/10.1145/358916.361990>

Sim D. Soft City. Building Density for Everyday Life. London: Island Press, 2019. DOI: <https://doi.org/10.3368/lj.38.1-2.185>

Ward K. (Ed.) Researching the City. A Guide for Students. London: SAGE, 2014. DOI: <https://doi.org/10.4135/9781526401885>

Wates N. The Community Planning Handbook. 2nd edition. London: Earthscan, 2014. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315848716>

Сведения об авторах:

Афанасьев Кирилл Станиславович — кандидат философских наук, доцент, кафедра государственного и муниципального управления, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия. **E-mail:** k.afanasiev@lengu.ru. **ПИНЦ Author ID:** [833502](#); **ORCID ID:** [0000-0001-6226-312X](#); **ResearcherID:** [L-1045-2017](#).

Степанова Екатерина Сергеевна — аспирант, преподаватель, департамент государственного администрирования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия. **E-mail:** stepanovaes1@gmail.com. **ПИНЦ Author ID:** [1097559](#); **ORCID ID:** [0000-0003-1203-3857](#); **ResearcherID:** [DLU-8476-2022](#).

Статья поступила в редакцию: 28.05.2022

Принята к публикации: 09.09.2022

Initiative Improvement in Saint-Petersburg: from Local Community Art towards Tactical Urbanism

DOI: 10.19181/inter.2022.14.3.6

Kirill S. Afanasiev

Pushkin Leningrad state university,
Saint-Petersburg, Russian Federation
E-mail: k.afanasiev@lengu.ru

Ekaterina S. Stepanova

HSE University, Saint-Petersburg, Russian Federation
E-mail: stepanovaes1@gmail.com

The article summarizes the preliminary results of the analysis of public initiatives in the field of landscaping in St. Petersburg. In order to systematize the variety of research approaches and assessments of interested persons authors used the methods of source analysis and generalization (grouping) of assessments and analogies in relation to the objects and phenomena under consideration.

The practical part of the study consisted in the formation of an array of data and a bank of cases in the field of grassroots initiatives to improve the urban environment and the formation of public spaces. Based on the data obtained, there was created a map of the activity of urban communities, as well as a heat map, illustrating the foci of concentration of the social capital of the city. As the analytical tools authors used models of joint actions and cooperation, research methods of the theory of public goods and behavioral economics, as well as the method of geoinformation analysis.

As a unifying term for the phenomena under consideration, the authors propose the term "initiative improving", meaning a spontaneously emerging and developing form of civic activity at the place of residence using self-organization and self-financing tools. The range of revealed facts of initiative landscaping varies from negatively perceived 'local community art' (a form of naive and artisanal improvement of the space around a residential building) to initiatives of residents to restore and form public facilities approved by the majority (restoration of entrances of historical buildings, lost historical elements, green spaces). Intermediate forms in this regard are initiatives within the framework of territorial public self-government, festive events and temporary facilities. The concept that allows us to describe the most constructive format is M. Lydon's "tactical urbanism" — the theory of "small affairs" in the field of urban development.

The novelty of the presented approach consists in the systematization of the facts of initiative improvement (including negative ones) and their integration into the general logic of modern urban development against the background of currently prevailing approaches based on the allocation of the decisive role of professionals and experts in this process.

Keywords: civic activity; urban environment; public spaces; civic initiatives; initiative improvement; tactical urbanism; local community art

References

Abashev V.V., Pechishchev I.M. (2018) Gorodskie setevye izdaniya kak agenty urbanizacii [Urban Network Publications as Agents of Urbanization] In: *Gorod i media* [City and Media]. Collected Papers of sc. conf. Perm': PSU. P. 9–29. (In Russ.)

Abasheva M.P. (2020) *Urbanism I urbanisty v rossijskikh setevyh izdaniyah 2010-h godov* [Urbanism and Urbanists in Russian Online Media in the 2010s]. Perm: Permskij gosudarstvennij natsional'nij issledovatel'skij universitet [Perm State University]. (In Russ.)

Afanasiev K.S., Stepanova E.S. (2021) The Day After: zhizn' i sud'ba proektov souchastvuyushchego proektirovaniya v gorodah Rossii [The Day After: The Life and Fate of Participatory Design Projects in Russian Cities]. *Gorodskie issledovaniya i praktiki* [Urban Studies and Practices]. Vol. 6. No. 2. P. 26–47. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17323/usp62202126-47>

Antonova N.L., Abramova S.B. (2021) Gorodskoj aktivizm molodyozhi: praktiki i bar'ery [Urban Youth Activism: Practices and Barriers]. *Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya* [Oikumena. Regional Studies]. No. 2. P. 96–103. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2021-2/96-103>

Arnstein S. (1969) Ladder of Citizen Participation. *Journal of American Planning Association*. Vol. 35. No. 4. P. 216–224.

Barkovskaya N.V. (2020) Prikl'yucheniya Cheburashki: grotesknaya reaktualizaciya obraza v sovremennom soznanii [Adventures of Cheburashka: Grotesque Reactualization of the Image in Modern Consciousness]. *Ural'skij filologicheskij vestnik. Seriya "Russkaya literatura XX–XXI vekov: napravleniya i techeniya"* [Ural Philological Bulletin. The Series "Russian Literature of the XX–XXI Centuries: Trends and Currents"]. No. 1. P. 91–106. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.26170/ufv20-01-06>

Best J. (2001) Konstrukcionistskij podhod k issledovaniju social'nyh problem [Constructionist Approach to the Study of Social Problems]. In: S.A. Yerofeyev (ed). *Konteksty sovremennosti-II: Aktual'nye problemy obshchestva i kul'tury v zapadnoj social'noj teorii: hrestomatija* [Contexts of Modernity-II: Actual Problems of Society and Culture in Western Social Theory: a Textbook]. 2nd ed. Kazan: Izdatelstvo Kazan University. P. 164–175. (In Russ.)

Bogdanov A.L., Dulya I.S. (2019) Sentiment-analiz korotkih russkojazychnyh tekstov v social'nyh media [Sentiment-analysis of Short Russian-language Texts in Social Media]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika* [Bulletin of Tomsk State University. Economy]. No. 47. P. 220–241. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17223/19988648/47/17>

Certeau M. de. (2005) Po gorodu peshkom [Walking around the City]. *Communitas* [Communitas]. No. 2. P. 80–87. (In Russ.)

Certeau M. de (2013) *Izobretenie povsednevnosti. 1. Iskusstvo delat'* [The Invention of Everyday Life. 1. The Art of Making] / Transl. by D. Kalugin, N. Movnin. St. Petersburg: European University in St. Petersburg publ. (In Russ.)

Ekman P.A. (2020) Fenomen ZHEK-arta i ego realizaciya v gorode Ekaterinburge [The Phenomenon of Communal Art and Its Implementation in the City of Yekaterinburg]. In: *Iskusstvo v gorode: teoriya, praktika, upravlenie. Materialy mezhdunarodnogo simpoziuma* [Art in the City: Theory, Practice, Management. Proceedings of International Symposium]. Ekaterinburg: Izdatelstvo EACA. P. 184–189. (In Russ.)

Ellickson R. (2017) *Porjadok bez prava: kak sosedi ulazhivajut spory* [Order Without Right: How Neighbors Settle Disputes] / Transl. by M. Markov. Moscow: Izdatelstvo Gaidar Institute. (In Russ.)

Frolova E.V. Vzaimodejstvie naseleniya i mestnoj vlasti: problemy i novye vozmozhnosti [Interaction of the Population and Local Authorities: Problems and New Opportunities]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Research]. No 4. P. 59–64. (In Russ.)

Gallent N., Robinson S. (2013) *Neighbourhood planning. Communities, networks and governance*. Bristol: Policy press. DOI: <https://doi.org/10.1332/policypress/9781447300069.001.0001>

Gavrilov A.V. (2011) Psihogeografiya kak instrumental'nyj podhod k izucheniyu gorodskoj sredy [Psychogeography as an Instrumental Approach to the Study of the Urban Environment]. *Vestnik PGTU. Urbanistika* [Bulletin of PSTU. Urban Studies]. No. 2. P. 161–167. (In Russ.)

Graham S., Trift N. (2014) Neispravnost': remontirovat', podderzhat' rabotu i ponimat' [Malfunction: Repair, Maintain Work and Understand]. *Neprikosnovennyj zapas. Debaty o politike i kul'ture* [Inviolable Reserve. Debates about Politics and Culture]. No. 2. P. 147–174. (In Russ.)

Hakim Bej. (2003) Ustojchivye vremennye avtonomnye zony [Stable Temporary Autonomous Zones]. *Anarhiya. Antologiya sovremennogo anarhizma i levogo radikalizma* [An Anthology of Modern

Anarchism and Left-wing Radicalism] / Transl. by S. Kormil'cev. Moscow: Ul'tra. Kul'tura. Vol. 1. P. 339–346. (In Russ.)

Halpern D. (2005) *Social Capital*. Cambridge: Polity Press.

Hilgartner S., Bosk C.L. (2008) Rost i upadok socialnyx problem: koncepciya publicznyx aren [The Growth and Decline of Social Problems: the Concept of Public Arenas]. *Socialnaya realnost* [Social Reality]. No. 2. P. 73–94. (In Russ.)

Kalashnikova K.N. (2020) Vizual'naya kommunikaciya v gorodskom prostranstve Novosibirska: differenciaciya i vospriyatие [Visual Communication in the Urban Space of Novosibirsk: Differentiation and Perception]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University]. No. 458. P. 101–109. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17223/15617793/458/12>

Kirakosyan S.A., Odnachev P.S. (2021) O formirovanii koncepii dobrososedstva v rossijskom zhilishchnom prave [On the Formation of the Concept of Good Neighborliness in Russian Housing Law]. *Pravo i politika* [Law and Politics]. No. 6. P. 45–57. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.7256/2454-0706.2021.6.35808>

Koroleva M.N., Chernova M.A. (2017) Taktiki realizacii gorodskih proektov [Tactics for the Implementation of Urban Projects]. *Gorodskie issledovaniya i praktiki* [Urban Studies and Practices]. Vol. 2. No. 3. P. 28–42. (In Russ.)

Kosarev V., Pavlov P., Kaukin A. (2019) Social'nyj kapital kak faktor ekonomicheskogo rosta rossijskih regionov [Social Capital as a Factor of Economic Growth of Russian Regions]. *Ekonomicheskaya politika* [Economic Policy]. No. 5. P. 124–149. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2019-5-124-149>

Lisina M., Semenenko M., Fedotova, D. (2017) *Delaj sam/a: praktiki nizovyh grazhdanskih iniciativ* [Do It Yourself: Practices of Grassroots Civic Initiatives]. Moscow: Pero. (In Russ.)

Low S. (2016) Plasa. *Politika obshhestvennogo prostranstva i kul'tury* [Plaza. The Politics of Public Space and Culture] / Transl. by Yu. Pliskina. Moscow: Strelka Press. (In Russ.)

Lydon M., Garcia A. (2019) *Takticheskij urbanizm. Kratkosrochnye dejstviya — dolgosrochnye pere-meny* [Tactical Urbanism. Short-term Action for Long-term Change]. Moscow: Strelka Press. (In Russ.)

Lynch K. (1982) *Obraz goroda* [The image of the city] / Transl. by V. Glazychev. Moscow: Stroyizdat. (In Russ.)

Mueller A.K. (2020) Ot gorodskih sovместnostej k gorodskomu planirovaniyu (ili naobrot?). "Planiruya" osparivaemuyu teritoriyu Glyajsdrajek [From Urban Interconnections to Urban Planning (or vice versa?). "Planning" the Disputed Territory of Gleisdreieck]. In: M. Dellenbaugh, M. Kip, M. Bieniok, A.K. Mueller, M. Schwegmann (eds.) *Urban Commons. Gorodskie soobshchestva za predelami gosudarstva i rynka* [Urban Commons. Moving Beyond State and Market]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. P. 198–219. (In Russ.)

Notman A.V. (2021) Perspektivy realizacii modeli soupravleniya v rossijskih megapolisah: novyj grazhdanskij aktivizm i mikrolokal'nye gorodskie rezhimy [Prospects for the Implementation of the Co-Management Model in Russian Megacities: New Civic Activism and Microlocal Urban Regimes]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Social'nye nauki* [Bulletin of the Nizhny Novgorod University Named after N. I. Lobachevsky. Series: Social Sciences]. No. 2 (62). P. 86–94. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.52452/18115942_2021_2_86

Oswalt P., Overmeyer K., Misselwitz, P. (2014) *Urban Catalyst. The Power of Temporary Use*. Berlin: DOM publishers.

Pachenkov O., Voronkova L. (2021) "Novyj gorodskoj aktivizm" i "publichnaja politika" v Rossii (na primere Sankt-Peterburga) ["New Urban Activism" and "Public Policy" in Russia (On the Example of St. Petersburg)]. *Zhurnal issledovanij social'noj politiki* [Journal of Social Policy Research]. Vol. 19. No. 2. P. 253–268. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-253-268>

Pavlyuk S.G. (2017) Gorodskaya lokal'naya toponimiya kak indikator prostranstvennoj samoorganizacii obshchestva [Urban Local Toponymy as an Indicator of Spatial Self-organization

of Society]. *Gorodskie issledovaniya i praktiki* [Urban Studies and Practices]. Vol. 2. No. 2. P. 33–42. (In Russ.)

Piskunov M.O. Rakov T.N. (2020) Kommunisticheskij trud? Subbotnik mezhdru pozdnesovetskim ritualom i ekologicheskoy praktikoj [Communist Labor? Subbotnik Between the Late Soviet Ritual and Environmental Practice]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Surgut State Pedagogical University]. No. 6 (69). P. 113–120. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.26105/SSPU.2020.69.6.015>

Polishchuk L. (2015) Zhdat' nachal'stva ili skinut'sya samim: social'nyj kapital v zhizni goroda [Waiting for the Bosses or Organizing Themselves off: Social Capital in the Life of the City]. In: V. Auzan (ed.) *Stimuly. Paradoksy. Provaly. Gorod glazami ekonomistov* [Incentives. Paradoxes. Failures. City Through the Eyes of Economists]. Moscow: Stelka Press. P. 112–135. (In Russ.)

Putnam R. (2000) *Bowling Alone. The Collapse and Revival of American Community*. New York: Simon & Schuster. DOI: <https://doi.org/10.1145/358916.361990>

Semenov A., Minaeva A. (2019) Goroda raskhodyashchihulya ulic: razvitie gorodskih konfliktov v Rossii 2010-h [Cities of Diverging Streets: the Development of Urban Conflicts in Russia in the 2010s]. *Zhurnal issledovaniy social'noj politiki* [Journal of Social Policy Research]. Vol. 19. No. 2. P. 89–104. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-189-204>

Sendra P., Sennett R. (2022) *Proektirovat' besporyadok Eksperimenty i transgressii v gorode* [Designing Disorder Experiments and Disruptions in the City] / Transl. by I. Kushnareva. Izdatelstvo Gajdar Institute. (In Russ.)

Shipulina N.B. (2016) Samodeyatel'nyj dizajn gorodskih dvorov Volgograda v aspekte antropologii veshchi [Amateur Design of Volgograd City Courtyards in the Aspect of the Anthropology of Things]. In: *Fundamental and Applied Sciences Today X: Proceedings of the Conference*. North Charleston: CreateSpace. No. 1. P. 21–35. (In Russ.)

Shomina E.S. (2015) Sosedskie centry kak element infrastruktury sosedskogo soobshchestva [Community Centers as an Element of the Neighborhood Community Infrastructure]. *Ekonomicheskie i social'no-gumanitarnye issledovaniya* [Economic and socio-humanitarian studies]. No. 4 (8). P. 95–104. (In Russ.)

Sim D. (2019) *Soft city. Building Density for Everyday Life*. London: Island press. DOI: <https://doi.org/10.3368/lj.38.1-2.185>

Sinyagin Yu.V. (2020) *Oprosnik ocenki upravlencheskogo potentsiala v kompleksnoj lichnostno-professional'noj diagnostike* [Questionnaire for Assessing Managerial Potential In Complex Personal and Professional Diagnostics]. Moscow: Izdatelstvo "Delo" RANEPa. (In Russ.)

Smirnov A.V. (2018) Iskusstvo gorodskih dvorov: specifika yavleniya i perspektivy izucheniya [The Art of Urban Courtyards: the Specifics of the Phenomenon and the Prospects of Study]. In: S.V. Maltseva, E. Yu. Stanyukovich-Denisova, A.V. Zakharova (eds.) *Aktual'nye problemy teorii i istorii iskusstva: sb. nauch. statej* [Actual Problems of the Theory and History of Art: Collection of Scientific Articles]. Saint-Petersburg: Izdatelstvo PSU. No. 8. P. 600–608. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.18688/aa188-6-59>

Smirnova I.N. (2016) «Zhivushchie ryadom»: Sosedskie vzaimootnosheniya v gorodskom prostranstve [“Living Nearby”: Neighborhood Relations in Urban Space]. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Estestvennyye, obshchestvennyye nauki* [Bulletin of the Ivanovo State University. Series: Natural, Social Sciences]. No. 1. P. 56–63. (In Russ.)

Spector M., Kitsews J. (2001) Konstruirovaniye social'nyh problem [Constructing Social Problems]. In: S.A. Yerofeyev (ed.) *Konteksty sovremennosti-II: Aktual'nye problemy obshchestva i kul'tury v zapadnoj social'noj teorii: hrestomatija* [Contexts of Modernity-II: Actual Problems of Society and Culture in Western Social Theory: a Textbook]. 2nd ed. Kazan: Izdatelstvo Kazan University. P. 160–163.

Ward K. (Ed.) (2014) *Researching the City. A Guide for Students*. London: SAGE. DOI: <https://doi.org/10.4135/9781526401885>

Wates N. (2014) *The Community Planning Handbook*. 2nd edition. London: Earthscan. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315848716>

Yasaveev I.G. (2004) Konstrukcionistskij podhod k social'nym problemam [Constructionist Approach to Social Problems]. *Zhurnal issledovanij social'noj politiki* [Journal of Social Policy Research]. Vol. 2. No. 4. P. 533–546. (In Russ.)

Zhel'nina A.A., Tykanova E.V. (2019) Formal'nye i neformal'nye grazhdanskije infrastruktury: sovremennye issledovaniya gorodskogo lokal'nogo aktivizma v Rossii [Formal and Informal Civil Infrastructures: Modern Studies of Urban Local Activism in Russia]. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 22. No. 1. P. 162–192. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.1.8>

Authors bio:

Kirill S. Afanasiev — Candidate of Philosophy, Associate professor, Department of State and Municipal Administration, Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russia. **E-mail:** k.afanasiev@lengu.ru. **RSCI Author ID:** 833502; **ORCID ID:** 0000-0001-6226-312X; **ResearcherID:** L-1045-2017.

Ekaterina S. Stepanova — Graduate Student, Lecturer, Department of Public Administration, HSE University, St. Petersburg, Russia. **E-mail:** stepanovaes1@gmail.com. **RSCI Author ID:** 1097559; **ORCID ID:** 0000-0003-1203-3857; **ResearcherID:** DLU-8476-2022.

Received: 28.05.2022

Accepted: 09.09.2022

ИНТЕР-энциклопедия качественных методов

DOI: 10.19181/inter.2022.14.3.7

EDN: PKYEYE

ИНТЕР-энциклопедия: конверсационный анализ

Ссылка для цитирования:

Мальцев М. А. ИНТЕР-энциклопедия: конверсационный анализ // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2022. Т. 14. № 3. С. 154–165. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2022.14.3.7>.
EDN: PKYEYE

For citation:

Maltsev M. A. (2022) INTER-Encyclopedia: Conversation Analysis. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 14. No. 3. P. 154–165. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2022.14.3.7>

Мальцев Михаил Алексеевич

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-mail: mamaltsev@hse.ru

В статье описываются методологические особенности конверсационного анализа и особое понимание социологии, которое тематизируется в категориях естественной наблюдательной науки, радикального эмпиризма, микровзаимодействий или так называемой «речи во взаимодействии». Представлена трактовка понятия «социальный порядок», заложенная в программе конверсационного анализа. Рассмотрены такие ключевые понятия, как «очередность» и «передача права голоса», а также принцип «один говорящий за раз», обеспечивающий (вос-)производство локальной структуры разговора. Изложена концепция подготовки и анализа транскрипта в перспективе конверс-аналитических исследований.

Ключевые слова: конверсационный анализ; практики разговора; повседневные взаимодействия; этнометодология

Конверсационный анализ (conversation analysis) — направление исследований, предметом которых выступают разговорные взаимодействия. Термин «разговор» в перспективе конверсационного анализа (КА) не ограничивается

повседневными коннотациями, но включает в себя также и коммуникативные жанры, предполагающие ту или иную степень институциональной строгости (от интервью до судебного заседания). Конверсационный анализ приобрел свои методологические очертания в 1960-х годах благодаря усилиям **Харви Сакса**, а предпосылки его возникновения можно обнаружить в программе этнометодологии Гарольда Гарфинкеля, с которой КА объединяют неортодоксальные исследовательские ориентации. Помимо этнометодологии, разговорный анализ испытал на себе влияние социологии Эрвина Гофмана, генеративной грамматики Ноама Хомского, теории речевых актов Джона Серля, равно как и других идей, имеющих отношение к философии обыденного языка, а также социолингвистики, этнографии и даже греческой философии [Maunard, 2013]. Отношение к ЭМКА (зонтичная аббревиатура, объединяющая этнометодологию и разговорный анализ) достаточно сильно поляризовано: некоторые ученые описывают ЭМ и КА как «сектантское движение, содержание споров внутри которого понимают лишь их участники» [Ионин, 2010: 216]¹, другие же находят в них «революционную социальную науку» [Корбут, 2015: 136].

По мнению Сакса, повседневный мир и его обыденность поддаются настолько же формальному описанию, как в естественных науках. Более того, если естественные науки возможны как проект, то возможно и подлинно научное описание социальной жизни. Сакс видит социологию как естественную наблюдательную науку [Sacks, 1989: 29]. Хотя натуралистический проект социальных наук вошел в социологический дискурс задолго до Сакса, перспектива формализации наблюдений элементарного социального взаимодействия стала исследовательской находкой. Так социологический натурализм получил в свое распоряжение новый микрообъект (как выразилась Дейдра Боден, «разговорный анализ — самый микро- во всей микросоциологии») [Boden, 1990: 248]²; а КА был инспирирован другими исследовательскими программами внутри социальных наук.

Если нормативная исследовательская логика движется от концептуализации социальных фактов к попыткам их измерения, например, с помощью интервью, фокус-групп или массовых опросов, то суть разговорного анализа — минимальная нагруженность гипотезами и концептуализациями. Кроме того, как для этнометодологии, так и для разговорного высказывания справедлив тезис о том, что социальный порядок конституируется, воспроизводится и администрируется не большими структурными явлениями, а участниками повседневных взаимодействий. Разговор в этом случае — средоточие социального порядка [Корбут, 2015].

¹ Примечательно, что подобная позиция озвучивается в учебно-методическом пособии. Это может говорить о формировании специфического отношения к ЭМКА уже на начальных этапах профессиональной социализации социологов.

² Приведенная цитата взята из статьи Андрея Корбута [Корбут, 2015: 136], благодаря которому русскоязычная социология получила возможность ближе познакомиться с ключевыми конверсационными и этнометодологическими текстами. Во многом проект этнометодологии и разговорного анализа в России появился именно благодаря ему.

Повседневная жизнь, ее «здесь и сейчас», естественное богатство языка — ровно то, с чем имеет дело КА. Будучи натуралистичным методом, он акцентирует внимание на конкретных формах речевого поведения и призван «увидеть ситуацию взаимодействия такой, какой она не только воспринимается участниками взаимодействия, но и создается ими» [Турчик, 2013: 123]. Отсюда — радикальный эмпиризм, высокая степень детализации и формализации данных, причем формализации, которая всячески избегает их помещение в прокрустово ложе готовых исследовательских конструкций. Конверс-аналитик следит за живой работой разговора, так называемой **«речью во взаимодействии»** (talk-in-interaction, термин, который связывают с другим классиком КА Эммануилом Щеглоффом) [Корбут, 2015: 122]. Упорядоченность социального мира с позиции КА не представляет собой реальность *suí generis* в ее традиционном дюркгеймовском понимании. Она не является продуктом незримых социальных сил, а локализована в обыденном мире, который чувствителен к контексту и соткан из ситуативных взаимодействий. Последние же возможны благодаря согласованным действиям их участников [Тичер, Мейер, Водак, Веттер, 2009: 149–150].

Исследовательская ориентация конверсационного анализа предписывает особую роль и социологу. Внимание конверс-аналитиков приковано к тому, как рядовые члены общества делают взаимодействие упорядоченным и понятным друг для друга. В этой ситуации социолог теряет свое привилегированное положение и право на единоличную интерпретацию, поскольку анализируемость повседневных ситуаций интересна только в качестве анализируемости естественной, исходящей от непосредственных участников, а не навязанной извне трактовкой ситуации. Более того, эти трактовки должны быть «примитивными» и доступными, в том числе — для обывателей [Корбут, 2015: 123].

Статья **«Простейшая систематика организации очередности в разговоре» Харви Сакса, Эммануила Щеглоффа и Гейл Джефферсон**, считающаяся классическим конверс-аналитическим текстом, предлагает экскурс в систему организации разговорных взаимодействий [Сакс, Щеглофф, Джефферсон, 2015]. Выстраивая исследовательскую программу, конверс-аналитики имеют дело с такими понятиями, как очередность (или же черед) и право голоса. Как возникает упорядоченный разговор и почему он таковым остается? Почему люди обычно не перебивают друг друга и можно ли на этом основании заявлять, что разговор представляет собой наглядную иллюстрацию социального порядка? Авторы статьи утверждают, что разговор — серия чередов (turn)¹, в ходе которых участники взаимодействия реализуют или не реализуют право голоса. Разговор, к какому коммуникативному жанру он бы ни принадлежал, — предприятие, создающееся совместными усилиями участников. Очевидно, что это предприятие будет обречено на провал, если право говорения не будет переходить от одного человека к другому.

¹ По мнению Андрея Корбута, исходный смысл понятия “turn” наилучшим образом передается с помощью слова «черед». Специфике перевода категориального аппарата КА посвящен соответствующий раздел его статьи, где подробно рассмотрены переводческие решения и представлено их обоснование [Корбут, 2015: 134–135].

Поэтому машинерией, или техникой, ответственной за (вос-)производство разговора, является система очередности, в основе которой — «слышимость» конкретных реплик, способность участников узнать и определить свое место в локальной организации взаимодействия [Корбут, 2015: 125]. В понимании Сакса, Щеглоффа и Джефферсон, упорядоченный разговор зиждется на трех техниках, которые задействуются собеседниками:

(а) «назначение говорящего», подразумевающее, что текущий участник разговора выбирает следующего (например, задавая вопрос);

(б) «самовыбор», когда право голоса получает собеседник, стартовавший первым после завершения предыдущей реплики;

(в) если первые две возможности не были реализованы, то первый собеседник продолжает говорить [Сакс, Щеглофф, Джефферсон, 2015: 153].

Таким образом, право голоса либо удерживается, либо передается следующему собеседнику. В каждом релевантном месте перехода реплики этот алгоритм повторяется вновь, актуализируя принцип «один говорящий за раз». Конечно, возможны нарушения этого принципа — «затруднения», вызванные ситуацией одновременного говорения. Однако участники взаимодействия могут исправить ошибки и нарушения очередности, остановившись и предоставив черед для другого собеседника [там же: 148]. Подобный механизм обеспечивает адаптацию структуры разговора под разные контексты, тематические репертуары и различные социальные характеристики говорящих [там же: 146].

Решение задач конверсационного анализа сопровождается **транскрипцией** разговорных взаимодействий, требующей особой методической щепетильности. Эрик Ливингстон отмечает новаторский характер конверс-аналитических расшифровок: «Вместо того чтобы использовать фонетическую систему для создания транскриптов, они [конверс-аналитики] настояли на расшифровке того, что было слышно на записях — пауз, невнятных слов, повторов, «неправильных» временных форм, наложений реплик, растянутых и подчеркнутых «слов». Однако революционный аспект их работы заключался в том, что, используя эти расшифровки в сочетании с записями, они попытались выяснить, чем является слышимое и услышанное, идентифицирующая работа по созданию обыденных событий для участников беседы. Они предприняли попытку определить, из чего для собеседников состоит разговор — в качестве практического действия и практического рассуждения (practical reasoning). Упорядоченность разговора рассматривалась как проблема социального порядка; цель конверсационного анализа состояла в том, чтобы обнаружить, какова эта упорядоченность в ее феноменальной прожитой детализации и как она локально производится» [Livingston, 1987: 66].

Конверс-аналитическая расшифровка — это максимально детализированная фиксация естественно протекающих разговоров. Ее привычный облик — заслуга Гейл Джефферсон, еще одного конверс-аналитического классика. Транскрипционистка Сакса, а впоследствии его сотрудница и коллега, она сформулировала систему стенографирования, призванную переводить живую

разговорную практику в текстовый вид при сохранении максимального количества нюансов. Для этого была использована специальная система символов, обозначающих конкретные проявления речевого поведения участников — как перечисленных Эриком Ливингстоном, так и других — вдохов/выдохов, смеха, повышений/понижений интонации, проглоченных слов, технических пометок расшифровщика и т.д. Расшифровка разговоров подчиняется более или менее единым правилам, хотя и возможны небольшие модификации. Как правило, каждая статья сопровождается глоссарием, в котором представлены ключевые символы с описанием того, что они значат (например, [Августис, Широков, 2019]). Кроме того, разъяснение принципов расшифровки разговора можно найти в уже упомянутой статье Сакса, Щеглоффа и Джефферсона [Сакс, Щеглофф, Джефферсон, 2015: 192–198], а также в отдельной работе Джефферсона [Jefferson, 2004]. Приведем иллюстрацию глоссария с подробным перечнем символов транскрибирования, опубликованного в статье Анны Турчик¹ [Турчик, 2013: 154]:

- **(0.0)** — Цифрами в скобках обозначаются паузы между высказываниями (в секундах и долях секунды);
- **(-)** — Фрагмент речи неясен и не может быть транскрибирован;
- **(.)** — Знак короткого промежутка между высказываниями (десятые доли секунды);
- **(())** — Комментарий автора, не является частью высказываний;
- **(слово)** — Примерно услышанное высказывание, не точно;
- **[]** — Наложение высказываний;
- **(хх)** — Смех, улыбка в голосе;
- **.хх** — Вдох;
- **хх** — Выдох;
- **слоххво** — Слово произносится со смехом или улыбкой в голосе;
- **=** Между высказываниями паузы нет вообще;
- **слово—** — Прерванное слово;
- **.,?!** — Знаки, символизирующую интонацию: завершающую, перечисляющую, вопросительную и восклицательную;
- **:** — Растягивание буквы; количество значков приблизительно показывает длину растягивания;
- **слово** — Подчеркнутая буква означает интонационное ударение на этом слове;
- **СЛОВО** — Слово произносится очень громко, крик;
- **слово** — Слово произносится подчеркнуто энергично и чуть громче обычного;
- **°слово°** — Высказывание произнесено заметно тише обычного;
- **↑↓** — Повышение и понижение интонации;
- **слово'** — «Проглоченное» слово или часть слова, разговорный вариант;

¹ Фрагмент разговора, расположенный ниже, расшифрован в соответствии с глоссарием и является частью той же статьи.

- (...) — Часть текста, следующего между высказываниями, опущена;
- < > — Замедление речи;
- > < — Ускорение речи.

Ниже представлен пример практической реализации конверс-аналитической расшифровки и работы механизмов очередности. В нем рассматривается взаимодействие участников телефонного интервью (интервьюера и респондента). В этом фрагменте интервьюер предпринимает попытку добиться согласия респондента на участие в беседе. Как утверждает автор статьи, слыша «да», интервьюер получает «право голоса» и начинает собственную реплику — вступительное слово. Он закрывает возможности для возникновения коммуникативных окон — релевантных мест перехода и «буквально перестает дышать до тех пор, пока не произнесет фразу до конца» (на это указывает знак «=>»), зная, что переход коммуникативной инициативы к респонденту может привести к завершению разговора [Турчик, 2013: 133].

Фрагмент 3¹ [Турчик, 2013: 133]:

1. Р: ↓да!
2. И: ↓здравствуйте=меня зовут Павел=я представляю компанию фонд
3. общественного мнения (.).h мы проводим очень интересный. h опрос
4. по (звук) жителей города ↓благовещенска=↓пожалуйста (.) буквально пять
5. минут уделите нам=примите участие в нашем ↓опросе=хоро↑шо?
6. (1) Всего пять ↓минут (.)
7. (2)
8. И: хорошо?
9. Р: ну: да↑ва:: йте [°валяйте°
10. И: [большое спасибо за ↓согласие

Каковы основные принципы КА и в чем заключается важность использования записанных разговоров и детализированных расшифровок? Это необходимо для того, чтобы обнаружить и описать повторяющиеся практики взаимодействия, производящую их машинерию. Абсолютно любой разговор представляет интерес для конверс-аналитика, поскольку каждый раз он «случается». Работа участников по исправлению поломок, сбоев и заминок демонстрирует постоянное воспроизводство и фиксацию упорядоченности, «порядок во всех точках» [Sacks, 1992: 484]. Эта упорядоченность реализуется постоянно — в расстановках акцентов, избегании слов, незначительных ошибках. Все это — не второстепенная, а неотъемлемая часть разговора. Естественная же упорядоченность разговора должна быть доступна для

¹ Представлен в том виде, в каком был опубликован в оригинальной работе.

аналитической проверки. Она обеспечивается записанными разговорами и их расшифровками, которые, в отличие от живой беседы, могут быть воспроизведены и тщательным образом препарированы с учетом внимания к «незначительным деталям», которые иначе могли бы быть отброшены. Примечательный пример приведен в статье Джека Сиднелла: начиная называть полицейского «копом», один из собеседников сознательно прерывает реплику и говорит «офицер». Это значит, что обычно он использует первое слово, но в текущей ситуации считает его употребление неуместным [Sidnell, 2013: 87]. Сиднелл констатирует, что «такие форматы исправления ошибок могут оказаться локусом порядка и явлением, поддающимся исследованию» [Sidnell, 2013: 87].

Конверсационный анализ предписывает и иные принципы рассмотрения идентичностей говорящих. Конечно, методика исследовательской работы с разговором требует доступа к максимальному объему контекстуальной информации — чем больше мы знаем о том, какова композиция отношений между участниками, кем они приходятся друг другу, тем лучше мы понимаем, что они делают, когда говорят определенным образом [Sidnell, 2013: 85]. В разговоре может участвовать кто угодно — «друг», «мать», «начальник», «клиент», «мужчина», «женщина» и т.д. Тем не менее эта информация об участнике не должна однозначно определять исследовательские интуиции. Конечно, различия между людьми, их категоризация с точки зрения класса, гендера, тех или иных капиталов или авторитета — это свойство, присущее миру, в котором мы живем. Однако далеко не обязательно, что эти различия — следствие производства конкретного фрагмента разговора или другого поведения во взаимодействии. Задача конверс-аналитика — «демонстрировать», а не «предполагать», показывать, что сами участники взаимодействия ориентируются на конкретные категоризации и строят разговор в соответствии с ними [Sidnell, 2013: 86].

Процедуры конверсационного анализа основываются на трех шагах: наблюдение, идентификация и коллекционирование феноменов, а также описание практики.

(1) Наблюдение

Конверс-аналитик начинает работу со случаем — записанным фрагментом беседы, обращая внимание на «как» разговора — его организацию, повторяющиеся детали, самих говорящих — и делая замечания относительно его особых черт [Sidnell, 2013: 87]. Эммануил Щеглофф отмечает: «Практически все результаты появляются на основе “немотивированного” исследования материалов естественного взаимодействия, то есть исследования, которое не вытекает из заранее определенных аналитических целей, а возникает благодаря наблюдению за изначально ничем не примечательными чертами разговора или другого поведения. В начале траектории такого анализа может быть наблюдение за совершаемым действием, затем — уточнение того, что

в разговоре или другом поведении, его контексте служит практикой для выполнения этого действия. Или же этот анализ может начаться с наблюдения за какой-то чертой разговора. Далее возникает вопрос, что — если вообще что-нибудь — является результатом этой практики» [Schegloff, 1996: 172]¹. Кроме того, на этом этапе возможно обращение к результатам предыдущих исследований, чтобы определить повторяющиеся от беседы к беседе кейсы и получить первое представление о собираемом явлении или практике [Sidnell, 2013: 87].

(2) Идентификация и коллекционирование феноменов

Переход от наблюдения за примечательным фрагментом к группировке похожих случаев — следующий этап разговорного анализа. Он сопряжен с разными трудностями, поскольку один и тот же случай (выбор реплики, формулировки вопроса и др.) можно соотнести с разными коллекциями [Sidnell, 2013: 88–92]. Так, вопрос «где ты был?» вовсе не обязательно выражает стремление узнать, в какой географической точке/месте/заведении находился человек. Вместо этого он может сигнализировать о недовольстве говорящего. Аналогичная многозначность обнаруживается в вопросах «Ты сейчас в центре города?» или «Есть ли у тебя в квартире горячая вода?». В первом случае может подразумеваться предложение встретиться, а во втором — деликатная просьба. Таким образом, подготовка коллекций требует скрупулезных усилий по идентификации случаев, удовлетворяющих запросам исследователя.

(3) Описание практики

На третьем этапе идентифицированный феномен, который обзавелся собственной коллекцией случаев, описывается в качестве практики. Сопоставляя различные проявления феномена, конверс-аналитик получает возможность определить, какую функцию выполняет заинтересовавший его элемент взаимодействия (в статье Сиднелла это междометие “Oh”) — независимо как от конкретного говорящего, так и от конкретного получателя. По словам Сиднелла, итогом подобных аналитических манипуляций становится общая, независимая от контекста черта практики [Sidnell, 2013: 97].

По мнению Эрика Ливингстона, проект транскрипции и метод анализа расшифровок «был блестящим во всех деталях», но, как показала практика, он не лишен недостатков [Livingston, 1987: 76]. Аудиозаписи и расшифровки, пусть и тщательным образом подготовленные, все же отдалили разговорный анализ (и Сакса в частности) от «наблюдаемой, живой работы производства обыденного разговора собеседниками», к которой относятся «телесное присутствие, локальная историчность сказанного, предыдущая определенность высказывания, действия собеседников и осуществляемые ими виды

¹ Цитата по [Sidnell, 2013: 88].

деятельности» [Livingston, 1987: 76]¹. Более того, чрезмерная увлеченность подготовкой транскрипта и его формализацией влечет за собой превращение конверсационного анализа в ресурс генерализации, а не схватывание механизмов, позволяющих социальному порядку случиться в микровзаимодействиях [Корбут, 2015: 136].

Тематический репертуар исследований, проводимых в русле КА, по-прежнему чрезвычайно широк и включает в себе как институциональные, так и неинституциональные взаимодействия. В фокус конверс-аналитиков попадают самые различные исследовательские сюжеты: ситуации телефонных опросов [Августис, Широков, 2019], геймифицированное обучение, где стандартная конфигурация отношений «ученик — учитель» дополняется использованием цифровых платформ [Ерофеева, Кловайт, 2020], атипичные взаимодействия — естественно протекающий разговор с людьми, у которых наблюдаются коммуникативные нарушения [Корбут, 2021], и т.д. Сравнительно недавним направлением исследований стало взаимодействие «человек — машина», которое выстраивается по совершенно иным правилам. В таких ситуациях механики поддержания порядка разговора и исправление коммуникативных поломок предполагают иной набор правил, отличный от взаимодействия между людьми. Например, разговору человека и голосового помощника свойственна прямая демонстрация недовольства без соблюдения правил вежливости [Корбут, 2019].

За годы существования конверсационного анализа его методология была расширена. Если в первоначальном виде КА имел дело с расшифрованными эпизодами разговоров, то в последнее время произошел сдвиг в сторону мультимодального подхода, выход за границы аудиального измерения. «Речь во взаимодействии» — это не только вербальный поток, но и телесные движения, настройки мимики, работа с окружающими физическими объектами и декорациями, в которые вписаны собеседники [Турчик, 2011]. В этой точке своего развития конверсационный анализ обнаруживает пересечение в методологических ориентациях с анализом видео (или видеонализом) — другой исследовательской программой, также возникшей под влиянием этнометодологии [Heath, Luff, Hindmarsh, 2010].

Литература

Августис Ю. И., Широков А. А. Ситуации и методы переспрашивания в телефонных опросах: этнометодологический анализ стандартизированного интервью // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 4. С. 22–42. EDN: [DKWLMK](#)

Ерофеева М. А., Кловайт Н. Боги из машины: порядок взаимодействия в геймифицированном дистанционном обучении // Социология власти. 2020. Т. 32. № 3. С. 189–220. DOI: <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2020-3-189-220>. EDN: [YNSNDP](#)

Ионин Л. Г. История теоретической социологии. Стабилизационное сознание и социологическая теория в век кризиса: Учебно-методическое пособие / Отв. ред. И. Ф. Девятко, М. С. Ковалева, В. Н. Фомина. М.: Академический проект, Гаудеамус, 2010. С. 215–217. EDN: [RVDKWB](#)

Корбут А. М. Атипичное взаимодействие и конверсационный анализ // Журнал исследований социальной политики. 2021. Т. 19. № 4. С. 737–743. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-4-737-743>. EDN: [IAIDYZ](#)

¹ Цитата по [Корбут, 2015: 127].

Корбут А. Говорите по очереди: нетехническое введение в разговорный анализ // Социологическое обозрение. 2015. Т. 14. № 1. С. 120–141. EDN: [TRRQZZ](#)

Корбут А. М. Реакция пользователей на сбои во взаимодействии с компьютерами: социологический анализ // Журнал социологии и социальной антропологии. 2019. Т. 22. № 6. С. 27–43. DOI: <https://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.6.3>. EDN: [AAGYYB](#)

Сакс Х., Щеглофф Э. А., Джефферсон Г. Простейшая систематика организации очередности в разговоре // Социологическое обозрение. 2015. Т. 14. № 1. С. 142–202. EDN: [TRRRAJ](#)

Тичер С., Мейер М., Водак Р., Веттер Е. Методы анализа текста и дискурса. Харьков: Издательство «Гуманитарный центр», 2009.

Турчик А. Мультимодальное взаимодействие: исследовательские возможности применения разговорного анализа. По итогам международной конференции по разговорному анализу, Мангейм (Германия), лето 2010 г. // Социологическое обозрение. 2011. Т. 10. № 1–2. С. 164–175. EDN: [NYKODP](#)

Турчик А. Разговорный анализ институционального взаимодействия: коммуникативные стратегии участников «прерванного» телефонного интервью // Социология власти. 2013. № 1–2. С. 122–154. EDN: [RYRFEH](#)

Boden D. People Are Talking: Conversation Analysis and Symbolic Interaction // Symbolic Interaction and Cultural Studies / Ed. by H. S. Becker, M. M. McCall. Chicago: University of Chicago Press, 1990. P. 244–274. DOI: <https://doi.org/10.7208/CHICAGO%2F9780226041056.003.0015>

Heath C., Luff P., Hindmarsh J. Video in Qualitative Research. London: SAGE Publications Ltd, 2010. DOI: <https://doi.org/10.1177/1470357210385526>

Jefferson G. Glossary of Transcript Symbols with an Introduction // Conversation Analysis: Studies from the First Generation / Ed. by G. H. Lerner. Amsterdam: John Benjamins, 2004. P. 13–31. DOI: <https://doi.org/10.1075/PBNS.125.02JEF>

Livingston E. Making Sense of Ethnomethodology. London: Routledge & Kegan Paul, 1987. DOI: <https://doi.org/10.2307/2072530>

Maynard D. W. Everyone and No One to Turn to: Intellectual Roots and Contexts for Conversation Analysis // The Handbook of Conversation Analysis / Ed. by J. Sidnell, T. Stivers. Chichester: Wiley-Blackwell, 2013. P. 11–31. DOI: <https://doi.org/10.1002/9781118325001.CH2>

Sacks H. Introduction // Harvey Sacks — Lectures 1964–1965 / Ed. by G. Jefferson. Dordrecht: Springer Science+Business Media, 1989. P. 29–33. DOI: https://doi.org/10.1007/978-94-015-6853-1_2

Sacks H. Lectures on Conversation. Cambridge: Blackwell, 1992. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF01323215>

Schegloff E. A. Confirming allusions: Toward an Empirical Account of Action // American Journal of Sociology. 1996. Vol. 102. № 11. P. 161–216. DOI: <https://doi.org/10.1086/230911> EDN: [CJD LGN](#)

Sidnell J. Basic Conversation Analytic Methods // The Handbook of Conversation Analysis / Ed. by J. Sidnell, T. Stivers. Chichester: Wiley-Blackwell, 2013. P. 77–99. DOI: <https://doi.org/10.1002/9781118325001>

Сведения об авторе:

Мальцев Михаил Алексеевич — аспирант, кафедра анализа социальных институтов, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия. **E-mail:** mamaltsev@hse.ru. **РИНЦ Author ID:** [1144978](#); **ORCID ID:** [0000-0002-7650-0293](#); **ResearcherID:** [AAE-2379-2022](#).

Статья поступила в редакцию: 07.08.2022

Принята к публикации: 09.09.2022

INTER-Encyclopedia: Conversation Analysis

DOI: 10.19181/inter.2022.14.3.7

Mikhail A. Maltsev

HSE University, Moscow, Russia.

E-mail: mamaltsev@hse.ru

The article describes the methodological features of conversation analysis (CA) and a special understanding of sociology which is embedded in its program and reflected in the categories of observational science, radical empiricism, micro-interactions and "talk-in-interaction". The interpretation of the concept of social order incorporated in the program of conversation analysis is presented. "Turn-taking" concept and "one speaker at a time" principle are discussed. They are shown to be crucial for the (re-)production of the local structure of a conversation. Finally, the article includes the overview of transcript preparation and analysis procedures developed in CA research.

Keywords: conversation analysis; practice of conversation; sociology of everyday life; ethnomethodology

References

Avgustis I.I., Shirokov A.A. (2019) Situacii i metody peresprashivaniya v telefonnyh oprosah: etnometodologicheskij analiz standartizirovannogo interv'yua [Situations and Methods of Re-asking in Telephone Surveys: an Ethnomethodological Analysis of a Standardized Interview]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialnye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 4. P. 22–42. (In Russ.)

Boden D. (1990) People Are Talking: Conversation Analysis and Symbolic Interaction. In: H. S. Becker, M.M. McCall (eds.) *Symbolic Interaction and Cultural Studies*. Chicago: University of Chicago Press. P. 244–274. DOI: <https://doi.org/10.7208/CHICAGO%2F9780226041056.003.0015>

Efofeeva M. A., Klowait N. (2020) Bogi iz mashiny: poryadok vzaimodejstviya v gejmficirovanom distancionnom obuchenii [Dei ex machina: The Interaction Order of Gamified Distance Learning]. *Sociologiya vlasti* [Sociology of Power]. Vol. 32. No. 3. P. 189–220. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2020-3-189-220>

Heath C., Luff P., Hindmarsh J. (2010) *Video in Qualitative Research*. London: SAGE Publications Ltd. DOI: <https://doi.org/10.1177/1470357210385526>

Ionin L. G. (2010) *Istoriya teoreticheskoy sociologii. Stabilizacionnoe soznanie i sociologicheskaya teoriya v vek krizisa: Uchebno-metodicheskoe posobie* [History of theoretical sociology. Stabilization Consciousness and Sociological Theory in the Age of Crisis: Study Guide]. Ed. by I. F. Devyatko, M. S. Kovaleva, V. N. Fomina. Moscow: Akademicheskij proekt, Gaudeamus [Academic project, Gaudeamus]. P. 215–217. (In Russ.)

Jefferson G. (2004) Glossary of Transcript Symbols with an Introduction. In: G. H. Lerner (ed.) *Conversation Analysis: Studies from the First Generation*. Amsterdam: John Benjamins. P. 13–31. DOI: <https://doi.org/10.1075/PBNS.125.02JEF>

Korbut A. M. (2021) Atipichnoe vzaimodejstvie i konversacionnyj analiz [Atypical Interaction and Conversation Analysis]. *Zhurnal issledovanij social'noj politiki* [The Journal of Social Policy Studies]. Vol. 19. No. 4. P. 737–743. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-4-737-743>

Korbut A. M. (2019) Reaktsiya pol'zovateley na sboi vo vzaimodejstvii s komp'yuterami: sotsiologicheskij analiz [User Reaction to Breakdowns in Human—Computer Interaction: A Sociological Analysis]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoj antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 22. No. 3. P. 27–43. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.6.3>

Korbut A. (2015) Govorite po ocheredi: netekhnicheskoe vvedenie v konversacionnyj analiz [Take Turns: A Non-Technical Introduction to Conversation Analysis]. *Sociologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review]. Vol. 14. No. 1. P. 120–141. (In Russ.)

Livingston E. (1987) *Making Sense of Ethnomethodology*. London: Routledge & Kegan Paul. DOI: <https://doi.org/10.2307/2072530>

Maynard D.W. (2013) Everyone and No One to Turn to: Intellectual Roots and Contexts for Conversation Analysis. In: J. Sidnell, T. Stivers (eds.) *The Handbook of Conversation Analysis*. Chichester: Wiley-Blackwell. P. 9–31. DOI: <https://doi.org/10.1002/9781118325001.CH2>

Sacks H. (1989) Introduction. In: G. Jefferson (ed.) *Harvey Sacks — Lectures 1964–1965*. Dordrecht: Springer Science+Business Media. P. 29–33. DOI: https://doi.org/10.1007/978-94-015-6853-1_2

Sacks H., Schegloff E. A., Jefferson G. (2015) Prostejshaya sistematika organizacii ocherednosti v razgovore [A Simplest Systematics for the Organization of Turn-Taking for Conversation]. *Sociologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review]. Vol. 14. No. 1. P. 142–202. (In Russ.)

Sacks H. (1992) *Lectures on Conversation*. Cambridge: Blackwell. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF01323215>

Schegloff E. A. (1996) Confirming allusions: Toward an empirical account of action. *American Journal of Sociology*. Vol. 102. No. 11. P. 161–216. DOI: <https://doi.org/10.1086/230911>

Sidnell J. (2013) Basic Conversation Analytic Methods. In: J. Sidnell, T. Stivers (eds.) *The Handbook of Conversation Analysis*. Chichester: Wiley-Blackwell. P. 77–99. DOI: <https://doi.org/10.1086/230911>

Titscher S., Meyer M., Wodak R., Vetter E. (2009) *Metody analiza teksta i diskursa* [Methods of Text and Discourse Analysis]. Kharkov: Izdatelstvo "Humanitarian Center". (In Russ.)

Turchik A. (2013) Konversacionnyj analiz institucional'nogo vzaimodejstviya: kommunikativnye strategii uchastnikov "prervannogo" telefonnogo interv'yuu [Conversation Analysis of Institutional Interaction: Communication Strategies of "interrupted" Telephone Interview Participants]. *Sociologiya vlasti* [Sociology of Power]. No. 1–2. P. 164–175. (In Russ.)

Turchik A. (2011) Mul'timodal'noe vzaimodejstvie: issledovatel'skie vozmozhnosti primeniya konversacionnogo analiza. Po itogam mezhdunarodnoj konferencii po konversacionnomu analizu, Mangejm (Germaniya), leto 2010 g. [Multimodal Interaction: Exploratory Opportunities for the Application of Conversation Analysis. Based on the results of the International Conference on Conversational Analysis, Mannheim (Germany), summer 2010]. *Sociologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review]. Vol. 10. No. 1–2. P. 164–175. (In Russ.)

Author bio:

Mikhail A. Maltsev — Graduate student, Social Institutes Analysis Department, HSE University, Moscow, Russia. **E-mail:** mamaltsev@hse.ru. **RSCI Author ID:** [1144978](https://doi.org/10.26907/2541-7713.2022.1144978); **ORCID ID:** [0000-0002-7650-0293](https://orcid.org/0000-0002-7650-0293); **ResearcherID:** [AAE-2379-2022](https://orcid.org/AAE-2379-2022).

Received: 07.08.2022

Accepted: 09.09.2022

Интеракция. Интервью. Интерпретация.

2022. Том 14. № 3

СЕТЕВОЙ ЖУРНАЛ

Учредители – Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
(117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5);
Российское общество социологов
(117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5);

Издатель – Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
(117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5)

Рецензируемый научный журнал
«Интеракция. Интервью. Интерпретация»
учрежден на заседании Президиума Общественной организации
«Российское общество социологов» и выпускается с 2002 г.

Все права на опубликованные материалы принадлежат редакции и авторам.

Точка зрения авторов публикуемых материалов
не обязательно отражает точку зрения редакции.

Публикации журнала не могут быть воспроизведены
в любой форме без разрешения редакции.

Требования к оформлению рукописей и порядок подачи статей
изложены на официальном сайте журнала: www.inter-fnisc.ru

Главный редактор:

Виктория Владимировна Семенова

Редакция:

Елена Юрьевна Рождественская
Анна Владимировна Стрельникова
Ирина Наумовна Тартаковская

Ответственный секретарь:

Павел Евгеньевич Сушко

Технический редактор:

Ольга Николаевна Салангина

Компьютерная верстка:

Виталий Евгеньевич Кудымов

Корректор:

Анна Николаевна Кокарева

Адрес редакции: 117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, каб. 513
E-mail: inter.fnisc@gmail.com

Editorial office: Krzhizhanovskogo str., 24/35, corp. 5, 117218, Moscow, Russian Federation
Ph. +7 (499) 128-86-18; e-mail: inter.fnisc@gmail.com